

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

С. А. Нефедов

**АГРАРНЫЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ИТОГИ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

Екатеринбург
Издательство УГГУ
2009

Ответственный редактор

доктор исторических наук, профессор Г. Е. Корнилов

Рецензенты

доктор исторических наук, в. н. с. Е. В. Алексеева
доктор исторических наук, профессор Б. В. Личман

*Книга рекомендована к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. -Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2009. – 209 с.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-Урал,
проект № 07-01-83109 а/У*

ISBN

Монография посвящена рассмотрению вопроса об изменении уровня жизни крестьян в результате социального кризиса 1917-1922 годов.

Исследование предполагает сравнение экономических и демографических показателей для докризисного (1909-1913 гг.) и послекризисного периода (1925-1929 гг.) в целом по России (СССР) и по двум регионам: Центрально-Черноземному и Уральскому.

Книга адресована специалистам-историкам, аспирантам и студентам вузов.

ISBN

© Нефедов С. А., 2009.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава 1. Методология, источники и литература 6

- 1.1 Методология исследования 6
- 1.2 Обзор источников и литературы 10

Глава 2. Демографические результаты кризиса 1914-1922 годов 32

- 2.1 Вопрос о связи демографических показателей и потребления 32
- 2.2 Динамика численности населения 41
- 2.3 Динамика рождаемости и смертности 46
- 2.4 Изменения в возрастном составе населения 51
- 2.5 Другие демографические изменения 55

Глава 3. Влияние кризиса 1914-1922 годов на уровень производства и потребления продовольственных продуктов 61

- 3.1 Продовольственное положение и уровень жизни в предкризисный период 61
- 3.2 Продовольственное положение на Черноземье и на Урале 74
- 3.3 Проблема аграрного перенаселения 86
- 3.4 Последствия революции 1905 года. Столыпинские реформы 91
- 3.5 Непосредственные результаты земельного передела 98
- 3.6 Продразверстка и голод 1921-1922 годов 104
- 3.7 Посевы, сборы и потребление в СССР периода нэпа 109
- 3.8 Посевы, сборы и потребление на Черноземье и на Урале 118
- 3.9 Кризис нэпа 132
- 3.10 Проблема аграрного перенаселения в 1920-х годах 140

Заключение 148

Примечания 153

Литература и источники 177

Введение

Каков был результат русских революций 1905-1917 года? Стали ли крестьяне жить лучше, получив помещичью землю? Двадцать лет назад ответ на этот вопрос не вызывал сомнений, но затем появилось много исследований, отрицающих какие-либо улучшения. Эти исследования высветили серьезную проблему: оказалось, что сопоставимые данные о потреблении до и после периода войн и революций фактически отсутствуют, что достоверность многих статистических показателей вызывает сомнения. Кроме того, оказалось, что ситуация в разных регионах была различной, что необходимо учитывать местные условия. Ответ на когда-то простой вопрос оказался сложной задачей.

В теории, сравнение уровня жизни в различные периоды предполагает сравнение данных о душевом потреблении, о продолжительности жизни, рождаемости, смертности. Традиционно считается, что эти показатели связаны между собой, и, в частности, продолжительность жизни в значительной мере определяется уровнем потребления пищи – поэтому при рассмотрении душевого потребления мы ограничимся, в основном, потреблением продуктов питания. Уровень потребления, в свою очередь, определяется уровнем сельскохозяйственного производства (размерами посевных площадей, урожайностью, развитием животноводства, размерами крестьянских наделов и т. д.), а так же уровнем экспорта. С другой стороны, продолжительность жизни зависит также от некоторых других переменных, в первую очередь, таких, как уровень медицинского обеспечения, развитие санитарии и гигиены, распространенность инфекционных заболеваний и т. д.

Таким образом, решение исходной задачи предполагает проведение комплексного исследования, включающего изучение динамики всех перечисленных экономических и демографических параметров с целью их сравнения во временных и пространственных координатах. Однако прежде, чем приступать к нашему исследованию, необходимо ознакомиться с «историческим опытом» катастроф, с теориями, которые обобщают этот исторический опыт и позволяют в первом приближении прогнозировать результаты кризисов, подобных российскому кризису 1914-1922 годов. Затем нужно проанализировать состояние статистических источников и выявить те из них, которые дают досто-

верную экономическую и демографическую информацию, рассмотреть вопрос о репрезентативности и значимости этих данных.

Наше исследование предполагает сравнение экономических и демографических показателей для докризисного (1909-1913 гг.) и послекризисного периода (1925-1929 гг.) в целом по России (СССР) и по двум регионам: Центрально-Черноземному и Уральскому. В территориальном аспекте сравнение показателей производится, в первую очередь, для 50 губерний Европейской России и для СССР. Во-вторых, проводится сравнение для территорий, входивших в 1928 году в Уральскую область и для территорий, входивших в указанном году в Центрально-Черноземную область СССР. Так как административные границы 1928 года не совпадают с административно-территориальным делением Российской империи, то такое сопоставление подразумевает достаточно трудоемкий пересчет данных Центрального статистического комитета МВД России для губерний, части которых позднее образовали указанные области СССР.

Глава 1. Методология, источники и литература

1.1 Методология исследования

Изучение демографических катастроф в истории человечества является составной частью теории демографических циклов, развивавшейся в рамках классического неомальтузианства¹. Как известно, главный постулат Т. Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено *средствами существования*»², поэтому перенаселение приводит к нехватке продуктов питания, к росту цен и ренты, к падению реальной заработной платы, к уменьшению потребления. Уменьшение потребления, регулярно повторяющиеся голодные годы нарушают устойчивость социально-экономической системы, и в конечном счете это приводит к экосоциальному кризису и к уменьшению численности населения. Перенаселение уходит в прошлое, количество средств существования, приходящихся на душу населения, возрастает, цены и рента падают, заработная плата увеличивается, и через некоторое время население снова начинает расти.

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (А. Смит, Ж. Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской³. Важно отметить, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом.

В 1934 году немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период роста населения и продовольственных цен в XIII-начале XIV века, который закончился демографической катастрофой середины XIV века, после которой цены резко упали и потребление увеличилось⁴. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо; таким образом, было доказано существование демографических циклов в истории Европы.

Работы В. Абея нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Тема мальтузианской цикличности демографических и экономических процессов в Европе нашла подробное отражение в трудах М. Постана, Б. Слихера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов⁵. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню⁶. В 1967 году вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках»⁷.

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, – писал Фернан Бродель, – это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным... Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается – а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII века, и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод – последний предшествует первым и сопутствует им – восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием...»⁸.

В 70-80-е годы XX века учение о демографических циклах получило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо. Проблема аграрного перенаселения в развивающихся странах была одной из важных практических тем, рассматривавшихся теоретиками неомальтузианства. В частности, в капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и в XVII веках, исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира⁹. Этой теме посвящены также работы российских исследователей А. В. Кортаева, Л. Е. Гринина, Д. А. Халтуринной¹⁰.

Новый этап в развитии концепции демографических циклов был связан с появлением демографически-структурной теории Джека Голдстоуна¹¹. Отличительной чертой демографически-структурной теории является структурный подход, эта теория рассматривает структуру – простой народ, государство и элиту - анализируя динамику и взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста или сокращения населения. В контексте данного исследования наиболее существенна динамика того элемента структуры, который обозначается Дж. Голдстоуном как «простой народ» или просто «народ». Изучение этой динамики в рамках данного подхода предполагает, прежде всего, изучение изменений в численности населения. По Голдстоуну (который в данном случае, в основном, следует неомальтузианской парадигме) рост населения должен приводить к дроблению крестьянских наделов и к крестьянскому малоземелью. В условиях низкого уровня развития производительных сил крестьянское малоземелье влечет за собой недостаточность средств пропитания, что приводит к уменьшению потребления и падению уровня жизни. Часть крестьян разоряется и продает свои наделы, крестьяне ищут других заработков, что приводит к развитию аренды, батрачеству, росту отходничества. Миграции крестьян в города приводят к ускоренному росту городского населения, сравнительно с ростом сельского населения, но в целом рост населения замедляется (если его не ускоряют другие факторы, такие, как развитие медицины). С другой стороны, недостаток пашен приводит к росту арендной платы, а недостаток продовольствия – к росту хлебных цен.

На соответствие картины, рисуемой мальтузианской теорией, реальному развитию России в конце XIX-начале XX века, указывали многие современники (обзор мальтузианской литературы того времени можно найти в монографии П. Маслова¹²). На современном уровне, с применением демографически-структурной теории, эта проблема была рассмотрена в одной из работ автора¹³. Необходимо, однако, отметить, что падение потребления произошло в России еще в первой половине XIX века, и во второй половине этого столетия среднее душевое потребление находилось на уровне минимально допустимой нормы – хотя временами наблюдались колебания, связанные, в значительной мере, с воздействием климатического фактора. В условиях большого разброса в величине крестьянских наделов это означало, что примерно половина населения находится в условиях постоянного недоедания.

Демографически-структурная теория утверждает, что уменьшение численности населения в результате кризиса должно иметь эффект противоположный тому, который наблюдается при росте населения. Кризис должен привести к массовым миграциям из городов на село, а после окончания войн и революций должны наблюдаться *увеличение крестьянских наделов, уменьшение хлебных цен и ренты, увеличение*

потребления, повышение уровня жизни, и в результате - ускоренный рост населения. На структурном уровне кризис означает трансформацию структуры «народ-государство-элита»: гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую автократию. Происходит перераспределение ресурсов внутри структуры, рента и налоги, в целом, уменьшаются, то есть общая доля ресурсов, приходящихся на долю народа, увеличивается¹⁴.

Масштабы увеличения потребления простого народа зависят от масштабов демографической катастрофы, чем больше убыль населения, тем больше пахотных земель остается на долю выживших и тем больше возрастает стоимость рабочей силы, то есть реальная заработная плата. Демографически-структурная теория утверждает, что наиболее ярко последствия уменьшения численности населения проявляются в перенаселенных регионах и малозаметны в регионах со сравнительно малой плотностью населения. Поэтому в случае российского кризиса наиболее существенные изменения должны наблюдаться в центральных районах, в то время как на Урале, согласно теории, значительных перемен в аграрной сфере ожидать не следует. Таким образом, демографически-структурная теория не только предсказывает общие результаты кризиса, но и прогнозирует региональные различия в его протекании, что особенно важно для изучения истории Урала.

Теория Дж. Голдстоуна апробирована на материалах стран Западной Европы и стран Востока (Китая, Японии и Османской империи), однако американский исследователь особо указывал на возможность применения этой теории в изучении истории России. Эта идея в общем плане была обоснована в работах последователей Дж. Голдстоуна, П. Турчина¹⁵ и Ч. Даннинга¹⁶, а также (более подробно) в работах автора¹⁷, однако конкретных исследований на предмет соответствия результатов российского экосоциального кризиса начала XX века предсказаниям теории до сих пор не проводилось. Если прогноз теории будет подтвержден также и в этом отношении, то это будет означать, что в целом аграрные и демографические последствия российского кризиса 1914-1922 годов были достаточно типичны и сопоставимы с последствиями других кризисов в странах Евразии. Если же прогноз демографически-структурной теории не оправдается, то это будет означать нетипичность российского кризиса, и соответственно, встает вопрос об объяснении этой специфики.

Демографически-структурная теория рассматривает, в основном, эволюцию традиционного, допромышленного общества, но применима также к изучению современных «развивающихся» стран. Процесс перехода от традиционного общества к индустриальному описывается

теорией модернизации¹⁸. По определению одного из создателей этой теории модернизации С. Блэка, модернизация – это процесс адаптации традиционного общества к новым условиям, порожденным научно-технической революцией, которая сделала возможным контроль за средой обитания¹⁹. В сельскохозяйственной сфере модернизация подразумевает внедрение новых технологий, что приводит, прежде всего, к увеличению урожайности и потребления. В социальной сфере – среди других последствий модернизации – необходимо акцентировать внимание на распространении грамотности, распаде больших семей, уменьшении смертности в связи с развитием медицины²⁰. Некоторые последствия модернизации, например, уменьшение смертности и увеличение (на первых порах) естественного прироста, близки по характеру к тем переменам, которые, согласно демографически-структурной теории, должны наблюдаться после экосоциального кризиса, и в связи с этим обстоятельством встает естественный вопрос, что же сыграло главную роль в «демографическом взрыве» эпохи нэпа: модернизация или послекризисный рост потребления?

Еще одним подходом, который предполагается использовать в данной работе, является теория мир-систем И. Валлерстайна²¹. В соответствии с этой теорией развитие мирового рынка определяет сырьевую специализацию экономики периферийных стран и приводит к массовому вывозу сырья и продовольствия в обмен на промышленные товары. В контексте российской истории второй половины XIX века можно утверждать, что включение в мировой рынок привело к огромному росту экспорта хлеба, что усугубило продовольственную ситуацию внутри страны. Хлебный экспорт в значительной степени был связан с (изучаемым демографически-структурной теорией) перераспределением ресурсов в рамках структуры «народ-государство-элита»; он был возможен, потому что значительная часть земель и получаемого на этих землях зерна находилась в руках элиты, которая считала более выгодным продавать его за границу. Как отмечалось выше, в соответствии с теорией Дж. Голдстоуна кризис должен сопровождаться уменьшением ренты и ресурсов, находящихся в распоряжении элиты, таким образом, после кризиса следует ожидать значительного сокращения хлебного экспорта.

1.2 Обзор источников и литературы

Возможности любого исследования в значительной мере определяются наличием источниковой базы. Рассмотрим сначала состояние источников в области демографии. Основным источником, характеризующим демографическое состояние России в период перед кризисом 1914-1922 годов, является материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. На основе данных этой переписи

С. А. Новосельским были построены таблицы смертности для Европейской части России 1896-1897 годов, дающие представление о демографической динамике того периода²². Эти таблицы были позднее дополнены еще двумя таблицами смертности, построенными С. А. Новосельским и В. В. Паевским для православного населения Европейской России²³. Для Урала (территорий, входящих в Пермскую губернию) таблицы смертности были построены на основании данных переписи 1897 года П. А. Голубевым²⁴.

Данные переписи 1897 года послужили базой для официального исчисления населения, проводимого Центральным статистическим комитетом МВД с учетом текущего учета смертей и рождений, а также полицейской регистрации в городах. Этот метод в недостаточной степени учитывал миграции населения, что приводило к тому, что выбывшие из сельской местности учитывались в числе городского населения, но не вычитались из сельского населения; подобный недоучет выбывших имел местно и при переселении в Сибирь. Таким образом, данные ЦСК несколько завышали численность населения 50 губерний Европейской России²⁵. Учитывая это обстоятельство, С. А. Новосельский провел коррекцию динамики роста для 50 губерний в целом, но коррекция для отдельных губерний оказалась невозможной, и исследователи до сих пор пользуются погубернскими данными ЦСК, оговаривая их неточность²⁶. Сводка основных сведений о демографическом состоянии России накануне кризиса 1914-1922 годов приведена в классическом исследовании А. Г. Рашина²⁷.

В 1916 году была проведена сельскохозяйственная перепись, сопровождавшаяся учетом населения, как на селе, так и в городах, однако при этом учитывалось лишь наличное население (включая беженцев и военнопленных), и не учитывались призванные в армию и отсутствующие на местах постоянного жительства²⁸. Перепись населения, начавшаяся в 1917 году, не была окончена, однако для многих губерний сохранились полезные для сравнения данные; возможность использования переписи 1917 года была обоснована в работах Л. С. Гапоненко и В. М. Кабузана²⁹. Перепись, проведенная в 1920 году, учитывала только наличное население, и при этом охватила лишь те районы, в которых к этому времени утвердилась советская власть. Перепись 1923 года охватила лишь городское население, ее историографический анализ был проведен И. Н. Киселевым³⁰. Материалы переписей 1916, 1917, 1920, 1923 годов использовались Е. З. Волковым³¹ и Л. И. Лубны-Герцыком³² для восстановления динамики населения в период кризиса 1914-1922 годов, однако некоторые авторы скептически относятся к возможности такого использования, учитывая неполноту данных переписей³³. Историографический анализ официальные данные о динамике населения за 1917-1929 годы был проведен в статье В. П. Данилова³⁴. Отличные от

официальных данных оценки численности населения в 1914-1926 годах имеются в работах Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской³⁵, Ж.-Н. Бирабена³⁶, А. Я. Боярского³⁷, С. Максудова³⁸, Ю. А. Полякова, И. Н. Киселева и В. А. Устинова³⁹. Мы рассмотрим эти данные более подробно в следующем параграфе. Что касается динамики численности населения в этот период на Черноземье и на Урале, то изменение административных границ до крайности затруднило подобные исследования. Правда, в монографии «Население Урала. XX век»⁴⁰ приводятся данные о численности населения Урала в 1920 и 1926 годах. Однако увеличение населения в этот период на 68%⁴¹ говорит о том, что численность населения приводится для несопоставимых территорий. Реальный пересчет данных о населении на административные границы 1927 года был осуществлен в 1927-1930 годах группой сотрудников ЦСУ во главе с А. И. Гайстером – но это пересчет касался лишь наличного сельского населения⁴².

После переписи 1920 года была постепенно налажена регистрация рождений и смертей в «загах»; данные этой регистрации за 1923-1925 и 1926 годы были опубликованы в специальных сборниках⁴³.

Для характеристики демографического положения в России в послекризисный период наибольшее значение имеют материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года. На основании этих материалов С. А. Новосельским и В. В. Паевским были построены таблицы смертности 1926-1927 годов⁴⁴; для Уральской области аналогичные таблицы были построены Ф. Н. Лебедевым⁴⁵. Сопоставление таблиц смертности 1896-1897 годов и 1926-1927 годов дало богатый материал для сравнительного анализа. Такой анализ, в частности, был проведен в статье Р. М. Дмитриевой и Е. М. Андреева⁴⁶, причем был сделан вывод о том, что за два десятилетия, непосредственно предшествующих революции «никаких кардинальных изменений в смертности не произошло»⁴⁷, но после революции наблюдалось значительное снижение экзогенной смертности⁴⁸. В этой и других работах материалы переписей 1897 и 1926 года не подвергались критике на предмет недоучета, однако в 1990-х годах Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова подняли вопрос о возможном недоучете переписью 1926 года младенческой смертности⁴⁹. Введенная авторами поправка на недоучет увеличила средний коэффициент смертности 1925-1928 годов (для всей территории СССР) с 20,6 ‰ по официальным данным⁵⁰ до 26,5 ‰⁵¹, что поставило под вопрос прежние выводы об уменьшении смертности после революции. Многие исследователи, однако, не приняли поправки Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской. Так, например В. Б. Жиромская⁵², А. Г. Вишневецкий⁵³, О. М. Вербицкая⁵⁴ продолжали использовать официальные данные о смертности и продолжительности жизни. Неясность в этом вопросе привела к тому, что в некоторых современ-

ных обзорных работах не приводится общих данных об уровне смертности в 1925-1928 годах⁵⁵.

Поскольку для настоящей работы представляется существенным выяснение вопроса о том, имело ли место уменьшение смертности и увеличение продолжительности жизни после кризиса 1914-1922 годов, мы остановимся на этой проблеме подробнее. Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова опираются на официальные данные учета рождений в 1924-1926 годах⁵⁶ и сравнивают их с данными переписи 1926 года, при этом оказывается, что «ожидаемые числа доживших из числа родившихся оказываются больше чисел детей, учтенных при переписи»⁵⁷. При этом ожидаемые числа доживших вычисляются с поправкой на недоучет регистрации рождений «загсами»: считается, что доля населения СССР на территориях, охваченных регистрацией, составляет 85,6%, а полнота регистрации 95,5%⁵⁸. В другой работе, где рассмотрение ограничивается европейской частью РСФСР, авторы указывают, что «точных данных о доле населения на территориях, охваченных регистрацией, нет, поэтому, на основе косвенных данных нами были приняты следующие оценки: 1924 г. – 97%, 1925 г. – 98%, 1926 г. – 99%. Полнота регистрации для всех трех лет нами принята на уровне 1927 г. – 95,5%...»⁵⁹. Естественно, что европейская часть РСФСР, в отличие от всего Союза, была практически полностью охвачена регистрацией, но возникает вопрос: почему полнота регистрации в обоих случаях принимается одинаковой – ведь в европейской части РСФСР она должна быть много выше, чем в среднем по Союзу? Один из руководителей ЦСУ, М. П. Красильников, писал, что «сопоставление численности детей в возрасте до 1 года по данным переписи с исчисленным количеством их на момент переписи по данным органов ЗАГС о рождаемости и детской смертности обнаружило полноту регистрации фактов естественного движения населения по большинству районов РСФСР даже в отношении грудных детей, где можно было бы ожидать наибольшего числа пробелов в регистрации»⁶⁰. В. Песчанский⁶¹ отмечает, что в Европейской части РСФСР (без Северного Кавказа и Дагестана) в 1926 году было зарегистрировано ЗАГСами 3089769 новорожденных и 588583 умерших в возрасте до одного года. Если считать – как это принято у статистиков⁶² – что 67% этого числа умерших (394330) родилось в том же году, то число детей, моложе одного года, доживших до конца 1926 года, определится в 2688197 человек. По данным Всесоюзной переписи оказалось детей моложе одного года на той же территории 2615472 человек, то есть на 2,8% меньше. «Эту разницу, – заключает В. Песчанский, – целиком можно отнести за счет неточности показаний в возрасте детей при переписи, возможных пропусков, а также несовпадения критического дня переписи с концом года»⁶³.

Поясним ситуацию таблицей 1.1, повторяющей таблицу 2.1 из работы Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской, и дополненной нами в графах, отмеченных звездочкой.

Как видно из таблицы, авторы корректируют зарегистрированное число рождений, изменяя его в соответствии с оцененной ими полнотой регистрации. Далее экспертным путем выбираются коэффициенты дожития, скорректированная численность родившихся умножается на эти коэффициенты и получается ожидаемое число доживших до переписи. Это число оказывается больше, чем число зарегистрированных переписью, и соответственно, вводятся поправки к данным переписи, достигающие 11%. В конечном счете, результатом введения этих поправок явилось обнаружение огромного недоучета младенческой смертности, который для 1928 года был оценен авторами в 40%⁶⁴. Это, конечно, противоречит утверждению М. П. Красильникова о том, что «к 1926 г. регистрация актов гражданского состояния... достигла исчерпывающей полноты». Вместе с тем, нельзя не отметить, что в основе расчетов Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской, лежит ряд неочевидных допущений. Одно из них – это экспертное определение уровней дожития. Другое – это принятие уровня полноты регистрации в 95,5%, о котором мы говорили выше. Как проверить полноту регистрации на практике? Очевидно, это можно сделать, лишь сопоставляя данные регистрации ЗАГСов с данными переписи 1926 года.

Таблица 1.1 - Сравнение результатов переписи 1926 года и результатов текущего учета ЗАГС

		Мальчики			Девочки		
		1924	1925	1926	1924	1925	1926
1	Число зарегистрированных ЗАГСами рождений, тыс.	1690	1811	1799	1590	1698	1687
2	Охват территории регистрации	0,97	0,98	0,99	0,97	0,98	0,99
3	Полнота регистрации	0,955	0,955	0,955	0,955	0,955	0,955
4	Число рождений с учетом коррекции, тыс.	1824	1935	1903	1716	1814	1784
5	Коэффициенты дожития по таблицам смертности 1926-27 гг.	0,708	0,747	0,845	0,741	0,78	0,869
6	Коэффициенты дожития, принятые Андреевым и др.	0,688	0,711	0,886	0,729	0,749	0,92
7	Учтено переписью, тыс.	1196	1250	1519	1192	1235	1479
8	Ожидаемое число доживших до переписи, тыс.	1256	1375	1686	1252	1359	1642
9	Поправки к переписи	1,05	1,1	1,11	1,05	1,01	1,11
10	Ожидаемое число доживших до переписи, тыс.*			1520			1466
	Погрешность регистрации*			0,999			1,009

Действительно, если мы умножим приведенные в таблице 1.1 числа родившихся по данным «загсов» в 1926 году мальчиков и девочек на приводимые авторами коэффициенты дожития построенной по данным переписи таблицы смертности (строка 5), то получим, что до переписи должно дожить 1520 тыс. мальчиков и 1466 тыс. девочек - числа, практически совпадающие с числом реально переписанных младенцев (1519 и 1479 тыс.). Что касается точности данных о рождаемости в 1924 и 1925 годов, то в свое время А. Я. Боярский, сопоставив эти данные с таблицей смертности, пришел к выводу об «отсутствии большого недоучета родившихся»⁶⁵. В итоге, утверждение М. П. Красильникова о полноте регистрации получает несомненное подтверждение.

Таким образом, на сегодняшний день мы не имеем оснований не доверять данным официальной статистики и предполагать огромный недоучет младенческой смертности, постулируемый Е. М. Андреевым, Л. Е. Дарским и Т. Л. Харьковской, – во всяком случае, на территории европейской части РСФСР.

Проблема изучения динамики душевого потребления достаточно сложна и требует, в первую очередь, изучения данных сельскохозяйственной статистики с целью определения душевого чистого сбора. Данные о посевах и урожаях имеются в России с начала XIX века; в нашей работе использовались данные сельскохозяйственной статистики, приводимые в работах А. М. Анфимова, Н. М. Дружинина, И. Д. Ковальченко, А. С. Нифонтова, В. М. Обухова, П. Г. Рындзюнского и некоторых других авторов.

В период 1883-1917 годов данные об урожаях собирались Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел и публиковались в справочниках, издаваемых этой организацией (см. ниже). На основе этих данных В. М. Обуховым были составлены временные ряды посевов и урожая для 50 губерний на протяжении указанного периода⁶⁶. Суммируя имеющиеся данные по 50 губерниям Европейской России, А. С. Нифонтов⁶⁷ получил средние по десятилетиям величины посевов, чистых сборов и построил продовольственный баланс, позволяющий определить уровень душевого потребления зерновых для второй половины XIX века. Б. Н. Миронов построил аналогичный баланс для 1909-1913 годов⁶⁸, а А. М. Анфимов получил соответствующие данные для периода первой мировой войны⁶⁹. Таким образом, в нашем распоряжении имеются достаточно апробированные материалы, позволяющие оценить уровень душевого потребления зерновых на основной части территории России в конце XIX – начале XX века.

Для характеристики уровня потребления используются также другие показатели: величина реальной заработной платы, выраженная в

пудах хлеба и антропометрические данные. Тесная связь реальной заработной платы с уровнем потребления очевидна и давно признана экономистами⁷⁰. Для начала XX века динамика заработной платы рабочих определяется по материалам фабричной инспекции и земской статистики, источниковедческий анализ которых дан в работе Ю. В. Кирьянова⁷¹. В исследовании используются данные о динамике заработной платы, приводимые в работах Л. И. Бородкина, Э. Э. Крузе, Б.Н. Миронова, С. Г. Струмилина. Обобщенные данные о динамике заработной плате в фабрично-заводской промышленности России в начале XX века приводятся в работах С. Г. Струмилина и Э. Э. Крузе⁷²

Имеются также непосредственные социологические данные об уровне потребления в конце XIX – начале XX века. Эти данные приводятся, в частности, в работе С. А. Клепикова, суммирующей результаты земских обследований в 16 губерниях⁷³. Вопрос о репрезентативности этих данных более подробно рассматривается в третьей главе.

Таким образом, в совокупности три характеристики душевого потребления – душевой чистый сбор (за вычетом экспорта и расходов на винокурение), реальная заработная плата и социологические данные дают достаточно объективное представление о динамике душевого потребления. Для наших целей особую важность представляют данные сельскохозяйственной статистики, которые с 1880-х годов публиковались в сборниках Центрального статистического комитета «Урожай... года в Европейской России» (с 1895 года – «Урожай ... года»). Эти источники были использованы нами для получения тренда душевого чистого сбора, характеризующего динамику потребления для периода 1883-1914 гг.

Вопрос о достоверности данных урожайной статистики ЦСК чрезвычайно важен для данного исследования; поэтому на нем следует остановиться более подробно.

Данные об урожаях собирались в указанный период Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, Министерством земледелия и земствами. Известно, что для сбора данных ЦСК через волостные правления распространяло около 100 тыс. стандартных анкет с вопросами об урожайности и посевных площадях. С другой стороны, Министерство земледелия использовало сеть добровольных корреспондентов, которые предоставляли сведения, как о своих хозяйствах, так и о хозяйствах соседей. Этих корреспондентов было сравнительно немного (до 8 тыс. человек), они обычно принадлежали к числу крупных и успешных хозяев, и в силу этой специфики предоставляемые ими сведения об урожайности, с точки зрения самого Министерства земледелия, были завышенными⁷⁴. В 1893 году А. Ф. Фортунатов установил, что это превышение (по сравнению с данными ЦСК) составляет примерно 7%⁷⁵. А. Ф. Фортунатов соглашался с тезисом о

завышенности корреспондентских данных Министерства земледелия, но полагал что цифры ЦСК, в свою очередь, несколько занижены, то есть реальная урожайность заключена где-то посередине⁷⁶. В 1915 г. Д. И. Иванцов сравнил различные данные об урожайности ржи по 18 губерниям за период от 7 до 26 лет и подсчитал, что в среднем указанное превышение составляет 11-12%, а цифры земств превышают цифры ЦСК на 9-10%⁷⁷. Сравнение посевных площадей было проведено за один год для пяти губерний; данные земств оказались на 4% выше, чем данные ЦСК⁷⁸. Д. И. Иванцов считал, что проведенный им анализ является достаточно «беглым»⁷⁹ и не предлагал, основываясь на нем, вводить какие-либо коррективы в официальную статистику.

В 1924 году появилась статья С. Г. Струмилина⁸⁰, в которой он утверждал, что Госплан СССР, построив зерновой баланс для 1906-1914 годов, нашел, что расходная часть на 19% превышает официальный валовой урожай по данным ЦСК. С. Г. Струмилинин считал, что данные баланса согласуются с результатами Д. И. Иванцова⁸¹. После этой статьи Госплан некоторое время давал в своих изданиях величину предвоенных урожаев с надбавкой в 19%, однако ЦСУ СССР никогда не применяло этой надбавки. Сотрудник ЦСУ Н. Виноградова в 1926 г. опубликовала большую статью с подробным сопоставлением всех имевшихся данных об урожайности по сведениям ЦСК и земств⁸². Оказалось, что данные земств зависели от применяемой методики: если их поставляли добровольные корреспонденты, то они – так же как данные Министерства земледелия – превышали цифры ЦСК, если же их получали через опросы, проводимые администрацией или через оценки волостного правления и сельских старост, то они оказывались ниже данных ЦСК⁸³. «Если признать, что корреспондентские данные вообще могут быть несколько повышенными, - подводит итог Н. Виноградова, - то из всех приведенных данных вытекает, по-видимому, с достаточной степенью убедительности, что данные Центрального Статистического Комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*» (выделено Н. Виноградовой)⁸⁴.

Статья Н. Виноградовой до сих пор является наиболее детальным в российской историографии исследованием проблемы сопоставимости данных урожайной статистики. Повидимому, основываясь на этих материалах Госплан в дальнейшем отказался от применения поправки в 19% и стал использовать (также как и ЦСУ) данные ЦСК.

Такова ситуация с урожайностью. Что касается сбора, то он определялся ЦСК путем умножения урожайности на величину посева или посевных площадей. Данных о посевах Министерство земледелия не собирало, а в земских обследованиях они присутствуют крайне редко. Однако имеется еще один независимый источник, позволяющий оценить достоверность данных ЦСК о посевах, – это данные сельскохо-

зяйственной переписи 1916 года. В целом по 46 губерниям данные о посевах ЦСК превышали данные переписи на 8,8%, но поскольку, здесь, вероятно, сыграли роль военные обстоятельства, Особое совещание по продовольствию сделало вывод, что в целом данные ЦСК вполне достоверны⁸⁵. Эти выводы, в конечном счете, определили подход советских аграрных историков к проблеме сопоставимости статистических материалов: советская историческая школа традиционно использовала статистику ЦСК, «как наиболее систематический и наиболее полный набор данных»⁸⁶.

Западная историческая школа долгое время продолжала использовать 19%-ю надбавку Иванцова-Струмилина⁸⁷. Перелом в мнениях западных историков произошел только в 1974 году, когда появилось детальное исследование С. Уиткрофта «Реабилитация предвоенной российской урожайной статистики»⁸⁸. С. Уиткрофт, в частности, разрешил вопрос о происхождении надбавки Иванцова-Струмилина, и выяснил, что, во-первых, материалы Иванцова совершенно не достаточны для введения каких-либо поправок. Во-вторых, С. Уиткрофт нашел в работе Н. Аделунга⁸⁹ зерновой баланс Госплана, на который ссылался Струмилин и проанализировал причины различия данных в расходной части бюджета с данными ЦСК о валовых сборах в его приходной части. «В основном это различие можно объяснить при помощи норм потребления, которые были значительно выше, чем обычно используемые для этого периода, - отмечает С. Уиткрофт. - Может быть подсчитано, что Аделунг использовал личную норму потребления в 21 пуд на душу в год, в то время как норма, принимавшаяся А. В. Чаяновым, А. Е. Лосицким, С. А. Клепиковым, Р. Я. Поповым и даже Н. Ясным не превосходила 17,2 пуда»⁹⁰. В итоге, английский исследователь сделал вывод, что введение поправки в 19% было необоснованным⁹¹. Правда, в работе 1974 года С. Уиткрофт не отвергал полностью возможности введения менее значительных поправок, как, например 7%-я поправка Фортунатова, и некоторые западные историки, в частности, П. Грегори, такую поправку вводили⁹². Однако в дальнейшем С. Уиткрофт и Р. Дэвис в результате проведенного анализа пришли к выводу, что «урожайные данные ЦСК были достаточно надежными»⁹³.

Из российских историков за введение поправок к данным ЦСК в последнее время выступают М. А. Давыдов⁹⁴, и Б. Н. Миронов⁹⁵ (хотя Б. Н. Миронов еще недавно, в работе 2002 года, использовал неисправленные данные⁹⁶). Оба историка не привлекают каких-либо новых данных и ссылаются на старые работы А. Ф. Фортунатова и Д. И. Иванцова. Б. Н. Миронов (после беседы с автором этих строк) признал значение результатов Н. Виноградовой, но выдвинул новое возражение: «крестьяне в равной степени не доверяли как земствам, так и

ЦСК и вряд ли могли сообщить и тем и другим правильные сведения»⁹⁷. То есть под сомнение теперь ставятся не только данные ЦСК, но и корреспондентские данные земств и Министерства земледелия. Напомню, что эти данные предоставлялись *добровольными* корреспондентами, которых никто не заставлял лгать, и поскольку эти корреспонденты принадлежали, по большей части, к числу зажиточных хозяев, то эти данные считались завышенными даже А. Ф. Фортунатовым. Основным аргумент введения поправок в новой работе Б. Н. Миронова - это ссылка на высказывание Струмилина о балансе Госплана, о котором говорилось выше⁹⁸. Но как уже отмечалось, С. Уиткрофт установил нереальность этого баланса.

Что касается работы М. А. Давыдова, то главным аргументом этого исследователя против статистики ЦСК являются данные о вывозе хлебов из некоторых губерний, который в отдельные неурожайные годы оказывался больше, чем собранный в губернии урожай. Например, в Оренбургской губернии в 1910 году при урожае в 53,9 млн пуд пшеницы было вывезено 11,7 млн пуд, а в 1911 году при урожае в 5,0 млн пудов было вывезено 7,4 млн пудов⁹⁹. Это «недоразумение», однако, легко объяснить тем, что до сентября 1911 года (а возможно, и позже) вывозился хлеб предыдущего урожая, который был исключительно обильным. Таким образом, на данный момент мы не видим достаточного обоснования, чтобы отвергать статистику урожайности ЦСК или вносить в нее какие-либо поправки.

Такова ситуация с урожайностью. Что касается сбора, то он определялся ЦСК путем умножения урожайности на величину посева или посевных площадей. Данных о посевах Министерство земледелия не собирало, а в земских обследованиях они присутствуют крайне редко. Однако имеется еще один независимый источник, позволяющий оценить достоверность данных ЦСК о посевах, – это данные сельскохозяйственной переписи 1916 года. В целом по 46 губерниям данные о посевах ЦСК превышали данные переписи на 8,8%¹⁰⁰. Поскольку методика сборов данных оставалась неизменной с 1881 года, то вероятно, такое завышение имело место и раньше. Отсюда следует, что данные ЦСК не занижали реальные сборы (как полагает М. А. Давыдов), а возможно, немного завышали их.

Среди разнообразных статистических материалов использовались также данные о поголовье рабочего скота военно-конских переписей, проводимых в 1888-1912 годах, и охватывавших всю территорию Европейской России. И. Д. Ковальченко отмечает, что эти данные обладали высокой достоверностью, что обеспечивалось тщательно разработанной методикой их сбора¹⁰¹. Необходимо отметить, однако, что данные военно-конских переписей несопоставимы с данными сельскохозяйственной переписи 1917 года ввиду применения разных методик

учета¹⁰². Сведения о потреблении зерна на фураж в различных губерниях приводятся в записке Министерства продовольствия «Урожай хлебов в России в 1917 г.»¹⁰³.

В работе используются материалы транспортной статистики, приведенные в сборниках «Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг.»¹⁰⁴ и «Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России»¹⁰⁵. Во втором из этих сборников проводится критический анализ приводимых данных транспортной статистики и устанавливается их соответствие реальному положению, однако отмечается, что в Саратовской, Симбирской, Самарской губерниях имела некоторая «ограниченная» погрешность в определении объема водных перевозок, а в Пензенской губернии – неточность в объеме железнодорожных перевозок¹⁰⁶.

Из числа земских статистических источников в работе использовались результаты подворных переписей населения для Воронежской и Калужской губерний, проведенных в конце XIX века. С источниковедческой точки зрения данные земских подворных переписей проанализированы в работе И. Д. Ковальченко, Т. Л. Моисеенко и Н. Б. Селунской¹⁰⁷. Авторы пришли к выводу, что «методика и техника сбора информации обусловила высокую степень достоверности, точности и полноты земской статистики»¹⁰⁸.

В работе использовались также материалы земских статистических обследований, проводившихся в 1887-1915 годах. Критический анализ этой группы источников проведен в работе Н. Н. Корневской¹⁰⁹, причем был сделан вывод о допустимости их использования, с оговоркой, что большинство средних бюджетов (за исключением козельского обследования) несколько превышали уровень потребления, так как в исходной выборке была завышена доля зажиточных хозяйств сравнительно с бедными хозяйствами¹¹⁰.

Для советского периода в нашем распоряжении имеется значительный корпус источников. Это, в первую очередь, официальные статистические материалы, публиковавшиеся в «Трудах Центрального статистического управления», в «Бюллетене ЦСУ», «Трудах Уральского областного статистического управления», журналах «Вестник статистики», «Статистическое обозрение», «Плановое хозяйство», «Социалистическое хозяйство», в справочниках «Сельское хозяйство СССР за 1925-1928 г.», «Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/26 – 1928/29 гг.», «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916 и 1923-1927 гг.» и др. Значительный массив сведений имеется в фондах Российского государственного архива экономики: фонд 478 (Народного комиссариата земледелия РСФСР), фонд 1562 (ЦСУ СССР), фонд 1943 (Народный

комиссариат продовольствия), фонд 3429 (ВСНХ СССР), а также Государственного архива Российской Федерации (фонд 374 - ЦСУ РСФСР). Ценные материалы имеются также в Государственном архиве Свердловской области: фонд 239 (Уральское областное земельное управление), фонд 241 (Уральская областная плановая комиссия), фонд 1812 (Уральское областное статистическое управление), в Центре документации общественных организаций Свердловской области: фонд 4 (Уральский областной комитет КПСС) и др.

Однако значимость официальных статистических материалов требует критического рассмотрения. В советский период данные сельскохозяйственной статистики ЦСУ принимались без каких-либо оговорок, однако относительно недавно И. В. Кочетков поднял вопрос о вероятной завышенности этих сведений в результате использования ЦСУ так называемых «поправок на недоучет»¹¹¹. Поэтому возникает необходимость более подробно рассмотреть вопрос о методике сельскохозяйственного учета ЦСУ.

Прежде всего, необходимо отметить, что получение данных о посевах и сборах было для ЦСУ непростой задачей. «В прежние, дореволюционные времена, население относилось не так осторожно ко всякого рода статистическим опросам, как теперь, - отмечал руководитель Отдела текущей сельскохозяйственной статистики ЦСУ Н. И. Дубенецкий. – Оно знало, что эти сведения собираются больше для порядка. Налог взимался не по признаку размера посева, пашни и урожая... За годы революции положение резко изменилось. Население воочию увидело тесную связь между статистикой и практикой продовольственного дела, налогового обложения и даже политики. Особенно ярко показали это последние годы военного коммунизма и периода комбедов, когда бывали попытки использовать материалы переписи 1920 года для составления списков “кулаков” и прочих нежелательных элементов, и продналога, особенно в 1921 и 1922 годы... В результате, полученные ответы стали отражать не действительное положение вещей, а некую равнодействующую между этим последним и специфической заинтересованностью»¹¹².

В отличие от докризисного периода, налоги в советское время напрямую зависели от посевов и количества скота, и для определения этих (и некоторых других) параметров для каждого хозяйства Наркомфин ежегодно проводил сплошную перепись крестьянских дворов. Данные этих переписей, публиковавшиеся в изданиях того времени, позднее были систематизированы В. П. Даниловым и Т. И. Славко¹¹³. Во время переписей крестьяне сами предоставляли соответствующие данные, и уполномоченные Наркомфина без проверки заносили их в налоговые ведомости. Естественно, что, стремясь уменьшить налоги и будучи уверены в безнаказанности, хозяева намного занижали количе-

ство своих посевов и скота - и в целом сбор сведений проходил в столь напряженной обстановке, что о массовом контроле или репрессиях по отношению к укрывающим доходы не могло быть и речи. Ввиду массового укрывания посевов ЦСУ не могло строить свою отчетность по данным Наркомфина, и для того, чтобы определить их реальные размеры, оно проводило ежегодно весной пяти- или десятипроцентный выборочный опрос крестьянских хозяйств. Хотя в данном случае результаты формально не влияли на налоги, крестьяне из опасения сооставления этих данных с налоговыми обычно давали одни и те же приуменьшенные сведения. Специалисты называли этот эффект «замутнением источников статистического познания»¹¹⁴. Несоответствие статистических данных реальности особенно ярко проявилось, когда стали проводиться бюджетные исследования с целью выяснить уровень потребления в крестьянских хозяйствах. Оказалось, что уровень потребления разительно не соответствует данным ЦСУ об уровне производства, о посевах и сборах. Первая же попытка Госплана построить баланс потребления и производства показала, что данные ЦСУ о сборе занижены более чем на 30%. ЦСУ поначалу отвергало балансовый метод и продолжало публиковать заниженные данные, но в конце концов было вынуждено прислушаться к аргументам известных экономистов и статистиков, Н. Д. Кондратьева, В. Г. Громана, М. Н. Вишневского, Н. П. Огановского, А. Е. Лосяцкого, С. Г. Струмилины¹¹⁵.

В конечном счете, к 1924 году была выработана методика контроля данных весенних опросов с помощью бюджетных обследований, их корректировки «коэффициентами недоучета» и окончательной проверки путем построения хлебофуражного баланса¹¹⁶. Однако по мнению И. В. Кочеткова, введения этих коэффициентов в действительности не требовалось и за реальные величины посева можно было принимать усредненные данные весенних выборочных опросов. «На точность результатов выборочных обследований крестьянских хозяйств влияло множество случайных событий, - пишет И. В. Кочетков. - Стремление населения “прибедниться” можно считать одним из них, ведущим к уменьшению выборочной средней по сравнению со средней генеральной совокупности. В противоположном направлении действовали нарушения механичности выборки, повышающие показатели среднего хозяйства и невозможность во всех случаях проверять численность хозяйств, даваемую по налоговым спискам с некоторой тенденцией к преувеличению. Объем выборки (до 1,2 млн. крестьянских хозяйств по СССР) позволяет сослаться на закон больших чисел, согласно которому в выборке достаточно большого объема случайные влияния на выборочное среднее взаимоуравновешиваются и оно близко к среднему значению генеральной совокупности. Следовательно, величина посевной площади зерновых в среднем крестьянском хо-

зайстве по данным весенних выборочных обследований ЦСУ может служить для оценки размера посева хлебов, как по отдельным регионам, так и по всей территории России в целом без каких-либо поправок»¹¹⁷.

В этих рассуждениях содержится принципиальная ошибка: И. В. Кочетков считает как приуменьшение посевов крестьянами из желания «прибедниться», так и «нарушение механистичности выборки» «случайными влияниями», в то время как и то и другое влекли за собой не случайные, а *систематические* ошибки в данных опросов. К систематическим ошибкам закон больших чисел не применим; они не взаимобуравновешиваются в больших выборках, поэтому заключение И. В. Кочеткова в корне неверно: усредненные данные весенних опросов не дают реальной величины посевов. Для устранения систематической ошибки необходимо введение поправочных коэффициентов - и это прекрасно понимали специалисты ЦСУ и Госплана, хорошо знакомые с математической статистикой.

Итак, методика ЦСУ предполагала введение двух поправочных коэффициентов. *Первый* коэффициент, учитывающий влияние «прибеднения», определялся путем сравнения данных весеннего опроса и результатов ежегодно проводимых выборочных бюджетных обследований. Бюджетные обследования предполагали подробное описание 10-15 тысяч крестьянских хозяйств с проверкой данных путем сопоставления доходов и расходов, поэтому они давали более точные размеры посевов¹¹⁸. Конечно, бюджетные обследования представляли собой ограниченную выборку, то точность результатов, получаемых по этой выборке, гарантировалась применявшимися методами математической статистики, в частности, известной теоремой Боули¹¹⁹.

Небольшая ошибка в бюджетных данных могла происходить от «нарушения механистичности выборки» и преувеличения числа членов семьи за счет учета отсутствующих. Нарушение механистичности выборки было связано с тем, что бедняки стремились уклониться от обследований, и в бюджетной выборке успешные хозяева были представлены в несколько большей пропорции, чем в весенних опросах. В итоге, бюджетные обследования немного завышали размеры посева, и это учитывалось *вторым* коэффициентом – так называемой «скрытой поправкой», которая получалась путем приведения бюджетной выборки к реальной выборке весенних опросов. Эта поправка вносилась губернскими статуправлениями применительно к местным условиям, и, например, уральские статистики рассчитали, что при учете посевов «скрытая поправка» равна 2,65%, при учете лошадей – 2,56%, учете коров – 1,69%¹²⁰. Для обследований питания А. Лосицкий показал, что «скрытая поправка» не превосходит 3,2%¹²¹. Однако крестьяне занижали размеры своих посевов, поэтому выборка весенних опросов тре-

бывала исправления, и после исправления методами математической статистики оказалось, что нарушение механистичности не приводит к завышению бюджетной средней по потреблению. Что же касается учета отсутствующих, то было доказано, что завышение по этой причине не может превосходить 4,2%¹²², и при составлении балансов потребления обычно уменьшали на 5%¹²³.

Два коэффициенты работали в противоположных направлениях, но влияние первого было намного существеннее, чем влияние второго. В результате взаимодействия обоих коэффициентов получался единый «коэффициент недоучета». В конечном итоге, найденный по обследованным хозяйствам района коэффициент недоучета распространялся на все хозяйства района; при определении размеров посевных площадей зафиксированная при весеннем опросе площадь умножалась на этот коэффициент (см. таблицу 1.2)¹²⁴.

Таблица 1.2 - Коэффициенты недоучета посева зерновых в 1925-1927 гг¹²⁵.

	1925	1926	1927
По всем районам	1,232	1,205	1,19
ЦЧО	1,230	1,232	1,217
Уральская область	1,252	1,222	1,223

Известный статистик В. М. Обухов оценивал максимальную погрешность определения размеров посевных площадей всей страны с помощью поправок на недоучет в 2%, допуская, что для отдельных регионов она может оказаться большей¹²⁶. Полученные при внесении корректив результаты проверялись с помощью построения хлебофуражных балансов, как для всего Союза, так и для отдельных регионов: таким образом, выяснялось, соответствует ли исчисленный урожай реальным расходам зерна. С этой целью 26 мая 1926 года при ЦСУ был создан «Экспертный Совет по оценке хлебофуражной продукции и хлебофуражного баланса СССР»¹²⁷.

Методика расчета с опорой на результаты бюджетных обследований использовалась в 1923-1926 годах, но затем метод расчета усложнился. Начиная с 1925 года, стали проводиться контрольные обмеры посевных площадей, которые постепенно приобретали все большие масштабы; 1927 году было обмеряно 1,08% всех посевов. При этом оказалось, что недоучет, зафиксированный при контрольных обмерах, немного (на 1-3%) превосходит недоучет, установленный при бюджетных обследованиях, и в 1928 году Экспертный Совет пересчитал посевные площади 1925-1926 годов, внося соответствующую поправку¹²⁸.

В основу данных об урожайности брались данные, полученные во время ежегодных «осенних» опросов крестьянских хозяйств. Эти оп-

росы были выборочными и распространялись на 2-3% всех дворов. Параллельно с 1925 года были введены опросы примерно 10 тысяч «особо квалифицированных корреспондентов», а также использовались бюджетные обследования. На основе этих данных Институтом экспериментальной статистики были выведены средние коэффициенты недоучета в зависимости от непосредственных сообщений осенних опросов (таблица 1.4).

Таблица 1.3 - Коэффициенты недоучета урожайности¹²⁹.

Непосредственное сообщение о сборе кг/га	165	330	495	660	825	990	1155
Коэффициент недоучета	1,383	1,283	1,209	1,135	1,083	1,056	1,043

Как отмечалось выше, величина получившегося урожая проверялась балансовым методом. С 1928 года в различных районах стали проводиться контрольные обмолоты - несмотря на то, что крестьяне относились к ним крайне враждебно. Эти обмолоты показали, что в целом недоучет урожайности был больше, чем предполагали ранее. В 1929 году по ЦЧО контрольные обмолоты дали коэффициент недоучета 1,228 против коэффициента 1,114, установленного бюджетными обследованиями, в Уральской области – 1,296 против 1,258¹³⁰. В справочниках ЦСУ и местных статуправлений, изданных в 1928-1929 годах, эти данные, естественно, не учитываются, но их надо иметь в виду при общей оценке методологии определения урожая с помощью коэффициентов недоучета: получается, что вопреки сомнениям И. В. Кочеткова эти данные не завышали, а немного занижали урожайность. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что урожайные данные ЦСУ за 1925-1928 году, зафиксированные в источниках, изданных до 1930 года, во всяком случае, не являются завышенными, и их можно использовать для сравнения с докризисными данными, которые, во всяком случае, не являются заниженными. В этих условиях прирост в потреблении (если он будет обнаружен) будет *минимально возможным* приростом.

Что же касается статистических данных, опубликованных без поправки на недоучет, то они являются заниженными и требуют чрезвычайно осторожного обращения. «Наша официальная статистика, характеризующая состояние сельского хозяйства, есть лучший союзник самого черного пессимизма», - писал об этих данных Н. М. Вишневский¹³¹. В наше время эта статистика широко используется историками-«пессимистами», поддерживающими точку зрения И. В. Кочеткова и

требующими переоценки сложившихся представлений об экономических реалиях нэпа.

Установление численности скота проводилось вместе с учетом посевов во время весеннего выборочного обследования, и, поскольку скот, как и посевы, облагался налогами, то недоучет имел место и в этом случае. Коэффициент недоучета устанавливался, как и в предыдущих случаях, путем сравнения с данными бюджетных обследований (таблица 1.4).

Таблица 1.4. - Коэффициенты недоучета для численности скота¹³².

	Крупный рогатый скот			Овцы и козы			Свиньи		
	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927
Потребляющая полоса	1,0	1,0	1,0	1,08	1,07	1,06	1,20	1,25	1,27
Производящая полоса	1,05	1,04	1,03	1,10	1,10	1,06	1,20	1,25	1,20

Для крупного рогатого скота эти поправки невелики и не играют существенной роли, а для численности лошадей поправка не вводилась, таким образом, при сравнении с докризисным периодом по этим двум параметрам преувеличение реальных данных представляется маловероятным.

ЦСУ собирало также и некоторые другие сведения, необходимые для составления хлебофуражных балансов. Материалами для установления норм потребления хлебных продуктов служили данные обследований питания, текущих бюджетных записей и экспедиционных бюджетов. Обследования питания охватывали каждый год 25-26 тысяч хозяйств, экспедиционные бюджеты описывали порядка 10 тысяч семей, число бюджетных записей было примерно таким же. Различные методы давали несколько различающиеся цифры потребления хлебных продуктов, например для 1925/26 года средние душевые нормы по СССР составляли: по бюджетным записям – 15,54 пуда, по обследованиям питания – 15,05 и по экспедиционным бюджетам – 14,1 пуда. В результате проведенного сравнительного анализа точности различных методов Экспертный Совет принял решение положить в основу установления норм потребления хлеба сельским населением данные обследований питания, сделав с них скидку в 5%¹³³. Аналогичная проблема существовала с определением потребления мяса, здесь обследования питания были менее надежны, поскольку они проводились в определенные месяцы, а потребление сильно зависело от времени года. В итоге, для потребления мяса сельским населением Экспертным Советом были приняты данные бюджетных записей со скидкой на нерепрезентативность в 15%¹³⁴.

В хлебофуражном балансе ЦСУ использовались также данные о расходах хлебов на корм скоту и транспортным перевозкам. Сведения о расходах на фураж получались на основе обработки массовых анкетных обследований, обнимавших ежегодно около 40 тыс. крестьянских хозяйств (осенью 1927 года - 42 тыс.)¹³⁵. Данные о перевозках поставлялись транспортными ведомствами. Здесь существовала проблема увязки прибытия и отправления грузов, так как в каждый данный момент часть грузов находилась в пути. Это затруднение разрешалось ЦСУ путем стыковки порайонных балансов¹³⁶.

Итогом деятельности Экспертного Совета было построение ежегодных хлебофуражных балансов для 1925/26 – 1928/29 сельскохозяйственных годов. Балансы были трех родов: «предположительные» (или «перспективные»), «предварительные отчетные» и окончательные, «контрольные» (или просто «хлебофуражные») балансы». Перспективный баланс имел предварительный, прогнозный характер, он строился в начале хозяйственного года на основании данных о валовом сборе, полученных без учета бюджетных материалов. Эти данные были еще сырыми, и перспективный баланс уточнялся при получении новых данных, обычно он проходил несколько стадий уточнения в течение лета¹³⁷. Данные о расходной части (нормы питания и расхода на фураж) сначала брались такими же, как за прошлый год, а если баланс не сходился, то они корректировались¹³⁸. Баланс составлялся как основа государственного плана на следующий год, необходимо было - пусть и неточно - прогнозировать будущие объемы хлебозаготовок и экспорта, от которых зависели другие планируемые показатели. Лишь по истечении года начинали поступать данные бюджетных обследований о реальных расходах за истекший год, о действительных нормах питания и расхода на фураж, о посевах и урожае. На обработку этих данных, на стыковку прихода и расхода уходило много времени, и в момент, когда требовался отчет, но обработка еще не закончилась, на свет появлялся «предварительный отчетный» баланс; окончательный же вариант баланса был готов спустя примерно два года после сбора урожая. В отличие от перспективного баланса, в окончательном балансе за базовые, наиболее надежные параметры брались нормы потребления населения, кормления скота и урожайности, а валовая продукция и посевы рассчитывались как производное от этих норм и других параметров¹³⁹. Таким образом, получались данные о валовом сборе, нередко сильно отличающийся от предварительных (например, для 1927/28 года разница в валовом сборе составляла 5,1%)¹⁴⁰.

Поскольку уточненные данные сильно запаздывали, то в материалах, предназначенных для различных конференций, часто публиковались предварительные данные перспективных балансов – причем иногда без указания на предположительный характер этих данных. Пред-

варительные данные публиковались и в статистических справочниках, особенно в местных изданиях, и, как отмечал В. П. Данилов, это создавало обстановку «статистической разногласицы», существенно затруднявшей работу историков¹⁴¹. Особенно велика была разногласица в статистических источниках по сельскому хозяйству Урала. В выходявших каждый год статистических справочниках «Народное хозяйство Урала» сначала публиковались предположительные данные перспективного баланса, затем, год спустя, – данные контрольного баланса Уральского статистического управления, но эти данные отличались от данных контрольного баланса ЦСУ, публиковавшихся в центральных изданиях. В 1926/27 году на Урале были проведены контрольные обмеры посевных площадей, что дало возможность уточнить предварительные данные об урожае, и с этого года уральские статистики отказались от составления контрольных балансов. Взяв площади 1926/27 года за базовые, они оценивали изменение посевных площадей по результатам весенних опросов и строили лишь перспективные балансы¹⁴². Однако ЦСУ продолжало составлять контрольные балансы для Урала (и других областей) и уточнять местные данные. В итоге, данные ЦСУ по объемам сбора зерновых и размерам посевов в 1925-1928 годах по Уральской области были в среднем на 8% больше, чем данные УралСУ¹⁴³. Однако при всех расхождениях в цифрах производства и посевов, существенно, что уровень потребления сельского населения во всех балансах УралСУ и ЦСУ был практически одинаковым – очевидно, в результате того, что в обоих случаях за исходные брались одни и те же нормы потребления населения и кормления скота¹⁴⁴. В 1929 году в ЦСУ было проведено особое совещание, посвященное унификации методик составления местных балансов. На этом совещании местные статистические управления критиковались за экспертный подход к определению посевов и сборов¹⁴⁵. Видимо, на местах учли эту критику: предварительный отчетный баланс 1928/29 года для Центрально-Черноземной области, разработанный местным статистическим управлением, соответствует балансу ЦСУ¹⁴⁶.

В хлебофуражные балансы ЦСУ был заложен уровень потребления, полученный на основе обследований питания. Обследования питания дают богатый материал, но эти данные плохо сопоставимы с немногочисленными данными земских обследований довоенного периода, поскольку последние проводились в разных местностях, в разные годы и не могут быть распространены на всю территорию страны. Тем не менее, попытки такого сопоставления с распространением на всю Россию, были сделаны М. М. Кудюкиной¹⁴⁷ и И. В. Кочетковым¹⁴⁸ - причем с прямо противоположными результатами. Р. А. Белоусов полагает, что «к концу восстановительного периода основные потребности масс в сбалансированном рационе были удовлетворены на уров-

не несколько выше довоенного», однако не приводит каких-либо аргументов¹⁴⁹. Т. В. Привалова провела раздельное сравнение довоенных бюджетных данных для некоторых губерний с данными 1922/23 года¹⁵⁰ – но результаты такого сравнения не отражают реальностей всего периода нэпа, так как в 1922/23 году крестьянское хозяйство еще не успело восстановиться после голода 1921-1922 годов. Более обоснованным представляется сравнение, проведенное сотрудниками ЦСУ, которые сопоставляли с довоенными послевоенные данные вплоть до 1925 года¹⁵¹. Однако ни одна из губерний Центрального Черноземья или Урала в составленный ЦСУ перечень этих губерний не входила и, кроме того, сама возможность использования довоенных бюджетных данных может быть поставлена под сомнение (см. подробнее в пункте 3.1).

Нужно отметить, что исследователи из среды русского зарубежья полагали, что положение крестьян при нэпе было хуже, чем до революции¹⁵². Однако среди иностранных исследователей нет единого мнения по этому вопросу: например, С. Коэн считает, что крестьяне в период нэпа жили лучше, чем до революции¹⁵³.

Отсутствие сопоставимых данных о душевом потреблении в работах исследователей отчасти компенсировалось сравнением по другим параметрам. Например, в капитальном труде «История советского крестьянства»¹⁵⁴, приводится сопоставление посевных площадей для зерновых, урожайности и урожая в целом для территории в границах СССР до 1939 года, и показано, что все эти показатели в указанный период были выше, чем в 1909-1913 годах. Н. Л. Рогалина полагает, что объем сельскохозяйственной продукции к середине 1920-х годов был восстановлен, но при этом жизненный уровень крестьян был ниже, чем до войны – но не приводит конкретных данных в обоснование своего мнения¹⁵⁵. Значительное внимание уделялось исследователями непосредственным результатам революционного передела земель. Сопоставление обеспеченности крестьянских хозяйств землей и скотом в 1917 и 1919 годах проводилось в работах А. Хрящевой¹⁵⁶ и Ю. А. Полякова¹⁵⁷. В фундаментальном исследовании В. П. Данилова¹⁵⁸ изучен вопрос об увеличении крестьянских наделов по Европейской части страны и по отдельным районам, а так же о росте числа хозяйств.

В работах В. И. Логунова¹⁵⁹, Э. А. Мамонтовой¹⁶⁰, С. А. Есикова¹⁶¹, М. М. Есиковой¹⁶² производится сравнение довоенных и «нэповских» показателей в отношении посевных площадей, урожайности, поголовья скота для Центрально-Черноземного района и, в частности, для Тамбовской губернии. Выводы этих исследователей различны, если В. И. Логунов и Э. А. Мамонтова утверждали, что сельское хозяйство района, в целом, достигло довоенных показателей, то С. А. Есиков и М. М. Есикова доказывали, что в Тамбовской губернии в

1924-1927 годах урожаи были существенно меньше, чем в 1913 году. Можно заметить, однако, что сопоставление урожаев в данном случае мало что говорит о потреблении крестьян: в 1909-1913 годах из Тамбовской губернии вывозилось около трети чистого сбора зерновых¹⁶³. Данные о состоянии сельскохозяйственного производства в Центрально-Черноземном районе приводятся также в работах В.Б.Безгина¹⁶⁴, Р. Г. Демидова¹⁶⁵, Л. И. Земцова¹⁶⁶, А. А. Иванова¹⁶⁷, Н.Г. Кононова¹⁶⁸, О. Н. Мигущенко¹⁶⁹, К. Б. Литвака¹⁷⁰, В. В. Никулина¹⁷¹, М. Я. Пашенко¹⁷², Л. М. Рянского, Л. Н. Бочарова, А. С. Травиной¹⁷³, К. Н. Сазонова¹⁷⁴, В. Сергеева¹⁷⁵, А. В. Скрыпникова¹⁷⁶, Ю.А.Фулина¹⁷⁷, В. Н. Фурсова¹⁷⁸ И. М. Чвикалова¹⁷⁹ и других авторов.

Как доказывают В. В. Канищев, В. Л. Дьячков, С. А. Есиков в конце XIX – начале XX века тяжелое положение крестьян Центрально-Черноземного региона в значительной степени объяснялось аграрным перенаселением¹⁸⁰. Однако, как отмечает Н. Л. Рогалина¹⁸¹, демографические потери были быстро восполнены, и аграрное перенаселение сохранялось. Таким образом, современные исследователи рассматривают ситуацию с учетом интенсивности аграрного перенаселения, что согласуется с принципами демографически-структурной теории. Н. Л. Рогалина связывает большую рождаемость в период нэпа с сохранением крестьянской общины, что подтверждается недавними исследованиями¹⁸².

Для характеристики развития сельского хозяйства Урала в начале XX века большое значение имеют работы Г. Е. Корнилова, и, в особенности, капитальное издание «Продовольственная безопасность Урала в XX веке»¹⁸³. Различные аспекты аграрной истории Урала в дореволюционный период рассматриваются в работах Н. А. Балюк¹⁸⁴, Л. П. Вакитовой¹⁸⁵, А. С. Еремина¹⁸⁶ и других авторов. Историография работ по аграрной истории Урала в дореволюционный период рассматривается в обзоре Е. Б. Заболотного, В. Д. Камынина и А. Т. Тертышного¹⁸⁷.

Историографический анализ работ, посвященных аграрному развитию Урала в период нэпа, можно найти в диссертации Е. А. Цыпиной¹⁸⁸. Е. А. Цыпина особо отмечает, что «пока не изученным, но весьма перспективным является вопрос о качестве жизни уральской деревни в годы нэпа, о том, что менялось в повседневной жизни крестьян, повышался ли их жизненный уровень?»¹⁸⁹ И. Л. Шеврин в диссертации, которая считается наиболее детальным исследованием, посвященным положению уральского крестьянства в 1920-е годы, утверждает, что «к концу 1920-х годов уральские крестьяне питались лучше, чем... в 1913 году», но не приводит данных для обоснования этого тезиса¹⁹⁰. А. С. Боярских и В. М. Куликов в работе 1988 года¹⁹¹ приводят некоторые сведения об уровне потребления в 1913 году, од-

нако эта информация не подтверждается в источниках, на которые ссылаются авторы. Для косвенной характеристики уровня потребления можно использовать многочисленные данные о состоянии сельского хозяйства Урала в период нэпа, которые содержатся в работах В. П. Гурова¹⁹², Н. В. Ефременкова¹⁹³, А. С. Еремина¹⁹⁴, В. М. Куликова¹⁹⁵, В. А. Лабузова¹⁹⁶, В. Г. Муравьева¹⁹⁷, В. А. Обожды¹⁹⁸, И. Е. Плотникова¹⁹⁹, Л. И. Пересторониной²⁰⁰, Р. П. Толмачевой²⁰¹ и других авторов.

В заключение следует упомянуть о состоянии источников антропометрических данных. Считается, что увеличение роста и веса людей свидетельствуют об улучшении условий существования, росте уровня жизни, поэтому антропометрические материалы могут быть полезны при изучении динамики потребления. Наиболее надежными являются данные военно-медицинской статистики о росте призываемых в армию. Такие данные имеются для довоенного периода и для 1927 года, но они трудно сопоставимы ввиду изменения призывного ценза. Тем не менее, эти, и некоторые другие данные были проанализированы в работах С. Уиткрофта и Б. Н. Миронова²⁰². Эти материалы более подробно обсуждаются ниже, в пункте 3.7.

Глава 2. Демографические результаты кризиса 1914-1922 годов

2.1 Вопрос о связи демографических показателей и потребления

Приступая к оценке динамики демографических показателей необходимо, прежде всего, установить их связь с основным показателем качества жизни, уровнем потребления. В крестьянской России основным показателем уровня потребления был душевой размер земельного надела. На связь между величиной надела и темпами естественного прироста в свое время обратил внимание известный статистик П.П.Семенов, изучавший движение населения в 1858-1878 гг. По подсчетам П. П. Семенова в Центрально-Земледельческом районе эта связь выглядела следующим образом (таблица 2.1):

Таблица 2.1 - Зависимость между размерами надела и приростом крестьянского населения в 1858-1878 гг.²⁰³

Надел на ревизскую душу (дес.)	Менее 1	1-2	2-3	3-4	4-5	5-6	Более 6
Прирост в 1858-1878 гг. (%)	16,6	17,3	19,0	21,2	25,4	27,6	30,3
Годовой естественный прирост (%)	0,77	0,80	0,87	0,96	1,14	1,23	1,33

Если мы заменим интервалы значений средними величинами («менее 1» на 0,5, интервал (1,2) на 1,5 и т.д., интервал «более 6» на 6,5), и найдем корреляцию между средними значениями и среднегодовым естественным приростом, то мы получим необычайно высокий коэффициент – 0,98, то есть величина надела в этот период определяла динамику прироста примерно на 96%. «Традиционный тип воспроизводства отличался линейной, абсолютной зависимостью между экономическими условиями жизнедеятельности крестьянской семьи (решающее – размеры потребления натурального продукта) и демографическими процессами, при которой от низшей к высшей имущественным группам снижались смертность, росли рождаемость и прирост, и

наоборот», - писал А. Н. Курцев, комментируя данные П. П. Семенова²⁰⁴.

Часто цитируются также материалы известного статистика Ф. А. Щербины, полученные по результатам проведенной в 1887-1896 гг. в Воронежской губернии сплошной подворной переписи (таблица 2.2). Эти данные указывают, что с ростом надела увеличивалось душевое потребление хлеба и мяса, уменьшалась смертность и заболеваемость. Эта зависимость не вызывала сомнения у большинства специалистов, изучавших материалы дореволюционной России, причем связь получала двустороннее толкование: в то время как Б. Ц. Урланис трактовал высокую смертность до кризиса как следствие низкого потребления²⁰⁵, В. П. Данилов рассматривал уменьшение смертности после кризиса как свидетельство увеличения потребления²⁰⁶.

Таблица 2.2 - Уровень питания, смертности и заболеваемости в зависимости от размера надела в Воронежской губернии²⁰⁷

	безземельные	Десятин на двор			
		до 5	5-15	15-25	св. 25
Душевое потребление хлеба и картофеля (пуд.)	11,5	18,0	19,1	21,5	22,4
Душевое потребление мяса (пуд.)	0,7	0,7	0,8	1,2	1,5
В % к численности группы в среднем за год:	3,41	3,5	3,32	2,86	2,62
умерших					
калек	3,91	1,78	1,47	1,15	0,88
больных	0,97	0,58	0,42	0,32	0,25
Детская смертность в % к числу рождений	21,7	21,3	18,7	16,8	14,9

Необходимо подчеркнуть, что жесткая связь между потреблением и естественным приростом является одним из главных постулатов мальтузианской теории, который был унаследован в дальнейшем демографически-структурной теорией. Таким образом, большинство специалистов, изучавших динамику населения России конца XIX века, явно или неявно придерживались мальтузианских позиций. В то же время отсутствовали реальные данные, которые позволили бы сравнить уровень потребления и смертности по большому числу губерний. Лишь сравнительно недавно нами были произведены расчеты потребления хлебов и картофеля в различных губерниях с учетом вывоза и ввоза, а также расходов на винокурение. В таблице 2.3 указано потребление для 37 из 48 включенных в список губерний Европейской России.

Таблица 2.3 - Показатели смертности, рождаемости, естественного прироста, потребления, грамотности и медицинского обеспечения по 48 губерниям Европейской России²⁰⁸.

	1		2		3		4		5		6		7		8		9	
	смертность		рождаемость		Ес-теств. прирост		Потребление		Долгота		%гра-мотности		Врачей на 1000 чел.					
	1861-65	1911-13	1861-65	1911-13	1911-13	1911-13	1909-13	губернского центра	1897	1911								
1	Архангельская	29,5	26	41,1	43,5	17,5	15,9	40,62	23,3	0,1								
2	Астраханская	34,3	33,2	50,3	54,1	20,9		48,10	15,5	0,116								
3	Бессарабская	25,8	30,8	41,4	40,4	9,6		28,83	15,6	0,114								
4	Виленская	28,2	17,7	50,2	30,6	12,9	21,5	25,32	28,8	0,114								
5	Витебская	36,8	17,4	48	33,3	15,9	18,2	30,18	24,6	0,082								
6	Владимирская	40,7	26,3	52	40,2	13,9	22,6	40,42	27	0,133								
7	Вологодская	35,6	31	46	47	16	17,6	39,90	19,1	0,068								
8	Вольнская	31,8	21	46,9	39,5	18,5	23,8	28,67	17,2	0,07								
9	Воронежская	41,3	28,7	56,3	48,8	20,1	24,7	39,17	16,3	0,07								
10	Вятская	42,2	36,7	54,9	51,3	14,6	23,2	49,70	16	0,04								
11	Гродненская	30	19,3	50,2	32,8	13,5	19,9	23,83	29,2	0,096								
12	Калужская	32,3	22	55,5	47,7	25,7		34,98	21,5	0,159								
	Земля Войска Донского	23,3	27,4	48,9	50,5	23,1		40,10	22,4	0,118								
14	Казанская	37,1	29,9	48	42,8	12,9	19,2	49,13	17,9	0,128								
15	Калужская	35,2	29,3	50	46,5	17,2	17,9	36,27	19,4	0,093								
16	Киевская	30,8	20,9	46,7	37,5	16,6	24,9	30,52	18,1	0,222								
17	Ковенская	26,1	18,1	42,3	27,3	9,2	26,4	23,90	41,9	0,106								
18	Костромская	37,8	29,5	48	45,1	15,6	22,6	40,92	24	0,104								
19	Курляндская	22	16,8	36,2	24,6	7,8	31,2	23,70	70,9	0,208								
20	Курская	36,7	28,4	53,5	46,4	18	26,8	36,20	16,3	0,082								
21	Лифляндская	26,3	17,8	40,6	22,6	4,8	25,3	24,05	77,7	0,385								
22	Минская	29,5	18,2	53	37,5	19,3	19,8	27,57	17,8	0,081								
23	Могилевская	29,8	18,2	50,8	36,8	18,6	18,3	30,35	16,9	0,074								
24	Нижегородская	43,1	30,7	52,7	46	15,3	23,3	44,00	22	0,106								
25	Новгородская	35,4	28	45,7	42	14	18,7	31,28	23	0,08								
26	Олонецкая	44,3	33,9	48,5	45,8	11,9		32,95	25,3	0,106								
27	Оренбургская	38,4	37,2	55,3	53,7	16,5	16,9	55,10	20,4	0,043								
28	Орловская	43,9	27,6	58,1	44,8	17,2	21,3	36,10	17,6	0,067								
29	Пензенская	39,5	30,8	51,3	48,7	17,9		45,00	14,7	0,056								
30	Пермская	45,6	42,2	55,2	55,2	13	27,4	56,25	19,2	0,085								
31	Подольская	30	22,2	45,7	36,7	14,5	27,4	26,60	15,5	0,081								
32	Полтавская	34,7	18,3	53,8	36,5	18,2	26,9	34,57	16,9	0,093								
33	Псковская	37	24,4	51,1	39,1	14,7	19,7	28,33	14,6	0,076								
34	Рязанская	35,6	23,5	52,7	40,6	17,1	17,9	39,73	20,3	0,065								
35	Самарская	40,5	34,7	58,2	55	20,3		50,15	22,1	0,065								

<i>Продолжение таблицы 2.3</i>										
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
36	Саратовская	40,6	30,6	54	47,2	16,6		46,03	23,8	0,132
37	Симбирская	41	32,1	52,4	49,5	17,4		48,40	15,6	0,048
38	Смоленская	40,9	26,6	54,1	44,9	18,3	20,6	32,05	17,3	0,09
39	Таврическая	28	23,5	49	42,8	19,3		34,10	27,9	0,233
40	Тамбовская	37,4	28,5	51,6	47,2	18,7	23,6	41,42	16,6	0,062
41	Тверская	38,1	26,6	48,7	40,1	13,5	17,4	35,92	24,5	0,085
42	Тульская	41,9	29,1	55,9	44	14,9	18,3	37,62	20,7	0,088
43	Уфимская 32,1		30,2		47,7	17,5	19,2	55,93	16,7	0,04
44	Харьковская	37,9	23,1	53,1	43,9	20,8	27,6	36,25	16,8	0,222
45	Херсонская	38,3	21,6	53,5	39,8	18,2		32,58	25,9	0,112
46	Черниговская	38,5	21,1	54,9	39,7	18,6	17,8	31,30	18,4	0,071
47	Эстляндская	25,3	18,5	39,1	24,6	6,1	22	24,75	77,9	0,233
48	Ярославская	38,7	25,1	45,4	36,4	11,3	22,7	39,87	36,2	0,114

Не удалось установить потребление для южных степных губерний, где в значительных размерах выращивалась кукуруза, о перевозках которой нет данных. Как отмечалось выше, специфические транспортные условия не позволяют определить уровень потребления в Симбирской, Саратовской, Самарской и Пензенской губерниях²⁰⁹. Кроме того, Московская и Петербургская губернии не включены в список, так как на смертность и рождаемость в этих губерниях исключительное влияние оказывали процессы урбанизации. Таким образом, мы можем посчитать коэффициент корреляции между потреблением в 1909-1913 годах и смертностью в 1911-1913 годах. Он оказывается равным 0,22, то есть, как это ни странно, потребление в этот период не оказывало почти никакого влияния на смертность. Столь же малы коэффициенты корреляции между потреблением и рождаемостью (0,30), и между потреблением и естественным приростом (0,13). Общий вывод кажется парадоксальным: получается, что потребление в этот период почти не влияло на демографические процессы. Как же быть с выводами П. П. Семенова и Ф. А. Шербины?

Попытаемся взглянуть на проблему с другой стороны и дополним пространственный анализ временным. Нами посчитаны годовые показатели потребления (чистого сбора зерновых за вычетом вывоза) для 50 губерний Европейской России. Сравним эти показатели с годовыми показателями смертности и естественного прироста (таблица 2.4). Некоторое затруднение связано с тем, что потребление дано по хозяйственным годам, а демографические показатели – по календарным годам, однако это обстоятельство нивелируется тем, что смертность и естественный прирост должны реагировать на меняющееся потребление с некоторым запаздыванием.

Таблица 2.4 - Потребление, естественный прирост и смертность в 50 губерниях Европейской России²¹⁰

	потребление			естественный прирост		Смертность	
	В теку- щий год	среднее за 5 лет		В теку- щий год	среднее за 5 лет	В теку- щий год	среднее за 5 лет
	1	2	3	4	5	6	7
1871/72	16,62		1872	8,8		41,2	
1872/73	19,29		1873	15,8		36,5	
1873/74	17,98		1874	16,2		35,2	
1874/75	21,28		1875	16,9		34,6	
1875/76	14,18	17,87	1876	15,7	14,68	34,9	36,48
1876/77	16,11	17,77	1877	15,2	15,96	34,4	35,12
1877/78	18,05	17,52	1878	9,1	14,62	38,2	35,46
1878/79	19,19	17,76	1879	15,4	14,46	34,8	35,38
1879/80	15,59	16,62	1880	13,6	13,80	36,1	35,68
1880/81	15,84	16,95	1881	15	13,66	34,1	35,52
1881/82	17,11	17,15	1882	11,2	12,86	40,4	36,72
1882/83	17,29	17,00	1883	13,1	13,66	37,5	36,58
1883/84	17,31	16,63	1884	17,1	14,00	34,4	36,50
1884/85	19,17	17,34	1885	14,2	14,12	35,8	36,44
1885/86	15,09	17,19	1886	16,3	14,38	33,2	36,26
1886/87	18,22	17,41	1887	16,1	15,36	33,8	34,94
1887/88	19,74	17,90	1888	18,2	16,38	33,4	34,12
1888/89	17,04	17,85	1889	14,8	15,92	35,5	34,34
1889/90	11,05	16,23	1890	12,9	15,66	36,7	34,52
1890/91	14,55	16,12	1891	14,8	15,36	35,8	35,04
1891/92	12,11	14,90	1892	5	13,14	41	36,48
1892/93	14,55	13,86	1893	14,4	12,38	34,4	36,68
1893/94	20,84	14,62	1894	14,9	12,40	34,3	36,44
1894/95	20,29	16,47	1895	14,6	12,74	35,5	36,20
1895/96	18,20	17,20	1896	17,1	13,20	33,3	35,70
1896/97	18,29	18,43	1897	18,3	15,86	31,7	33,84
1897/98	12,91	18,11	1898	15,4	16,06	33,2	33,60
1898/99	17,97	17,53	1899	18,1	16,70	31,2	32,98
1899/00	21,11	17,70	1900	18,2	17,42	31,1	32,10
1900/01	19,33	17,92	1901	15,8	17,16	32,1	31,86
1901/02	14,50	17,17	1902	17,6	17,02	31,5	31,82
1902/03	21,55	18,89	1903	18,1	17,56	30	31,18
1903/04	19,12	19,12	1904	18,7	17,68	29,9	30,92
1904/05	22,74	19,45	1905	13,3	16,70	31,7	31,04
1905/06	16,24	18,83	1906	17,2	16,98	29,9	30,60
1906/07	12,91	18,51	1907	19,1	17,28	28,4	29,98
1907/08	17,17	17,64	1908	16,5	16,96	28,3	29,64
1908/09	16,09	17,03	1909	15,2	16,26	29,5	29,56
1909/10	20,85	16,65	1910	13,6	16,32	31,5	29,52
1910/11	18,27	17,06	1911	17,6	16,40	27,4	29,02

Продолжение таблицы 2.4							
	1	2	3	4	5	6	7
1911/12	14,67	17,41	1912	17,2	16,02	26,5	28,64
1912/13	21,38	18,25	1913	15,7	15,86	27,4	28,46

Анализ данных таблицы 2.4 показывает, что корреляция между годовыми значениями потребления, естественного прироста и смертности является низкой, но обнаруживается сильная корреляция между пятилетними средними. Это явление выглядит достаточно естественным, так как население в большей степени реагирует на «усредненное» за несколько лет продовольственное положение. Таким образом, корреляция между средними по потреблению и естественному приросту оказывается равной 0,71, а если ввести запаздывание прироста от потребления на один год - то даже 0,74. Таким образом, в целом в 1872-1913 годах естественный прирост определялся изменениями в потреблении на 54%. Однако для отдельных периодов ситуация была различной. В 1888-1902 годах потребление (с запаздыванием на один год) объясняло не 54%, а 77% динамики естественного прироста (коэффициент корреляции 0,88). Это было время статистических исследований Ф. А. Щербины, и мы видим, что в тот период действительно наблюдалась очевидная всем связь между потреблением и динамикой населения. Но в 1903-1913 годах ситуация резко изменилась: коэффициент корреляции упал до 0,53, и потребление объясняло теперь только 28% естественного прироста (и только 12% динамики смертности). В итоге мы наблюдаем ту самую картину, которую дает анализ зависимости смертности по губерниям от потребления в 1911-1913 годах: в этот период смертность от потребления почти не зависит.

Таким образом, господствовавшая до начала XX века мальтузианская связь между потреблением и демографическими показателями неожиданно отступила на второй план, будучи потеснена какими-то иными, более мощными процессами. Очевидно, эти новые процессы – это были процессы модернизации. Модернизационные перемены в демографической сфере носят специальное название демографической модернизации. Одним из главных достижений европейской модернизации XIX века были *новые технологии* борьбы с инфекциями путем проведения масштабных санитарных мероприятий с применением эффективных обеззараживающих средств (в том числе знаменитой карболки). Эти (и некоторые другие) медицинские меры позволили остановить господствовавшие до тех пор эпидемии и намного снизить вызываемую ими экзогенную смертность – в Европе произошел так называемый «эпидемиологический переход»²¹¹. В итоге смертность в Англии снизилась с 29,2‰ в 1761-1790 гг. до 18,2‰ в 1891-1900 гг. При этом продолжительность жизни в Англии увеличилась до 46 лет, а младенческая смертность уменьшилась до 151 на 1000 рождений²¹². В ито-

ге мальтузианская корреляция между потреблением и естественным приростом, господствовавшая в Англии в допромышленную эпоху, была оттеснена влиянием нового могущественного фактора – медицинской технологии²¹³.

Но в России в XIX веке сохранялось традиционное общество: средняя ожидаемая продолжительность жизни в Европейской России в 1896-1897 гг. составляла 32,3 года, смертность сохранялась на уровне 34,2‰ (1891-1900)²¹⁴, младенческая смертность составляла 275 на 1000 родившихся (1892-1896 гг.)²¹⁵. В 1905-1909 годах смертность от остро-заразных болезней (оспа, корь, скарлатина, дифтерия, коклюш, тиф) составляла в России 5,27‰, в то время как в Англии – 0,90‰²¹⁶. «Русская смертность в общем типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношении стран», – писал С. А. Новосельский²¹⁷. Однако, как отмечал С. А. Новосельский, в начале XX века положение стало меняться: смертность от инфекционных заболеваний в 1911-1914 гг. снизилась в полтора раза по сравнению с 1891-1895 гг.²¹⁸ Общий коэффициент смертности по 50 губерниям Европейской России снизился с 32,1‰ в 1896-1900 годах до 28,5‰ в 1909-1913 годах. Современные авторы считают, что в начале XX века «создались определенные предпосылки для ограничения – пусть вначале и небольшого - действия экзогенной смертности», и связывают этот процесс с ростом грамотности населения²¹⁹. В действительности процесс принял уже такой размах, что, как мы видели, эпидемиологический переход полностью нарушил корреляцию между потреблением и естественным приростом. И как ни странно, этот процесс был лишь в небольшой степени связан с ростом общей грамотности: корреляция между процентом грамотных и смертностью по 48 губерниям в 1896-1900 годах составляла -0,55, то есть рост грамотности объясняет лишь 30% динамики смертности²²⁰. Еще меньшее значение имело распространение земского здравоохранения: корреляция между смертностью и количеством врачей (на 1000 населения) в губерниях составляет лишь 0,44 и объясняет разве что 18% смертности (подсчитано по таблице 2.3, столбцы 2 и 9).

Но существует еще одна корреляция, которая не оставляет сомнений в мощи распространявшегося с запада процесса демографической модернизации. Если мы проанализируем зависимость между смертностью в губернии и ее географическим расположением (долготой губернского центра), то обнаружим корреляцию в 0,83 (подсчитано по таблице 2.3, столбцы 2 и 7). Таким образом, почти 70% изменений в смертности объяснялось неким, распространявшимся с запада, процессом. Нет сомнения, что это был процесс распространения в массах санитарно-гигиенических навыков. Результаты его были столь разительны, что, например, в Минской губернии смертность была в 2,3 раза ни-

же, чем в Пермской губернии, притом, что по уровню грамотности, числу врачей и, в особенности, по потреблению Пермская губерния превосходила Минскую (см. таблицу 2.3). Основным фактором, препятствовавшим распространению гигиенических навыков, была не столько неграмотность, сколько традиционное православное отношение к жизни и смерти. «Традиционному российскому обществу было свойственно пассивное смирение перед смертью, неверие в возможность ей противостоять... - отмечает А. Г. Вишневецкий. - Пассивность перед лицом смерти – неотъемлемая черта всех холмистских аграрных обществ, а избавление от нее наносит удар всему традиционному мирозданию. Неслучайно поэтому активность в борьбе со смертью, кажущаяся столь естественной сегодня, еще сто лет назад встречалась в России с неодобрением... “Бог дал, бог взял, от бога не уйдешь”»²²¹. Опиравшееся на традицию императорское правительство придерживалось пассивной позиции в вопросах распространения санитарии - борьба за гигиену была делом прозападных земских либералов, по выражению С. А. Томилина, «самоотверженных санитарных партизан»²²².

При всем этом можно утверждать, что процесс демографической модернизации начался раньше, чем обычно предполагается: корреляция между долгой и смертностью отмечается уже в 1861-1865 годах (0,63). В 1881-1885 годах эта корреляция была равна 0,67, в 1896-1900 годах - 0,71, а в 1906-1910 годах возросла до 0,82, оттеснив на второй план все прочие зависимости²²³. Демографическая модернизация была особенно заметна в западных губерниях: в Минской губернии с 1861-1865 по 1911-1913 годы смертность уменьшилась с 29,5 до 18,2%²²⁴. В начале XX века этот процесс распространился и на Центральное Черноземье: в 1911-1913 годах смертность упала до 28,7% по сравнению с 36,4% в 1895-1900 годах. Соответственно увеличился естественный прирост, уже в 1901-1905 годах он составил 21% , перейдя ту грань, за которой говорят о «демографическом взрыве». Однако до востока страны демографическая модернизация еще не дошла, в Пермской губернии смертность оставалась прежней – на уровне свыше 40%²²⁵.

Процесс продолжался и после кризиса 1914-1922 годов – в том же направлении с запада на восток. Корреляция между смертностью и географической долгой центра по 16 экономическим районам СССР в 1925-1926 годах составляла 0,76, то есть объясняла 58% изменений смертности (см. таблицу 2.5). При этом смертность на Урале по-прежнему превосходила смертность в Белоруссии почти в два раза. Что же касается связи смертности и общей грамотности сельского населения, то она по-прежнему играла небольшую роль: коэффициент корреляции этих величин был равен -0,35. Как и ранее, главную роль играло распространение с запада на восток санитарно-гигиенических навыков: например, по данным крестьянских бюджетов, потребление мыла на

Урале было вдвое меньше, чем в центральных районах, а в Сибири – вдвое меньше, чем на Урале²²⁶.

Таблица 2.5 - Рождаемость, смертность, грамотность в экономических районах СССР²²⁷

Экономический район	Рождаемость 1925-26, ‰	Смертность 1925-26, ‰	Долгота центра, градус	Грамотность сельского на- сел. %
1 Северный	47,5	28,1	40,62	44,8
2 Ленинградско-Корельский	38,4	20,7	30,32	48,8
3 Западный	46,5	22,7	32,05	36,7
4 Центрально- Промышленный	42,2	20,3	37,62	43,8
5 Центрально-Черноземный	49,2	23,3	39,17	35,7
6 Вятский	52,8	32,8	49,70	38,7
7 Уральский	54,2	31,4	60,58	38,0
8 Средне-Волжский	46,1	24,1	50,15	33,8
9 Нижне-Волжский	41,4	20,1	44,50	39,1
10 Крымский	35,5	13,8	34,10	50,1
11 Полесский	40,6	19,4	28,67	38,4
12 Правобережный	41,4	20,3	30,52	38,1
13 Левобережный	40,5	18,3	36,25	40,3
14 Западный степной	44,2	17,1	31,78	43,5
15 Восточный степной	45,5	17,6	34,98	45,1
16 Белоруссия	41,4	16,9	27,57	35,8

Что касается рождаемости, то, как полагают современные демографы, уровень рождаемости, в целом, определялся уровнем смертности. «Традиционные нормы демографического поведения складывались в условиях очень высокой смертности и ориентировались на поддержание такого уровня рождаемости, который мог бы противостоять этой смертности и не допускать вымирания...»²²⁸ Позже, в процессе демографической модернизации «становление нового типа рождаемости тесно связано с утверждением нового типа смертности и ее очень сильным снижением, благодаря которому перестает быть объективно необходимой высокая рождаемость»²²⁹. По таблице 2.3 можно подсчитать, что рождаемость и смертность в 1911-1913 годах имели (по 48 губерниям) корреляцию 0,86 – то есть, действительно, были тесно связаны. Но уменьшение рождаемости, естественно, следовало за уменьшением смертности с некоторым запаздыванием. Если мы рассмотрим связь между рождаемостью в 1911-1913 и смертностью в 1906-1910 годах, то обнаружим, что коэффициент корреляции равен 0,92, то есть динамика смертности с запаздыванием объясняет 85% динамики рождаемости²³⁰. Это запаздывание приводило к тому, что уменьшившаяся смертность

некоторое время сочеталась с высокой рождаемостью, что значительно усиливало естественный прирост – происходил «демографический взрыв», явление, подробно описанное на материале развивающихся стран. Так же как в современных развивающихся странах, взрывоподобный рост населения до крайности усугублял и без того тяжелую продовольственную ситуацию и был чреват социальным взрывом.

В итоге, можно сделать вывод, что в начале XX века характерная для традиционного аграрного общества мальтузианская связь между потреблением и демографическими характеристиками была нарушена мощным процессом демографической модернизации. Ввиду этого обстоятельства мы не в праве, как делают некоторые авторы, исходя из уменьшения смертности, делать вывод об увеличении потребления в начале XX века или в период нэпа. Аналогично, увеличение потребления нельзя считать главной причиной уменьшения смертности в период после кризиса²³¹.

2.2 Динамика численности населения

Среди демографических результатов кризиса наибольшее значение имеют масштабы уменьшения численности населения. Этот вопрос важен как сам по себе, так и в связи с возможным влиянием сокращения населения на экономическое положение и уровень потребления: демографически-структурная теория утверждает, что, чем больше масштабы катастрофы, тем более высоким оказывается душевая обеспеченность пашней и потребление после кризиса. При этом важно проследить эти изменения в региональном масштабе: теория предсказывает, что результаты катастрофы должны в наибольшей степени проявляться в районах наибольшего аграрного перенаселения, то есть в данном случае, в Черноземном регионе. Кроме того, необходимо проверить предсказание демографически-структурной теории о том, что катастрофа должна сопровождаться отливом городского населения в деревню. Необходимо, однако, отметить, что для суждения о масштабах катастрофы нам не требуется большая точность данных: важно лишь приблизительно установить процент снижения численности населения, год, когда население достигло минимума, и период, за который население восстановилось.

Официальные данные ЦСУ о динамике населения в 1914-1926 годах собраны В. П. Даниловым²³² и относятся к территории СССР в границах 1926 года (с Бухарой и Хивой). Имеются также оценки численности населения на этой территории, произведенные разными авторами по различным методам (таблица 2.6).

Комментируя официальные данные, один из руководителей ЦСУ, О. Квиткин, отмечал, что перепись 1920 года, производившаяся в условиях войны и разрухи, допускала некоторые пробелы в регистрации,

поэтому ее данные несколько занижены²³³. Все оценки, приведенные в таблице 2.6, очевидно, учитывают этот факт, и дают большие значения численности населения, нежели официальные данные. Другая корректировка проводится для данных на конец 1922 года, которые, несомненно, с данными за март 1923 года²³⁴. Однако, в то время как В.П.Данилов решает эту проблему, отнеся данные 1922 года на середину года, И. Н. Киселев критически пересматривает материалы городской переписи марта 1923 года и дает цифру численности населения на эту дату в 131 млн. чел.²³⁵ Конец 1922 – начало 1923 года было временем, когда численность населения достигла минимума, затем начался процесс восстановления и население стало расти. Годом, когда население перед гражданской войной достигло максимальной величины, был 1917 год, и процент уменьшения численности по отношению к 1917 году показывает масштабы демографической катастрофы. Как видно из таблицы 2.6, наибольшие масштабы катастрофы предполагает оценка Ю. А. Полякова: сокращение населения на 8,6%.

Таблица 2.6 - Официальные данные и оценки численности населения на территории СССР в границах 1926 года и территории России в границах 1993 года (на начало года, млн. чел.)²³⁶

	1914	1917	1920	1921	1922	1923
Официальные данные	139,3	143,5	136,8 (28авг)		132 (конец)	133,5 (март)
Оценка Е. З. Волкова	142,9	145,5	140,1	137,3	136,9	136,5
Оценка Ю. А. Полякова	142,9	147,6 (осень)	140,6	136,8	134,9	
Оценка Е. М. Андреева и др.			137,7	137,8	136,9	137,5
Население России (по В. М. Симчера)	89,9	91,0	88,2	88,1	87,9	87,8
	1924	1925	1926	1927	1928	% уменьшения
Официальные данные	137,5	140,5	143,6	147,1	150,4	8,0
Оценка Е. З. Волкова	138,0	140,6	143,8	147,1	150,5	4,5
Оценка Ю. А. Полякова						8,6
Оценка Е. М. Андреева и др.	140,0	143,0	145,7	148,7	151,6	
Население России (по В. М. Симчера)	89,4	91,0	92,7	93,6	95,6	3,4

Снижение численности населения было не столько результатом военных действий, сколько следствием голода и эпидемий, порожденных военной разрухой. Эпидемии унесли в 1914-1922 годах не менее

3,5 млн. жизней; 1,9 млн. русских солдат не вернулись на родину после окончания мировой войны, оставшись на территориях, не вошедших в состав СССР²³⁷. Голод 1921-1922 годов, по мнению некоторых экспертов, унес (вместе с эпидемиями) до 3,8 млн. жизней²³⁸, однако по оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковской убыль населения от голода не превышала одного миллиона²³⁹.

Сокращение численности населения не было равномерным для различных регионов СССР. Ю. А. Поляков и И. Н. Киселев провели расчеты для региона, охватывающего центр Европейской части СССР и Белоруссию. Минимум численности населения, по расчетам, наблюдался в этом регионе в начале 1923 года, когда население сократилось по сравнению с началом 1917 года на 10,3%²⁴⁰.

Переходя к рассмотрению динамики населения для Черноземного и Уральского регионов, необходимо отметить, что сравнение численности населения в региональном масштабе, как отмечали многие авторы, чрезвычайно затруднено изменением административных границ после 1917 года. В силу этих трудностей приводимые в различных источниках цифры, как правило, противоречат друг другу. Например, для 1916 года в «Уральском статистическом ежегоднике на 1923 год» указана цифра сельского населения на территории (будущей) Уральской области в 5147 тыс.²⁴¹ а в «Уральском статистическом ежегоднике. 1923-1924» - цифра 5554 тыс.²⁴², и в обоих случаях не раскрывается методика получения этих цифр. Поэтому до сих пор было невозможно проанализировать, как изменилось население Уральской области в результате кризиса 1914-1922 годов, увеличилось оно или уменьшилось от 1914 к 1926 году.

Опираясь на данные об изменении территориального состава, мы произвели расчет населения Центрально-Черноземной и Уральской областей на начало 1914 года, середину 1917 года, август 1920 и март 1923 года. Методика этого расчета состояла в следующем. Для каждой области выделялись уезды 1914 года, вошедшие позднее в состав области, и с помощью справочников по административному делению²⁴³ определялось, какая доля каждого уезда входила в состав соответствующей области на 17 декабря 1926 года. Затем вычислялась доля населения уезда 1914 года, вошедшая в данную область, и все доли суммировались. Для переписи населения, проводившейся летом 1917 года (условно 1 июля) известна только численность населения губерний²⁴⁴, поэтому принималось, что население распределено по уездам в тех же пропорциях, что и в 1914 году. Для расчета населения на август 1920 года использовались данные «Статистического ежегодника 1922 и 1923 гг.»²⁴⁵, в котором результаты переписи 28 августа приведены для административного деления на 15 мая 1923 года. Перепись 1920 года учитывала только наличное население, которое в это время было существ-

венно меньше обычного населения ввиду призыва значительной части мужского населения в армию. Л. И. Лубны-Герцык, воспользовавшись данными выборочной сельскохозяйственной переписи 1920 года, высчитал численность обычного сельского населения для каждой губернии²⁴⁶. Это дает возможность получить цифры обычного населения губернии, считая, что пропорции призванных из городов и деревень данной губернии были одинаковыми. Далее требовалось учесть изменения границ, произошедшие между 15 мая 1923 года и 17 декабря 1926 года. Для Уральской области эти изменения незначительны: после образования области произошла лишь передача 1074 кв. верст из Башкирской АССР в Уральскую область и 1212 кв. верст из Уральской области в Башкирскую АССР²⁴⁷. Полагая, что плотность населения в пограничном районе примерно равна 18 чел. на кв. версту²⁴⁸, получим, что уменьшение населения области в результате этой передачи могло составить не более 2,5 тыс. чел. В Центрально-Черноземной области учет изменения границ производился по аналогии с тем, как это делалось для 1914 года: выписывались доли уездов 1914 года, входивших в область в 1923 и 1926 году, и население изменялось соответственно изменению этих долей с учетом поуездных данных переписи 1920 года. Аналогичным образом мы перевели на территорию ЦЧО и Уральской области 1926 года данные исчисления населения, проведенного ЦСУ на дату 15 марта 1923 года²⁴⁹; при этом считалось, что население распределено по уездам пропорционально распределению в 1920 году. Для периода 1924-1928 годов мы воспользовались существующим исчислением ЦСУ населения в Центрально-Земледельческом районе и Уральской области²⁵⁰. При этом при переводе данных о населении Центрально-Земледельческого района на территорию ЦЧО эти данные уменьшались на долю не вошедшей в ЦЧО Пензенской губернии. В итоге, были получены следующие цифры для населения Центрально-Черноземной и Уральской областей:

Таблица 2.7 - Динамика населения Центрально-Черноземной и Уральской областей в 1914-1926 гг. Пересчет данных ЦСК и ЦСУ на административные границы 17 декабря 1926 года

	1.01.14	07.17	28.08.20	15.03.23	01.01.24
Уральская обл.	6701	6897	6751	6312	6173
% к 1917 г.	97	100	98	92	90
ЦЧО	12019	11525	10642	10370	10246
% к 1914 г.	100	96	89	86	85
	01.01.25	01.01.26	17.12.26	01.01.28	% уменьшения
Уральская обл.	6368	6577	6791	6995	
% к 1917 г.	92	95	98	101	10
ЦЧО	10448	10606	10804	11024	
% к 1914 г.	87	88	90	92	14

Критически рассматривая эти данные, нужно, прежде всего, отметить преувеличение численности населения губерний и уездов в данных ЦСК МВД на 1.01.1914 г. С. А. Новосельский оценивал это преувеличение в среднем по 50 губерниям Европейской России в 3,6 %, В.М. Кабузан – для отдельных губерний максимально в 4%²⁵¹. Принимая во внимание эти экспертные оценки, мы считаем необходимым уменьшить указанные в таблице данные для численности населения в 1914 году на 3,6%.

Далее, данные на 15 марта 1923 года представляют собой результат исчисления ЦСУ, которые производившие это исчисление сотрудники ЦСУ называли «очень приблизительными»²⁵². Система регистрации в «загсах» на этот момент была еще не вполне налажена, и цифры естественного прироста за 1921-1922 года, используемые в исчислении, были ненадежными; была очень велика вероятность недоучета смертей во время имевшего место в эти годы катастрофического голода²⁵³. Повидимому, в силу этого недоучета численность населения на 15 марта 1923 года по исчислению ЦСУ оказывается больше, чем на 1 января 1924 года, хотя 1923 год был благоприятным в продовольственном отношении и должен был дать существенный естественный прирост. А. Я. Боярский, С. Максудов и Е. М. Андреев, Л. Е. Дарской, Т.Л. Харькова оценивают этот прирост в 20%²⁵⁴. Поэтому мы считаем необходимым признать дефектными результаты исчисления ЦСУ 1923 года; взамен этих данных мы оценили численность населения на 1 января 1923 года, уменьшив население на 1 января 1924 года соответственно естественному приросту за 1923 год. Для ЦЧО естественный прирост указан в статистическом справочнике «Естественное движение населения Союза ССР. 1923-1925»²⁵⁵. Эти данные, возможно, неполны, так как они показывают в 1923 году меньшую смертность населения (и в особенности, младенческую смертность), чем в 1924-1925 годах, однако получаемый из них естественный прирост в 21,6% согласуется с оценками экспертов. Для Уральской области таких данных нет, и согласно вышеприведенной оценке экспертов мы полагаем прирост равным 20% .

Нужно отметить, что наша цифра для Урала на начало 1914 года с точностью до 2% совпадает с цифрой, приводимой в справочнике «Уральское хозяйство в цифрах. 1927»²⁵⁶ для 1913 года. Учитывая естественный прирост в 1913 году, совпадение можно считать практически полным.

Вывод, который можно сделать из приводимых в таблице 2.8 данных, говорит о том, что уменьшение численности населения в Уральской и Центрально-Черноземной областях было существенно большим, нежели в среднем по СССР, и – в отличие от страны в целом - население в обеих областях не успело восстановиться к декабрю 1926 года.

При этом численность населения на Урале сократилась в меньшей степени, чем в Центральном Черноземье, и население на Урале восстановилось быстрее, что соответствует демографически-структурной теории, утверждающей, что кризис должен достигать наибольшей остроты в перенаселенных центральных областях

Таблица 2.8 Оценка численности населения Центрально-Черноземной и Уральской областей в 1914-1926 гг.

	1.01.14	01.07.17	28.08.20	1.01.23	01.01.24
Уральская обл.	6468	6897	6751	6052	6173
% к 1917 г.	94	100	98	88	90
ЦЧО	11601	11525	10642	10045,1	10246
% к 1914 г.	100	99	92	87	88
	01.01.25	01.01.26	17.12.26	01.01.28	% уменьшения
Уральская обл.	6368	6577	6791	6995	
% к 1917 г.	92	95	98	101	12
ЦЧО	10448	10606	10804	11024	
% к 1914 г.	90	91	93	95	13

Что касается Урала, то основной причиной уменьшения населения в этом регионе был голод 1921-1922 года. Южный Урал находился в зоне неустойчивого земледелия, где высокие урожаи чередуются со страшными засухами и для стабильного ведения хозяйства крестьяне должны иметь более чем годовые запасы зерна на случай неурожая. Во время гражданской войны и продразверстки сохранение таких запасов было невозможно, поэтому губительный неурожай 1921 года вызвал катастрофические последствия – страшный голод, который привел к уменьшению численности населения по сравнению с 1917 годом на 12%.

2.3 Динамика рождаемости и смертности

После окончания кризиса, с улучшением продовольственного положения, начался чрезвычайно быстрый рост населения. Демографы часто говорят о компенсаторном росте, который обычно происходит после кризисов и причинами которого являются «отложенные» брачность и рождаемость. Но в данном случае рождаемость не превысила докризисных значений, и сохранялась на том же уровне спустя пять-шесть лет после начала восстановительного периода (компенсаторная рождаемость обычно быстро падает). Главную роль в увеличении естественного прироста сыграло уменьшение смертности и, в особенности, младенческой смертности, которая, по официальным данным, уменьшилась по сравнению с докризисным временем в полтора раза.

Таблица 2.9 - Рождаемость, смертность и естественный прирост в 1910-1929 гг.²⁵⁷

		1911-13	1924-26	1927-29
Рождаемость, ‰	СССР		43,3	43,3
	Европейская часть СССР	45,5	44,3	
	ЦЧО	47	44,9	44,7
	Уральская обл.	54	53,4	53,6
общая смертность, ‰	СССР		22,3	19,8
	Европейская часть СССР	28,6	22,0	
	ЦЧО	28,4	23,3	17,9
	Уральская обл.	38,6	29,8	29,5
младенческая смертность (на 1000 новорожденных)	Европейская часть СССР	273	189	191
	ЦЧО	278*	208	
	Уральская обл.	345*	292	294
естественный прирост, ‰	СССР		21,0	23,4
	Европейская часть СССР	16,9	22,3	
	ЦЧО	18,6	21,6	27,2
	Уральская обл.	15,4	23,6	24,1

*) 1909-1910 гг.

Специалисты полагают, что снижение смертности произошло за счет уменьшения распространения инфекционных заболеваний²⁵⁸. Как отмечалось выше, «эпидемиологический переход» в России задерживался традиционными настроениями православного фатализма и пассивной позицией властей в деле санитарного просвещения. Ультрамодернизаторское правительство большевиков решительно пошло на слом традиции: распространение санитарии стало государственной политикой²⁵⁹. Энергичные санитарные меры были жизненно необходимы в условиях колоссального «эпидемического взрыва» во время гражданской войны и голода 1921-1922 годов. С другой стороны, изменился и традиционный менталитет пережившего «тифозный шок» населения, оно стало более восприимчивым к санитарной пропаганде. «Эпидемиологический переход в СССР развивался довольно быстро, - отмечает А. Г. Вишнеvский, - за счет общих изменений в образе жизни людей, роста их образованности и информированности, а также за счет проведения относительно дешевых, но крупномасштабных санитарно-гигиенических мероприятий по оздоровлению городской среды, массовой вакцинации и пр.»²⁶⁰ «Первоочередной задачей было срочное улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки... Борьба с эпидемиями и инфекционными заболеваниями принесла свои плоды»²⁶¹. При этом особо отмечается, что проводимые советской властью масштабные санитарно-гигиенические мероприятия базировались на использовании западных технологий, то есть проходили в русле общемирового процесса модернизации²⁶².

Таблица 2.10- Заболеваемость инфекционными болезнями (число случаев на 100 тыс. чел.)²⁶³

	1913	1926	1928
Брюшной тиф	24,2	9,1	6,7
Сыпной тиф	6,6	4,2	2,2
Оспа	5,2	1,3	0,9
Корь	31,0	29,5	44,8
Скарлатина	29,8	31,3	20,8
Дифтерия	31,0	4,6	5,0
Дизентерия	30,7	17,2	10,0
Малярия	253,0	319,7	208,5
Коклюш	34,2	32,2	32,8

Особое внимание уделялось профилактике детских инфекций и преодолению прежних традиций в области ухода за детьми. К началу 1918 года в РСФСР было всего 28 учреждений по охране материнства и младенчества, к 1928 году их число достигло 2475. Численность врачей всех специальностей увеличилась с 28 тыс. в 1913 году до 70 тыс. в 1928 году²⁶⁴.

В итоге, коэффициент общей смертности в Европейской части СССР уменьшился с 28,2 ‰ в 1911-1913 гг. до 22,0 ‰ в 1924-1926 гг. Ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 32,3 лет в 1896-97 гг. до 44,2 года в 1926-27 гг.²⁶⁵ Таким образом, в России произошел «эпидемиологический переход», подобный тому, который имел место в западноевропейских странах в XIX веке – или, во всяком случае, был пройден решающий этап в этом процессе. Результатом – как и во всех странах, переживших «эпидемиологический переход», - стал демографический взрыв, первые раскаты которого прогремели еще до кризиса. «В годы нэпа в России произошел мощный демографический взрыв, когда численность населения быстро увеличивалась из-за снижения смертности», - отмечает В. И. Переведенцев²⁶⁶. Согласно шкале, предложенной американским демографом Д. Боугом, демографически взрыв происходит, когда естественный прирост превышает 20‰²⁶⁷. Этот рубеж был превзойден в СССР в 1925-1929 годах как в целом по стране, так и в большинстве регионов, причем в Центрально-Черноземной области естественный прирост в 1927-1929 годах достиг 27,2‰, а на Урале – 24,1‰. Необходимо, однако, отметить, что демографический взрыв в СССР не был столь продолжительным явлением, как в развивающихся странах второй половины XX века: он был прерван новым кризисом в начале 1930-х годов.

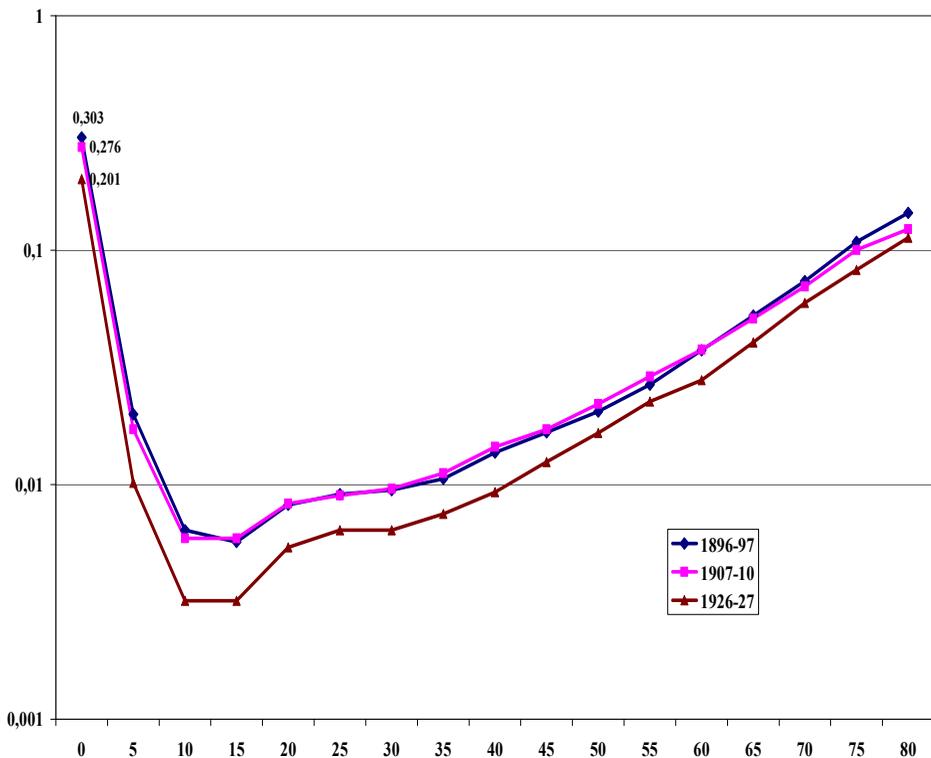

Рисунок 2.1 - Возрастные вероятности смерти мужчин для православного населения Европейской России в 1896-1897 и 1907-1910 гг. и населения СССР в 1925-1926 гг. (логарифмическая шкала)²⁶⁸.

Как отмечалось выше, исходные данные для сравнения положения до и после кризиса 1914-1922 годов дают переписи 1897 и 1926 годов и составленные по их результатам таблицы смертности. Такое сравнение, в частности, было проведено в статье Р. М. Дмитриевой и Е.М.Андреева²⁶⁹, однако авторы сопоставляли таблицы смертности, построенные для различных территорий: для 50 губерний Европейской России (1896-1897 гг.) и Европейской части СССР (1925-1926 гг.). Поскольку демографическая модернизация особенно интенсивно протекала в западных губерниях России (включая Прибалтику и Литву), не вошедших в состав СССР, то данные для этих губерний, существенно влиявшие на таблицы смертности 1896-1897 гг., исказили результаты сопоставления. Между тем, в распоряжении исследователя имеются таблицы смертности 1896-1897 годов, составленные С. А. Новосельским и В. В. Паевским для православного населения Европейской Рос-

сии, область расселения которого почти точно совпадает с территорией Европейской части СССР. Более того, для православного населения имеются также и таблицы смертности 1907-1910 годов, дающие информацию о демографической ситуации непосредственно перед кризисом²⁷⁰. На рисунке 2.1 изображены графики возрастных вероятности смерти для православного населения Европейской России в 1896-1897 и 1907-1910 гг. и населения СССР в 1925-1926 гг.

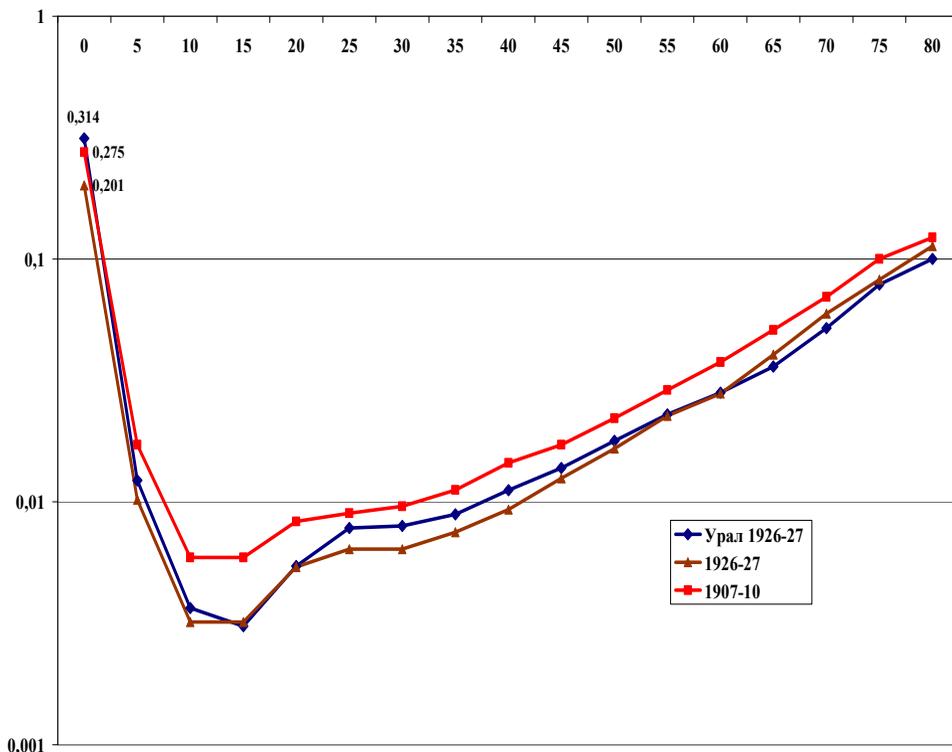

Рисунок 2.2 - Возрастные вероятности смерти мужчин для православного населения Европейской России в 1907-1910 гг., населения СССР и Урала в 1925-1926 гг. (логарифмическая шкала)²⁷¹.

Сопоставление графиков показывает, что изменения в динамике смертности между 1896-97 и 1907-1910 гг. касались, в основном, младших возрастов. Детская смертность несколько уменьшилась, но смертность взрослых не претерпела существенных изменений (графики на этом отрезке накладываются друг на друга). Напротив, после кризиса 1914-1922 годов положение резко изменилось: уменьшилась не только детская смертность, но и смертность взрослых во всех возрастах

до 85 лет. Если даже ставить под сомнение масштабы уменьшения детской смертности (как делают Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т.Л.Харькова), то значительное уменьшение смертности взрослых признается всеми авторами.

Существующие таблицы смертности для Урала позволяют нам сравнить графики возрастных вероятностей смерти для Урала и Европейской России (рисунок 2.2). График для Урала занимает как бы промежуточное положение между графиком православного населения России 1907-1910 гг. и графиком для СССР 1925-1926 гг. Детская смертность на Урале в 1925-1926 годах оставалась очень высокой – даже более высокой, чем у православного населения России в 1907-1910 годах. В возрастах с 10 до 25 лет смертность была примерно такой же, как по всей России в 1925-1926, но возрастах от 25 до 55 лет – сравнительно более высокой. Очевидно, демографическая модернизация на Урале запаздывала, и структура смертности продолжала оставаться достаточно архаической.

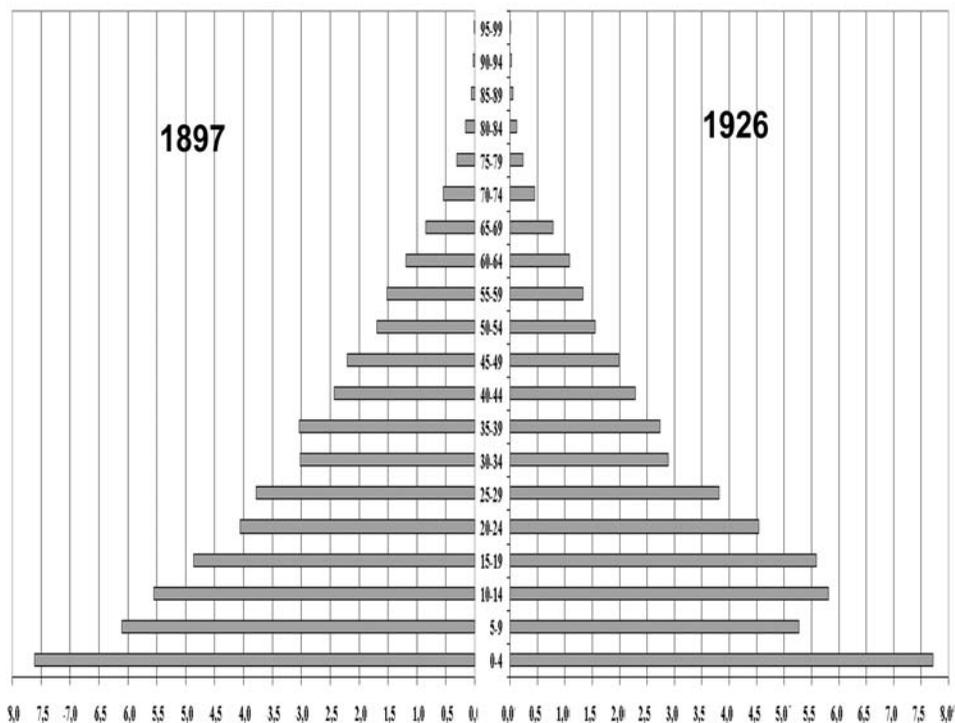
2.4 Изменения в возрастном составе населения

Переходя к анализу возрастного состава населения, нужно, прежде всего, ответить на вопрос, какие качественные изменения произошли в распределении населения по возрастам за время кризиса. На рисунке 2.3 проведено сопоставления возрастных пирамид 1897 и 1926 года для мужчин Европейской части России и СССР.

На мужском населении сильно сказались потери во время войн, поэтому доля мужчин в возрасте 25 лет и старше уменьшилась с 20,7 до 19,4%, число мужчин на 1000 женщин в этом возрасте сократилось с 948 до 874. Возмещение численности трудоспособных мужчин происходило за счет подраставшего нового поколения, молодых людей возраста 15-24 лет. Эта возрастная страта была более многочисленной, чем до кризиса, в 1897 году ее доля во всем населении составляла 8,92%, то после кризиса – 10,13%. Это были люди, родившиеся до войны, во время демографического подъема начала века. Поколение 10-14 летних было также многочисленнее, чем прежде, но на 5-9 –летней возрастной страте кризис сказался со всей силой – здесь образовалась характерная для тяжелых времен «демографическая яма». Что же касается доли детей в возрасте до 5 лет, то она была примерно такой же, как и до кризиса.

Различия в возрастной структуре, в теории, могли сказаться на уровне потребления. В обычно используемой экономистами так называемой «вологодской» системе подсчета «едоков» взрослый мужчина в возрасте 18-59 лет принимается за одного «едока», взрослые женщины (17-54 лет), подростки мужского пола (14-17 лет) и старики за 0,8 «едока», подростки женского пола (14-16 лет) и старухи – за 0,6, дети (7-13

лет) – за 0,55, дети (1-6 лет) – за 0,3 и младенцы до 1 года – за 0,1 «едока»²⁷². Если, учитывая возрастную структуру, подсчитать сколько «едоков» приходилось на 1000 душ, то для 1897 года получится цифра 681, а для 1926 года - 685. Таким образом, в масштабах всего Союза кризис не изменил соотношения «едоков» и «душ».

Рисунок 2.3 - Сопоставление возрастных пирамид для мужчин 1926 года (СССР) и 1897 года (Европейская Россия)²⁷³. По нижней шкале указан процент данной группы во всем населении

При сопоставлении возрастных пирамид для Черноземья (рисунок 2.4) выявляется некоторая специфика этого района. В пирамиде 1897 года явственно проявляются последствия голода 1891-1892 годов, который с особой силой ударил по Воронежской губернии; видны также последствия других, более ранних голодовок. Доля детей до 4 лет в населении, как в 1897, так и в 1926 году была больше, чем в среднем по России – «демографический взрыв» на Черноземье был более мощным, чем в других районах. Война сказалась на Черноземье много сильнее, чем на России в целом: доля мужчин в возрасте 25 лет и старше сокра-

тилась с 20,6 до 17,6%, число мужчин в этом возрасте на 1000 женщин сократилось с 982 до 816. Эти потери сказались на пропорции «едоков» и «душ». В 1897 году на 1000 душ приходился 661 едок, а в 1926 году - 643. Мы можем принять процент едоков 1897 года для всего докризисного периода; таким образом, если численность населения ЦЧО в 1926 году составляла 93,1% от уровня 1914 года, то число «едоков» – 90,6%.

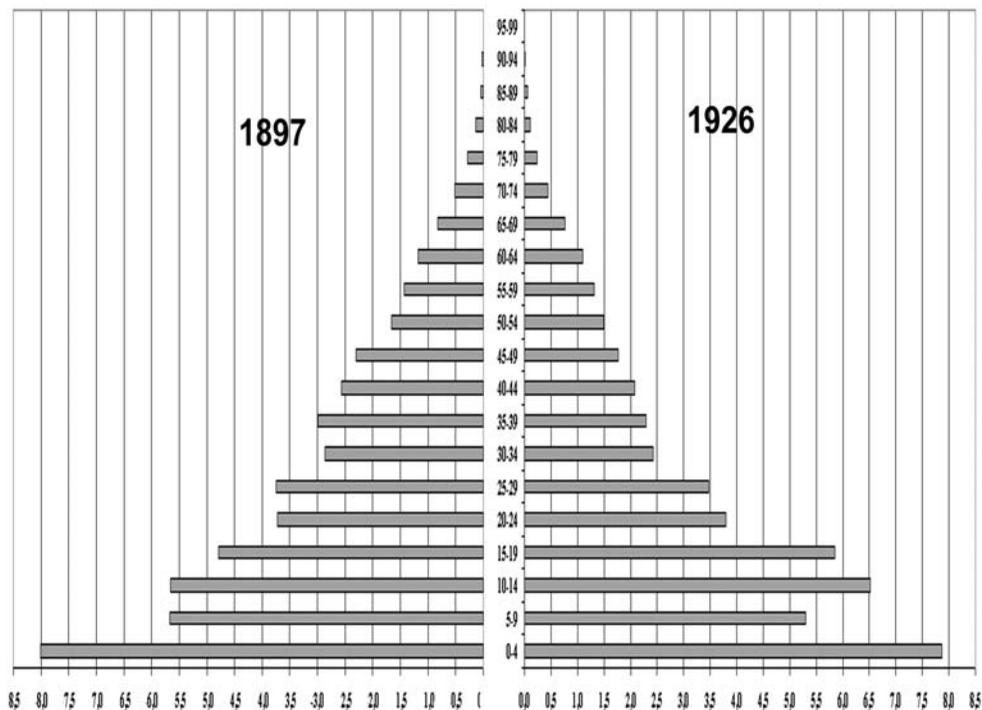

Рисунок 2.4 - Сопоставление возрастных пирамид для мужчин 1926 года (ЦЧО) и 1897 года (Воронежская губерния)²⁷⁴. По нижней шкале указан процент данной группы во всем населении.

Сопоставление возрастных пирамид 1897 года для Пермской губернии и 1926 года для Уральской области (рисунок 2.5) приводит к тем же выводам, что и для Черноземья. Доля мужчин в возрасте 25 лет и старше в населении Урала уменьшилась с 21,86 до 18,73%. «Демографическая яма» для возрастов 5-9 лет была на Урале глубже, чем на Черноземье, и отчасти распространилась на возраст 10-14 лет. Количество едоков на 1000 населения в 1897 году составляло на Урале 689, а в 1926 году – 686, то есть изменение возрастной структуры почти не отразилось на потреблении. Доля мужчин в возрасте 25 лет и старше со-

кратилась в результате кризиса с 21,86% до 18,73%, число мужчин в этом возрасте на 1000 женщин сократилось с 926 до 797.

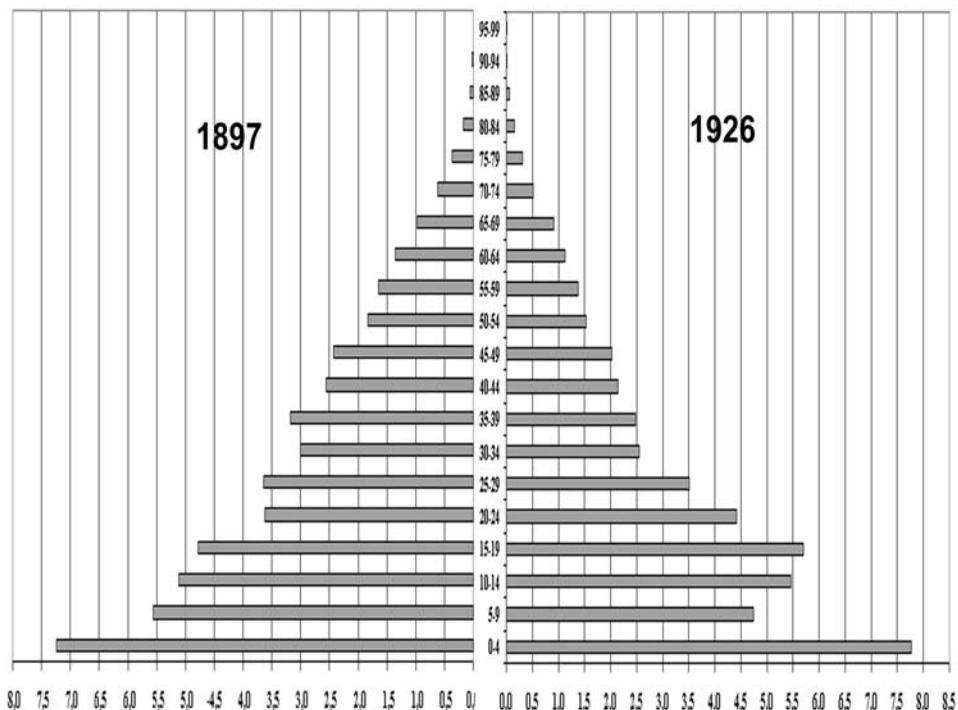

Рисунок 2.5 - Сопоставление возрастных пирамид для мужчин 1926 года (Уральская область) и 1897 года (Пермская губерния)²⁷⁵.

Сравнивая пирамиды 1897 года для Урала и Европейской России, можно заметить, что на Урале доля мужчин в возрасте 50 лет и старше во всем населении была несколько выше, чем в среднем по России (соответственно 7,1% и 6,4%), а доля детей в возрасте до 10 лет – меньше (соответственно 12,8 и 13,7%). Это связано с тем, что до Урала еще не дошел процесс демографической модернизации, и высокая детская смертность уменьшала долю детей в населении; за счет этого возрастала доля пожилых людей. Это говорит о том, что Урал отнюдь не был какой-то особенной «страной вдов и сирот», как утверждает С. В. Голикова²⁷⁶, что высокая смертность мужчин сравнительно с женщинами была свойственна России в целом. Число мужчин на 1000 женщин на Урале было ниже, чем в среднем по Европейской России, но эта диспропорция наиболее ярко проявлялась в молодых возрастах и не может быть объяснена, как старается доказать С. В. Голикова, тяжелыми ус-

ловиями труда на уральских заводах. В горнозаводском Верхотурском уезде Пермской губернии соотношение мужчин и женщин в возрасте 60-69 лет было таким же, как в аграрном Камышловском уезде²⁷⁷.

2.5 Другие демографические изменения

В соответствии с демографически-структурной теорией кризис сопровождался относительно большим сокращением населения в городах, чем в сельской местности. Причиной этого явления было не только нарушение снабжения городов, но и ослабление аграрного перенаселения в деревне. Отходники, составлявшие ранее большую часть городского населения, стали возвращаться в родные села в надежде получить землю²⁷⁸. Однако оценка масштабов запустения городов затрудняется несопоставимостью понятия «городское население» в статистике ЦСК Российской империи и ЦСУ СССР: в советские времена это понятие рассматривалось значительно шире, чем ранее. На Урале к городам были отнесены многочисленные заводские поселки, в результате чего доля городского населения в Пермской губернии в 1920 году по сравнению с 1914 годом увеличилась почти втрое²⁷⁹.

Практически единственный путь решения проблемы сопоставимости – это сравнение численности населения в конкретных городах. Такое сравнение было сделано О. А. Квиткиным для 338 городов европейской части РСФСР (см. таблицу 2.11).

*Таблица 2.11 - Динамика численности населения городов Европейской части РСФСР в 1917-1923 гг.*²⁸⁰

				в % к 1917 г.	
	1917	1920	1923	1920	1923
Москва и Ленинград	4001	1675	2534	42	63
Все учтенные города	10546	7020	8103	67	77

Из данных таблицы 2.11 вытекает, что к 1920 году население городов Европейской России сократилось на треть, а население Москвы и Ленинграда – в 2,3 раза. Затем началось медленное увеличение городского населения, но в 1923 году до полного восстановления городов было еще далеко. После 1923 года восстановление пошло более быстрыми темпами (см. таблицу 2.12). Особенно быстро росли некоторые большие города: среднегодовой прирост населения Ленинграда в период между переписями 15 марта 1923 года и 17 декабря 1926 года составил 9,6%, на втором месте по скорости роста стоял Свердловск – 6,8%²⁸¹.

Таблица 2.12. Динамика численности городского населения СССР в 1923-1929 гг.²⁸²

	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929
Городское население, млн.	21,8	22,4	23,7	25	26,3	27,5	28,7
% во всем населении		16,3	16,8	17,4	17,9	18,3	18,6
прирост за год, %	2,8	5,8	5,5	5,2	4,5	4,4	4,4
абсолютный прирост, млн.	0,6	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,5
механический прирост, млн.		0,7	0,8	0,9	1,0	1,1	1,4

Как отмечалось выше, эти данные несопоставимы с данными до 1918 года, но если принять уменьшение численности населения городов к 1923 году по сравнению с 1917 годом в 23% (таблица 2.11), то получится, что прежняя численность населения городов восстановилась только к 1929 году.

Как и в докризисное время, городское население росло за счет крестьян-отходников, которые ввиду недостатка земли уходили на заработки в города и постепенно там оседали. Как видно из таблицы 2.12, механический прирост населения городов за счет выходцев из деревни постепенно возрастал и в 1928 году составил 90% всего прироста. Многие крестьяне, годами жившие в городах, при этом сохраняли свои наделы в деревне. В Москве, которая была главным центром притяжения для отходников, 25% холостяков (и 9% семейных) имели наделы в деревне; половина из них возвращалась в деревню в сезон полевых работ, а другая половина сдавала свои наделы в аренду²⁸³. Однако процесс перетекания населения из села в город был много менее интенсивным, чем до кризиса. Общее число отходников в Европейской России в 1897 году составляло около 7 млн. чел, а в 1925/26 году в Европейской части СССР было зарегистрировано 3,3 млн. отходников. В Центрально-Черноземном районе в отход в 1890-х годах уходило в среднем в год 9,5% от всего населения, а в 1925/26 году – 3,6%²⁸⁴. Очевидно, получившие землю крестьяне района не испытывали такой нужды в дополнительных заработках, как в период до кризиса. На Урале в 1925/26 году ушло в отход (как и в ЦЧО) 3,6% населения, но уход из деревни мотивировался, в основном, не недостатком земли, а хорошими заработками на заготовке леса²⁸⁵. Для оценки перспектив индустриализации существенно, что при резком сокращении числа отходников в фабричной промышленности и в ремесле была занята лишь небольшая часть их общего числа – около 17% (1925/1926 г.)²⁸⁶. Еще одним фактором, обусловившим уменьшение числа отходников, было сокращение среднего размера крестьянских семей: малая семья не могла отпустить на заработки в город единственного кормильца²⁸⁷.

Уменьшение миграций в города имеет параллель в уменьшении переселенческого движения за Урал. Как известно, переселение на

Урал было одним из элементов реформы Столыпина, направленной на смягчение последствий аграрного перенаселения. В предкризисное время переселение приняло очень большие масштабы, причем одним из основных районов выхода переселенцев было Центральное Черноземье.

Таблица 2.13 - Динамика переселения за Урал²⁸⁸

	Среднее 1906-14	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Число переселенцев за Урал	419	104	109	143	174	321
В т. ч. из ЦЧО	58	46,2	29,0	23,6	23,8	52,6

Как видно из таблицы 2.13 после кризиса размеры переселенческого движения резко спали: очевидно, многие крестьяне получили прибавку к земле и не испытывали необходимости в переселении. Особенно характерно уменьшение переселения из Центрально-Черноземной области. В голодном 1924/25 году ЦЧО дал 44,5% всех переселенцев, но затем положение в области улучшилось, и количество переселенцев резко упало. В 1928/29 годах оно опять возросло в связи с неурожаем и ожиданием грядущей коллективизации²⁸⁹.

Еще одно явление, отмечаемое демографами в связи с кризисом 1914-1922 годов – это уменьшение размеров семьи, быстрый распад больших семей. Это явление (в меньшей степени) отмечалось и раньше, оно было связано с процессами модернизации, с увеличением независимости членов семьи, в особенности женщин, с ростом отходничества. Однако императорское правительство противодействовало этим тенденциям, приняв закон об ограничении семейных разделов. С падением империи на смену традиционалистской политике пришла модернизаторская пропаганда, направленная против патриархальной семьи, за эмансипацию женщины. Распаду больших семей способствовало также то обстоятельство, что их часто причисляли к кулацким и обременяли дополнительными поборами, а на росте числа малых хозяйств сказалось возвращение в деревню отходников (преимущественно молодых мужчин), прежде почти постоянно живших в городах, и создание ими новых семей²⁹⁰. Результаты действия этих факторов проявились очень быстро, и о них можно судить по материалам выборочной переписи 1919 года, которая охватила от 5 до 10% крестьянских хозяйств в 25 губерниях Европейской части СССР. Материалы этой переписи были сопоставлены с относящиеся к тем же местностям данными переписи 1917 года и показали как увеличение числа хозяйств, так и изменение состава дворов (таблица 2.14).

Как видно из данных, представленных в таблице 2.14, всего лишь за два года число малых семей (2-3 чел.) в среднем по 25 губерниям увеличилось на 28%, а число больших семей (свыше 11 чел.) снизилось на 28%. Однако при этом отмечались значительные порайонные различия. В Центральном Черноземье (Тамбовская губ.) число больших семей сократилось на 37%. Земельные органы Тамбовской губернии оценивали этот процесс крайне негативно, указывая, что «в интересах отдельных лиц разрушаются основные жизнеспособные хозяйства»²⁹¹. Напротив, на Урале (Екатеринбургская губ.) интенсивность разделов дворов в эти годы была невелика, и число больших семей даже возросло. Это в значительной степени было связано с тем, что средний размер семей на Урале был меньше, чем на Черноземье, то есть в этом отношении процесс модернизации зашел здесь достаточно далеко еще в предкризисный период.

Таблица 2.14 - Изменение населенности дворов в 1917-1919 годах²⁹²

	Число членов семьи	1	2-3	4-6	7-10	11 и бол.	Всего	
25 губерний	число хозяйств	1917	12567	64657	174913	142723	32431	427291
		1919	12889	82832	203504	140814	23351	463390
	1919 в % к 1917		102,6	128,1	116,3	98,7	72,0	108,4
	% к общему числу	1917	2,9	15,1	40,9	33,4	7,6	100
1919		2,8	17,9	43,9	30,4	5,0	100	
Екатеринбургская	число хозяйств	1917	899	4580	9097	5458	878	20912
		1919	827	4984	9812	5811	916	22351
	1919 в % к 1917		92,0	108,8	107,9	106,5	104,3	106,9
	% к общему числу	1917	4,3	21,9	43,5	26,1	4,2	100
1919		3,7	22,3	43,9	26	4,1	100	
Тамбовская	число хозяйств	1917	356	2101	6253	6134	2101	16946
		1919	554	2689	8146	7058	1325	19771
	1919 в % к 1917		155,6	128,0	130,3	115,1	63,0	116,7
	% к общему числу	1917	2,1	12,4	36,9	36,2	12,4	100
1919		2,8	13,6	41,2	35,7	6,7	100	

Процесс дробления крестьянских хозяйств продолжался и далее. На этот процесс оказал большое влияние голод 1921 года, а затем - введение сельхозналога, по которому величина обложения уменьшалась с уменьшением размеров хозяйства, поэтому при проведении налоговых переписей некоторая часть хозяйств объявляла себя разделенными²⁹³. В Курской губернии в 1920-1924 годах разделились практически все хозяйства (92%), имевшие трех и более лошадей – в то время как из числа семей, имевших двух лошадей, поделилось только 29%²⁹⁴. На Урале голод 1921 года привел к тому, что в 1920-1922 годах населенность двора уменьшилась с 5,22 до 4,83 человека, после чего количество разделов сократилось²⁹⁵.

Увеличению неустойчивости семьи способствовала модернизаторское законодательство, в соответствии с которым резко упрощалась как процедура заключения брака, так и оформление развода. До войны разводы были редким явлением, а в середине 20-х годов в Тамбовской губернии разводы составляли уже 8-12 от числа заключенных браков²⁹⁶. По закону, вступившему в силу в 1927 году, развод мог быть оформлен по требованию одного из супругов и даже в отсутствие другого супруга. Это привело к тому, что, например, в Центральном Черноземье за один год число разводов увеличилось вдвое и достигло 2,26%²⁹⁷. Сдвиги в крестьянском менталитете отразились в популярной в Орловской губернии частушке:

От волости до двора
 Вся зеленая трава;
 Давай, милый, разводиться,
 Теперь новые права²⁹⁸.

По всей стране уровень разводимости в 1927 году составил 3,1% по сравнению с 0,56% в Германии и 0,46% во Франции. Соответственно, за счет увеличения числа повторных браков увеличился и уровень брачности, - однако, как считают специалисты, уровень брачности в то время не оказывал существенного влияния на уровень рождаемости²⁹⁹.

Разрушение патриархальной семьи привело к тому, что средние размеры семьи в Центральном Черноземье уменьшились с 7,4 до 5,3 чел. (таблица 2.15). Это было чрезвычайно важное обстоятельство, имевшее сугубо негативный характер. В конечном счете, следствием дробления семей в русле процесса демографической модернизации было появление огромного числа экономически слабых и неустойчивых мелких хозяйств.

Таблица 2.15 - Динамика средней численности крестьянской семьи в 1897-1926 гг.³⁰⁰

	1897	1923	1927
СССР		5,2	5,2
Центрально-Черноземный район	7,4	5,5	5,3
Уральская область	6,8	4,8	4,8

Подводя итоги, можно констатировать, что масштабы кризиса 1914-1922 годов на Черноземье и на Урале были большими, чем в целом по СССР: если (по оценке Ю. А. Полякова) население СССР уменьшилось в ходе кризиса на 8,6%, то на Черноземье оно уменьшилось на 13%, а на Урале – на 12%. Соответственно, более значительными были потери мужского населения, что отразилось в сокращении доли взрослых мужчин во всем населении. Население Черноземья к концу 1926 года оставалось еще на 7% меньше, чем до кризиса, а коли-

чество едоков было меньше почти на 10%. Городское население, в соответствии с демографически-структурной теорией, уменьшилось в большей мере, нежели сельское и восстановилось (в целом по стране) только к 1929 году. Кризис существенно замедлил процесс урбанизации - и поначалу даже обратил его вспять; количество отходников уменьшилось по сравнению с докризисным временем в 2-3 раза. Значительно, в несколько раз, уменьшились размеры миграции в города и переселения за Урал.

После кризиса отмечается существенное падение смертности, связанное с процессами демографической модернизации и эпидемиологического перехода. Эти процессы (преимущественно в западных областях) получили распространение еще в докризисный период, но резко ускорились после кризиса, что, по-видимому, связано с изменениями традиционных взглядов на санитарную и гигиену после взрыва тифозных эпидемий – а также и с модернизаторской пропагандой и политикой советской власти. Снижение смертности привело к «демографическому взрыву», в результате которого потери населения были восстановлены к концу 1920-х годов.

Таким образом, относительно быстрое демографическое восстановление после кризиса было, в основном, *следствием процессов модернизации*. Еще одним следствием модернизации был распад больших семей, который имел негативные последствия. Писатель Энгельгардт в известных письмах из деревни сообщал: «Крестьянский двор зажиточен, пока семья велика и состоит из значительного числа рабочих, пока существует какой-нибудь союз семейный, пока семья не разделена и работы производятся сообща...»³⁰¹

Глава 3. Влияние кризиса 1914-1922 годов на уровень производства и потребления продовольственных продуктов

3.1 Продовольственное положение и уровень жизни в предкризисный период

Переходя к анализу изменений в уровне потребления, произошедших в результате кризиса 1914-1922 годов, необходимо, в первую очередь, оценить уровень производства и потребления в предкризисный период. Это можно сделать путем составления продовольственного баланса, учитывающего производство и расходы на вывоз и винокурение. Такой продовольственный баланс был составлен Б. Н. Мироновым для 50 губерний Европейской России³⁰², однако он обладает тем недостатком, что адресует к 50 губерниям весь хлебный экспорт России. Это, однако, не вполне справедливо, так как довольно значительная часть вывоза шла из трех губерний Северного Кавказа. Ниже приводится продовольственный баланс для 53 губерний Европейской России (с включением Северного Кавказа – таблица 3.1) рассчитанный по сельскохозяйственным годам для пяти периодов, 1901/02-1905/06, 1906/07-1910/11, 1908/09-1911/12 и 1909/10-1913/14. Первые два периода традиционно рассматриваются в статистике ЦСК, последний период – это пятилетний период перед кризисом, третий период берется в рассмотрение потому, что для него (как и для четвертого периода) мы можем построить погубернские балансы потребления и сравнить их с балансами для Европейской России, и, наконец, пятый период охватывает все предвоенное время с начала столетия.

Остаток на потребление в этой таблице – это зерно и картофель, оставшиеся после посева, вывоза и расходов на винокурение, эта графа подразумевает потребление зерна и картофеля в пищу и на корм скоту: состояние массовой статистики не позволяет разделить эти две статьи расхода. Сюда же относятся и потери, а также расходы на тайное самогонварение, которые, взятые вместе, в 1925-1928 годах отнимали от потребления около одного пуда на душу. Как видно из таблицы, в начале XX века среднее душевое потребление в 53 губерниях колебалось на уровне около 20 пудов. В 1901-1905 годах оно составляло 20,9 пуда,

в 1906-1910 годах упало до 19,5 пуда, сохранялось на этом уровне в 1908-1911 годах и в 1910-1913 годах поднялось до 22,7 пуда. Последний довольно резкий подъем потребления был связан, главным образом, с исключительно благоприятными погодными условиями, обеспечившими сбор рекордных урожаев 1912 и 1913 годов.

Таблица 3.1 - Продовольственный баланс по 53 губерниям Европейской России ³⁰³.

	1901/02 -05/06	1906/07 -10/11	1908/09 -11/12	1909/10 -13/14	1901/02 -13/14
Население, млн.	109,7	119,4	122,6	126	118,5
Зерновые					
Чистый сбор зерновых, млн. пуд.	2815	2859	3032	3407	3013
Чистый сбор зерновых на душу, пуд.	25,7	23,9	24,7	27,0	25,4
Вывоз	628	653	730	718	649
Вывоз на душу, пуд	5,7	5,5	6,0	5,7	5,5
Расход на винокурение, млн. пуд	44	44	26	31	34
Остаток на потребление, млн. пуд	2143	2162	2276	2658	2331
Душевой остаток на потребление, пуд.	19,5	18,1	18,6	21,1	19,6
Картофель					
Чистый сбор, млн. пуд.	894	980	708	1170	1078
Расход на винокурение	130	164	157	160	150
Душевой остаток на потребление, пуд	7,0	6,8	4,5	8,0	7,7
Душевой остаток на потребление в пересчете на зерно 5:1, пуд	1,4	1,4	0,9	1,6	1,5
Душевой остаток на потребление зерна и картофеля, пуд	20,9	19,5	19,5	22,7	21,1

Относительно потребления зерна в пищу мы располагаем лишь материалами немногочисленных бюджетных обследований, проводившихся в различных губерниях. Данные этих обследований суммированы в таблице, приводимой ниже и основанной на материалах А. В. Чайнова и С. А. Клепикова (таблица 3.2).

Как следует из сведений о 16 губерниях, приведенных в таблице 3.2, имеющиеся данные относятся к разным годам и обладают различной степенью достоверности. Известный статистик проф. А. Е. Лосицкий в 1927 году писал, что «невозможно представить точную динамику крестьянского потребления в настоящее время по сравнению с довоенным временем ввиду небольшого числа довоенных наблюдений, малого числа охватываемых ими губерний, разновременности и разнометодичности их»³⁰⁴. Некоторые обследования довоенного времени охватывали меньше ста хозяйств и могли давать выборочные средние, весьма далекие от реальных значений. Данные повторных обследований по Калужской и Московской губерниям плохо согласуются друг с другом и заставляют сделать вывод о больших колебаниях потребления даже в пределах одной губернии. Казалось бы, нерепрезентативность этих ма-

териалов очевидна, однако, за неимением лучшего, эти данные используются Б. Н. Мироновым для характеристики уровня потребления в начале XX века – и более того, распространяются с 16 губерний на всю Европейскую Россию³⁰⁵.

Таблица 3.2 - Потребление в пищу по данным бюджетных обследований³⁰⁶

Губернии	Хлеб, пуд.	Хлеб и картофель в пересчете на хлеб 1:5, пуд.	Мясопродукты, пуд.	Годы обследования	Число описанных хозяйств
Вятская	17,73	18,57	0,85	1900-01	1987
Вологодская	13,27	15,2	1,21	1905-07	329
Олонецкая	21,85	23,0	3,08	1909	157
Новгородская	17,15	17,59	0,68	1909	?
Костромская	13,33	14,11	0,57	1908-09	376
Ярославская	13,8	15,24		1909	2192
Московская, Московский уезд	13,87	16,52	1,44	1912	25
Московская, Волоколамский уезд	11,0	12,69	1,11	1910	25
Московская	11,12	13,12	1,0	1910-11	45
Смоленская	13,89	17,08	1,18	1911	71
Калужская	11,9	13,4	1,0	1909	119
Калужская	16,93	19,48	1,69	1914	?
Тульская	12,7	15,9	1,29	1910-12	655
Пензенская	14,1	16,11	1,29	1912/13	263
Тамбовская	14,8	17,0	1,2	1915	85
Симбирская	19,45	21,4	0,56	1913	225
Харьковская	16,7	17,7	1,35	1910	101
Полтавская	13,9	16,4	1,82	1911	147
Херсонская	24,2	29,3	2,09	1898	124

Стандартный метод проверки данных такого рода, широко использовавшийся ЦСУ в 20-х годах, – это построение продовольственных балансов. Б. Н. Миронов, основываясь на данных бюджетных обследований, определяет среднее душевое потребление в пищу для сельского населения в 254,7 кг (15,55 пуда) хлебных продуктов и 131,2 кг картофеля в чистом весе (10,7 пуда с учетом 25% потерь) - всего в пересчете на зерно получается 17,7 пуда. Потребление горожан определяется в 644 г хлеба и 159 г картофеля в сутки, что дает 15,3 пуда в год³⁰⁷. Поскольку горожане составляли 15% населения России, то среднее душевое потребление в пищу по данным бюджетов равнялось примерно 17,3 пуда. С другой стороны, по расчетам Статистико-экономического комитета Министерства продовольствия самое минимальное потребление зерновых на фураж составляло 7,1 пуда на душу населения³⁰⁸. Таким

образом, если верить бюджетам, то даже без учета потерь, расходов на самогон и накопление запасов, минимальный душевой остаток на потребление должен составить $17,3 + 7,1 = 24,4$ пуда. Между тем, после посева и вывоза в 1901-1913 годах в Европейской России оставалось только 21,1 пуда на душу – баланс не сходится на 3,3 пуда. Это означает, что бюджетное среднее потребление в пищу в 17,3 пуда далеко отстоит от реальности – реально потребление в пищу должно было составить в 1901-1914 годах не более $21,1 - 7,1 = 14$ пудов, а в 1909-1914 годах $22,7 - 7,1 = 15,1$ пуда.

К выводу о том, что бюджетные обследования приукрашивают реальную картину, приходили многие исследователи. Г. Робинсон и Н. Н. Кореневская утверждали, что это происходит за счет преувеличения в выборке доли более состоятельных хозяйств³⁰⁹. Однако дело не только в этом, более важно то обстоятельство, что *обследования проводились в благополучные годы и не касались голодающих районов*. В начале XX века было три больших неурожая, за которыми последовал голод: неурожай 1901/02 и 1906/07 года охватили черноземные губернии, а неурожай 1911/12 года – восточные области Европейской России; на потребление (в пищу и на фураж) в эти годы в 53 губерниях оставалось соответственно по 15,3, 14,1 и 15,5 пуда на душу – а в пораженных неурожаем районах по 10 пудов и меньше. По подсчетам П. Н. Першина, число голодающих каждый раз составляло примерно 25-30 млн. человек – и ни одно земство не проводило среди них бюджетных обследований³¹⁰.

Отдельно следует отметить нерепрезентативность довоенных обследований для изучаемых нами регионов. Для Центрально-Черноземного района имеются материалы воронежского обследования, относящиеся к 1887-1896 годам и тамбовского обследования 1915 года, однако первое обследование выпадает из рассматриваемых нами временных рамок, а второе нерепрезентативно ввиду малого количества описанных бюджетов и специфических условий 1915 года (исключительно урожайный год, необычно низкая арендная плата и т.д.). Для Урала имеются только материалы обследования 1900-1902 годов³¹¹, которые также не вполне репрезентативны вследствие хронологической удаленности от предвоенного времени.

Для того чтобы оценить данные таблиц 3.1 и 3.2, необходимо сравнить их с минимальной душевой нормой потребления на продовольствие и фураж (нормой остатка на потребление). Как отмечалось выше, минимальная норма расходов на фураж составляет 7,1 пуда. Какова минимальная норма потребления в пищу? Считается, что рабочий-мужчина, так называемый «едок», занятый на сельскохозяйственных работах, должен получать с пищей не менее 3860 ккал в день, а на отдыхе и при легкой работе достаточно 2600 ккал³¹². ЦСУ СССР в 1920-х

годах считал, что средним условиям крестьянской жизни и работы удовлетворяет норма в 3750 кал³¹³. Среднестатистическая «душа» потребляет в 1,4 раза меньше «едока», следовательно, минимальная норма для сельской души составляет 2680 ккал в день. Естественно, хлеб и картофель обеспечивали лишь часть этой энергетической потребности, и норма их потребления зависела от присутствия в рационе других продуктов, прежде всего, молока и мяса. В развитых странах с высоким потреблением продуктов животноводства норма потребления хлеба была существенно меньше, чем в России, где на хлеб и картофель приходилось 78% общей калорийности рациона. Б. Н. Миронов, изучавший рацион питания крестьян на основании данных С. А. Клепикова, установил, что по упомянутым бюджетным обследованиям крестьянская душа в 1896-1913 годах в среднем получала 2952 ккал в день, потребляя при этом 17,7 пуда хлеба и картофеля в год³¹⁴. Отсюда легко подсчитать, что при сохранении той же структуры питания для обеспечения нормы в 2680 ккал необходимо 16,1 пуда хлеба и картофеля в год (напомним, что мы пересчитываем картофель на рожь в соотношении 1:5). Городская душа потребляет хлеба примерно на 23% меньше³¹⁵ и можно подсчитать, что при доле городского населения в 15% норма потребления хлеба и картофеля для всего населения составит примерно 15,5 пуда.

Таким образом, минимальная норма потребления в пищу составляет 15,5 пуда, а суммарная норма потребления в пищу и на фураж (остатка на потребление) – 22,6 пуд. Эти цифры как раз характеризуют среднее потребление в 1909-1913 годах, то есть потребление крестьян поддерживалось на уровне минимальной нормы. Однако при этом в силу статистического разброса половина населения получала пищи меньше нормы, и были периоды (1906-1910 годы), когда среднее потребление опускалось ниже нормы и тогда недоедало более половины населения.

В принципе – если иметь в виду объемы производства – Россия обеспечивала себя хлебом. В целом чистые сборы хлебов в расчете на душу населения возросли с 18,3 пуда в 1861-70 гг. до 24,2 пуда в 1901-1910 гг. Однако рост хлебного производства сопровождался бурным ростом экспорта и практически не приводил к увеличению потребления, которое оставалось на крайне низком уровне. В соответствии с теорией мир-систем И. Валлерстайна развитие мирового рынка определяло сырьевую специализацию экономики России и приводило к массовому вывозу сырья и продовольствия. Средний уровень цен в Европе почти вдвое превышал средний уровень цен в России. Этот диспаритет цен был вызван не тем, что европейское население больше, чем русское, нуждалось в хлебе, а тем, что в Европе было больше валюты, золота и серебра. В конце XIX века на каждого жителя Франции прихо-

дилось 32 доллара в драгоценных металлах, а на каждого жителя России – 7 долларов³¹⁶. Богатые нации могли платить за хлеб больше, чем русское население, и хлеб, производимый в помещичьих и в зажиточных крестьянских хозяйствах через посредство хлебных торговцев уходил за границу – несмотря на то, что бедняки голодали.

«Лозунг “не доедим, а вывезем” был не пустым лозунгом, ибо рост внутренних цен был связан с ростом мировых цен, – писал известный экономист Н. П. Огановский. – Не только крестьяне центральных районов permanently недоедали, не только производители яиц и птицы сами в рот их не брали... Главные сельскохозяйственные продукты шли за границу: половина товарного зерна, $\frac{3}{4}$ льна, яиц, половина масла. Отсюда ужасающая смертность детей, отсюда сила эпидемий, отсюда глухое недовольство масс, постоянная борьба всеми доступными крестьянам способами с помещиками и начальством и стихийные вспышки бунтов – предвестники революционной грозы»³¹⁷.

При 712 млн. пудов среднего ежегодного вывоза в 1909-1913 гг. помещики непосредственно поставляли на рынок 275 млн. пудов. Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн. руб. арендной платы³¹⁸. Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) более 360 млн. пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало более 635 млн. пудов – эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза.

На связь экспорта с помещичьим землевладением указывали ранее многие авторы³¹⁹. Конечно, часть шедшего на рынок зерна поступала с крестьянских земель, крестьяне были вынуждены продавать часть своего хлеба, чтобы оплатить налоги и купить необходимые промтовары, но это количество (около 700 млн. пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения³²⁰. Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских – на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы и не принадлежала России, население страны не получало продовольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса. Помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта. Так, например, в 1907 г. было вывезено хлеба на 431 млн. руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов на 180 млн. руб. и 150-200 млн. руб. составили расходы «русских путешественников» за границей. Для сравнения, в том же

году, было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн. руб., сельскохозяйственной техники – на 18 млн. руб.³²¹

Необходимо подчеркнуть, что ситуация в России не была чем-то особенным; в экономической истории много примеров, когда дворянство вывозило из страны хлеб, сужая экологическую нишу своего народа и доводя его до нищеты. Наиболее известный пример такого рода – это так называемое «второе издание крепостничества», когда дворянство балтийских стран под воздействием мирового рынка создавало экспортные хозяйства, фольварки, – и не только отнимало хлеб у своих крестьян, но и низводило их до положения, близкого к рабству. «Зерно, повсюду, где оно служило предметом широкой экспортной торговли, работало на “феодализацию”»...- писал Фернан Бродель³²². В этом смысле русский хлебный экспорт был остатком феодализма, он был основан на феодальном по происхождению крупном землевладении, и на той власти, которую еще сохраняло русское дворянство. Напомним, что согласно современным воззрениям *уничтожение крупного землевладения является необходимым элементом «революции модернизации»* – это теоретическое положение было сформулировано одним из создателей теории модернизации С. Блэком на основе обобщения опыта социальных революций и реформ в развивающихся странах³²³.

Представление о том, какой уровень потребления нужно иметь, чтобы достичь социальной стабильности, дает сравнение России с другими государствами (таблица 3.3).

Таблица 3.3 - Чистый остаток хлебов и картофеля (в пересчете на хлеб 1:4) после вычета посевного материала («производство») и остаток на потребление с учетом экспорта и импорта («потребление») на душу населения в конце XIX века³²⁴.

Страна	Производство	Потребление	Импорт(+) или экспорт(-)	Страна	Производство	Потребление	Импорт(+) или экспорт(-)
Франция	30,2	33,6	+3,4	Бельгия	23,7	27,2	+3,5
Австро-Венгрия	27,4	23,8	-3,6	Великобритания	12,5	26,4	+13,9
Германия	24,2	27,8	+3,6	Россия	24,3	19,5	-4,8

Следует признать, что даже по сравнению с густонаселенными европейскими странами душевое производство хлеба в России было сравнительно невелико, примерно как в Германии и Бельгии. Но в то время как Германия, Бельгия и другие страны ввозили зерно, Россия его вывозила, и в результате уровень потребления в России был намного ниже, чем в других странах Европы.

Необходимо отметить, что при среднем уровне потребления, близким к голодному минимуму, в силу естественного статистического раз-

броса потребление половины крестьян оказывается ниже минимальной нормы. Ситуация в России усугублялась тем, что статистический разброс в уровне потребления был очень велик. К началу XX века еще сохранялось наследие крепостного права в виде деления крестьян на две большие группы: бывших помещичьих крепостных и бывших государственных. Как и прежде, в эпоху крепостничества, эти крестьяне имели разное земельное обеспечение и разный уровень жизни (см. таблицу 3.4). Например, в Курской губернии в 1905 г. бывшие крепостные имели 4,8 дес. на двор, а бывшие государственные крестьяне – 9,3 дес³²⁵.

Таблица 3.4 - Численность и средние наделы бывших государственных и помещичьих крестьян Европейской России³²⁶

	Помещичьи крестьяне		Государственные крестьяне	
	1877	1905	1877	1905
Число общин	91,5	110,3	36,7	49,5
Число дворов (тыс.)	3813	5734	3781	5303
Надел на 1 двор	8,9	6,7	15,1	12,5

Таким образом, по-прежнему существовали бедные общины бывших помещичьих крестьян и относительно зажиточные общины государственных крестьян, в которых обеспеченность землей была вдвое выше. Это разделение имело географический аспект: в эпоху своего расцвета крепостничество укрепилось, прежде всего, в центральных областях государства, в то время как на окраинах преобладали государственные крестьяне. С другой стороны, Московский район был тем историческим центром государства, откуда шло расселение на окраины - поэтому в то время как центральный регион был перенаселен, на окраинах еще сохранялся относительный земельный простор и крестьяне имели большие наделы.

Таким образом, представляется важным исследовать динамику потребления в региональном разрезе, чтобы установить, каковы были различия в уровне потребления, какие области России были богатыми, и какие – бедными. Для решения этого вопроса необходимо привлечь данные транспортной статистики. Такие данные имеются в распоряжении историков, но они обладают некоторыми дефектами: как отмечалось выше, имеются пробелы в отношении водных перевозок в Поволжье, и, что более существенно, недостаточно данных о перевозках так называемых «второстепенных» хлебов – в том числе, гречихи, проса и кукурузы. Поэтому нам пришлось исключить из рассмотрения губернии Степного Юга и ограничиться рассмотрением района,

где преобладало возделывание «главных хлебов»: ржи, пшеницы, ячменя и овса.

Величина остатка на потребление в таблице 3.5 получена путем вычитания из чистого сбора вывоза (или прибавления ввоза) и расхода на винокурение. Этот остаток идет, в основном, на потребление в пищу и на фураж, но какая-то небольшая часть расходуется на самогон, откладывается в запас или теряется при хранении и переработке. Как отмечалось выше, минимальная норма потребления в пищу и на фураж составляет 22,6 пуда; с этой величиной можно сравнивать губернские и районные данные. Нужно, однако, учитывать, что расходы на фураж в различных районах зависели от недостатка или, наоборот, обилия пастбищ, поэтому на Севере и в Центре страны эти расходы (в расчете на душу) были на один-два пуда меньше, а в черноземных областях – на один-два пуда больше. Напомним также, что среднее потребление по 53 губерниям России в 1909/10-1913/14 годах составляло 22,7 пуда.

Таблица 3.5 – Остаток на потребление хлеба и картофеля (в переводе на хлеб 1:5) с учетом перевозок «четырёх главных хлебов» и за вычетом расходов на винокурение³²⁷

Губерния	Чистый сбор зерновых на душу населения (пуд)		Ввоз (+) или вывоз (-) зерновых на душу населения (пуд)		Душевой остаток на потребление хлеба и картофеля (пуд)	
	1	2	3	4	5	6
	1908-11	1909-13	1908-11	1909-13	1908-11	1909-13
Санкт-Петербургская	3,4	3,3	16,9	19,5	21,0	23,8
Московская	3,5	3,9	16,6	16,8	21,2	22,1
Север и Северо-Запад	12,2	12,7	4,6	4,6	17,8	18,4
Архангельская	4,9	4,9	9,9	10,8	15,0	15,9
Вологодская	13,5	14,3	3,4	2,8	17,4	17,6
Новгородская	11,2	11,7	5,1	5,7	17,6	18,7
Псковская	14,2	14,6	3,5	3,4	19,4	19,7
Белоруссия	13,1	13,8	2,2	2,0	18,3	18,9
Витебская	11,8	12,6	3,8	3,7	17,6	18,2
Могилевская	12,4	13,6	1,9	1,6	17,3	18,3
Минская	14,5	14,7	1,4	1,3	19,6	19,8
Центральный район	12,0	13,2	4,7	5,8	18,3	21,0
Тверская	9,4	10,7	5,6	5,5	15,9	17,4
Смоленская	12,5	14,5	4,8	3,8	19,1	20,6
Калужская	9,2	11,0	5,5	5,0	16,4	17,9
Владимирская	11,2	11,5	8,2	8,8	21,5	22,6
Ярославская	12,1	12,4	3,1	7,6	17,9	22,7
Костромская	14,6	15,1	4,1	5,8	20,1	22,6
Нижегородская	15,0	17,0	1,1	5,0	17,3	23,3
Тульская	25,9	25,9	-11,8	-10,1	17,1	18,3
Рязанская	19,4	19,7	-5,2	-4,1	16,4	17,9

<i>Продолжение таблицы 3.5</i>						
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Урал и Вятка	23,5	24,7	0,2	0,5	23,9	25,3
Вятская	23,6	24,8	-1,7	-1,9	22,1	23,2
Пермская	23,4	24,6	2,2	2,8	25,7	27,4
Предуралье	25,6	27,3	-10,7	-9,1	15,0	18,3
Уфимская	27,3	28,8	-10,8	-9,7	16,8	19,3
Оренбургская	23,1	25,2	-10,6	-8,3	12,5	16,9
Центрально-Черноземный район	25,5	28,8	-6,5	-6,5	20,8	24,2
Орловская	20,2	21,6	-2,8	-2,9	20,1	21,3
Курская	25,5	29,4	-3,4	-4,6	24,2	26,8
Воронежская	24,5	29,9	-6,1	-6,7	19,7	24,7
Тамбовская	30,4	32,8	-12,7	-10,9	19,3	23,6
Территория ЦЧО	26,1	29,4	-6,7	-6,7	21,2	24,7
Киевская	23,9	26,1	-1,5	-2,0	23,3	24,9
Полтавская	30,6	33,6	-8,7	-9,2	23,4	26,5
Харьковская	28,6	32,5	-6,1	-6,3	23,2	27,6
Черниговская	13,0	15,2	0,4	-0,3	16,2	17,8

В таблице 3.5 уровень потребления рассчитан для двух периодов, для 1908-1911 и 1909-1913 годов; такой выбор временных промежутков объясняется спецификой наших источников. Потребление по губерниям в эти периоды было достаточно тесно связанным (коэффициент корреляции 0,85), то есть данные столбцов 5 и 6 подкрепляют друг друга. В то же время имеется возможность сравнить потребление во временной динамике; из этого сравнения видно, что потребление в большинстве губерний увеличилось. Это объясняется сочетанием урожайных и неурожайных лет: на 1908-1911 года выпало два неурожайных года, 1908 и 1911, а на 1909-1913 годы – один неурожайный год (1911); напротив, 1912 и 1913 года принесли очень богатые урожаи. Как мы видим, потребление сильно различалось даже на уровне четырех-пятилетних средних, у крестьян бывали тяжелые, голодные времена и времена относительно благополучные.

В этой связи становится очевидной полная непригодность бюджетных данных за отдельные годы для характеристики среднего потребления: действительно, какое значение могут иметь данные за один случайно выбранный год, если даже пятилетние средние отличались иногда на 30%? Если мы выделим в таблице 3.2 губернии, для которых есть данные за отдельные годы в промежутке между 1909 и 1913 годами и посчитаем корреляцию со средними за эти годы из таблицы 3.5 (столбец 6), то увидим, что коэффициент Пирсона равен 0,22 – то есть корреляция практически отсутствует (в отличие от корреляции между столбцами 5 и 6). Таким образом, бюджетное потребление в пищу, зафиксированное в отдельные годы, оказывается почти не связанным со средним потреблением в пищу и на фураж. Для того, чтобы бюджетные обследования были

репрезентативными, необходимо проводить их не один раз в 15 лет, а каждый год и в каждой губернии – так, как это делало позже ЦСУ СССР.

Переходя к анализу погубернских данных нужно отметить, что столичные губернии, Московская и Санкт-Петербургская стоят отдельно в таблице 3.5 в виду своего особого положения, здесь были сосредоточены наиболее зажиточные слои населения, поэтому уровень потребления, естественно, оказывается несколько выше среднего за счет огромного привоза продовольствия из провинций. Север, Северо-Запад и Белоруссия, как видно из таблицы, не могли обеспечить себя продовольствием и также нуждались в привозе, уровень потребления здесь был ниже среднего по стране. При этом дифференциация среди крестьян приводила к тому, что уровень потребления беднейших слоев был ниже черты голода (таблица 3.6).

Таблица 3.6 - Дифференциация в потреблении крестьян Вельского уезда Вологодской губернии (1905-1907 гг.)³²⁸

Площадь посева, дес. на двор	0-2	2-3	3-4	4-6	Свыше 6
потребление хлеба в пищу	12,2	13,0	12,9	15,0	17,2

Не мог обеспечить себя продовольствием и Центральный район, но потребление здесь было выше, чем в Белоруссии или на Северо-Западе, так как развитие промышленности и обмен промышленных товаров на хлеб позволяли увеличить привоз зерна. Области, которые не могут обеспечить себя продовольствием за счет местных ресурсов, по определению считаются перенаселенными, в этих областях Сжатия население ищет себе работу в ремесле или промышленности, чтобы получить продовольствие путем обмена - поэтому в этих районах дешевая рабочая сила и здесь (при наличии капиталов) развивается промышленность. Но даже при значительном развитии промышленности потребление в Центральном районе оставалось ниже среднего для страны уровня.

Для Калужской губернии, одной из самых бедных губерний Центрального района, мы имеем данные обследования, показывающие дифференциацию крестьянских хозяйств (см. таблицу 3.7). В промышленной Калужской губернии потребление хлеба в расчете на душу мало зависело от размера посева. Если не принимать во внимание самых богатых и самых бедных крестьян, то потребление в пищу остальных групп примерно составляло 15 пудов, при этом размеры посева более сильно сказывались на уровне смертности, чем на уровне питания. Огромную роль имели промысловые занятия крестьян, в основном, отходничество в Москву и другие города; среди отходников, ухивших на промыслы, смертность была значительно выше, чем у обычных селян. При среднем урожае от промыслов и другой работы в чужих хозяйствах калужские крестьяне получали в среднем 52% своих доходов.

При этом оставались большие резервы незанятого рабочего времени – в среднем 288 дней на двор, при 265 рабочих днях в году. По существу, один человек на двор оставался безработным – это было следствие аграрного перенаселения и невозможности найти работу в городах.³²⁹

Таблица 3.7 - Уровень питания, смертности и заболеваемости в зависимости от размера надела в Козельском уезде Калужской губернии (1896 г.)³³⁰

	Без посева	Величина посева в дес.					В среднем
		До 3	3-6	6-9	9-12	Св.12	
% хозяйств по уезду	5,6	27,4	39,0	17,5	6,0	4,3	
% рабочих дней, занятых на промыслы	56,1	24,1	19,1	18,6	17,4	13,1	19,1
Число рабочих дней на двор, оставшихся незанятыми	14	182	262	348	39	501	288
Душевое потребление хлеба и картофеля (пуд)	11,6	15,4	15,1	15,6	15,2	15,8	
Душевое потребление мяса и сала (пуд.)	0,9	1,1	1,3	1,3	1,5	1,6	
% умерших за год в группе		5,04	4,11	4,38	3,97	2,6	4,1
На 100 рабочих дней потеряно по болезни	58	15	14	13	12	7	13

Рязано-Тульский район был прежде цитаделью крепостничества, здесь существовали (и отчасти сохранились) огромные дворянские поместья. В то же время рост населения в районе снизил уровень душевого производства до 22 пудов; страдавшие от малоземелья крестьяне были вынуждены продавать зерно, чтобы оплатить аренду у помещика - в итоге масса зерна поступала на рынок, вывоз составлял около 7 пудов на душу населения. Крестьяне пытались восполнить нехватку зерна картофелем, но даже с учетом картофеля на потребление оставалось только 18 пудов.

К югу и юго-востоку от Рязани и Тулы процентная доля малоземельных крестьян, бывших крепостных, постепенно уменьшалась; соответственно, уменьшалось число поместий и доля вывозимого зерна – в Центрально-Черноземном районе эта доля составляла около четверти. Плотность населения здесь была меньше, чем в Рязано-Тульском районе, и душевое производство составляло 25-28 пудов; если бы не необходимость продавать зерно (которое потом вывозилось), этого было бы достаточно для нормальной жизни. Заметим при этом, что для территории будущей Центрально-Черноземной области цифры душевых сборов и потребления практически совпадают с цифрами для Центрально-Черноземного района.

Ожнее, в Малороссии, положение было лучше, душевое производство достигало 30 пудов, а вывоз был меньше, и потребление было от-

носительно высоким. Правда, и здесь потребление сильно зависело от величины надела, но, судя по материалам обследований даже безземельные в Харьковской губернии питались значительно лучше, чем вологодские «средняки» (см. таблицу 3.8).

Таблица 3.8 - Дифференциация в потреблении крестьян Старообельского уезда Харьковской губернии (1910 г.)³³¹

Площадь посева, дес. на двор	Безземельные	До 3	3-7,5	7,5-15	Свыше 15
потребление хлеба в пищу	13,6	13,9	17,9	17,6	20,2

Правда, в губерниях Малороссии положение было все же не одинаковым, здесь тоже существовал свой очаг Сжатия, перенаселенная и бедная Черниговская губерния, которая нуждалась во ввозе зерна.

На востоке, за Волгой, практически не существовало крепостного права, здесь жили свободные крестьяне, не испытывавшие недостатка в земле. Но природные условия и почвы были хуже, чем на Черноземье; в Предуралье засухи были частым явлением. Засуха и страшный неурожай 1911 года привели к тому, что потребление здесь снизилось, но в целом Предуралье было хлебным районом, вывозившим большое количество зерна. Что касается собственно Урала, то, как видно из таблицы, потребление в Пермской губернии было относительно высоким - ниже мы рассмотрим вопрос о состоянии крестьянского хозяйства на Урале (и в Центральном Черноземье) более подробно.

Таким образом, в среднем потребление хлеба и картофеля в России примерно соответствовало минимальной норме. «Сельское население России постоянно балансировало на грани недоедания, и достаточно было небольшого ухудшения, недорода, чтобы эта грань была перейдена», - отмечает Т. В. Привалова³³². Кроме того, сильное различие в уровне потребления между бедными центральными и богатыми окраинными губерниями; между зажиточными бывшими государственными крестьянами и бедняками, бывшими крепостными, приводило к тому, что при среднем потреблении, соответствующем минимальной норме, миллионы бедняков хронически голодали.

При всем том, наряду с нищим Центром в тогдашней России существовали настоящая края изобилия. Например, в Самарской губернии государственные крестьяне имели наделы в среднем 4,1 дес. на душу. В 1889 году в Новоузенском уезде, на юго-востоке этой губернии, половина крестьян жила в хозяйствах, имевших не менее 4 лошадей³³³. Другая богатая область, Степное Причерноморье, была знаменита не только своим благодатным климатом, но и тем, что после освобождения государственные крестьяне имели там огромные наделы – в среднем 5,8 десятины на душу³³⁴. По данным социологических обследований в

Херсонской губернии потреблялось в пищу в среднем 29 пудов хлеба на душу (1898 год). Высокий уровень жизни проявлялся в более низкой смертности, что вместе с притоком мигрантов обеспечивало быстрый рост населения. За 1861-1914 годы население Степного района возросло в 3,1 раза, а население Центра и Черноземья – только в 1,7 раза³³⁵.

3.2 Продовольственное положение на Черноземье и на Урале

Анализируя общую динамику посевов и урожаев на Черноземье, можно отметить, что в 1860-1914 годах процесс расширения пашни привел к тому, что были распаханы практически все удобные земли. Тамбовские историки-аграрии, досконально изучившие проблему, указывают, что «в течение XIX в. в губернии обнаружилось естественные пределы развития экономики, демографии и экологии традиционного общества. К началу XX в. в аграрных регионах России все явственнее проявлялись черты системного кризиса, особо проявившиеся в аграрном перенаселении, сокращении природных ресурсов для сельского хозяйства, истощении почвы, стагнации производства основных зерновых культур...»³³⁶ В четырех губерниях Черноземья – Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской – в 1850 году пашня занимала 61% всей территории, в 1887 году – 69%, в 1910 году – 71%³³⁷. Распашка привела к тому, что за 1887-1916 годы площадь кормовых угодий (лугов, сенокосов и выгонов) сократилась вдвое, до 8% общей площади³³⁸. Известный агроном С. Советов в своем отчете 1876 года писал: «Теперь здесь самая интенсивная в известном смысле культура, то есть нет ни клочка нераспаханного. Всюду и везде поля и поля со всевозможными красными и серыми хлебами»³³⁹. Об этом же свидетельствовал в 1902 году уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А.И. Шахназаров: «Еще 30 лет назад Курская губерния превратилась в одно сплошное поле. Все, что можно было распахать – распахано, леса сведены, уничтожены выгоны... Ввиду отсутствия естественных пастбищ... неизбежная пастьба скота по полям вдвое сокращает паровой период»³⁴⁰.

Некоторые свидетельства современников создают впечатление экологического кризиса, развивающегося в результате усиления антропогенного воздействия на природу. Комиссия, созданная Воронежским уездным комитетом о нуждах сельскохозяйственной промышленности докладывала в 1902 году: «В короткий пореформенный период местность уезда изменилась до неузнаваемости. Леса поределели и сократились в площади, реки обмелели или совершенно исчезли, летучие пески надвинулись на поля, сенокосы и другие угодья, поля пополнились в овраги и на месте когда-то удобных земель появились рытвины, вымоины, рвы, обвалы и даже зияющие пропасти»³⁴¹. «Природа мстит человеку за то, что он не бережно относится к главному даровому благу – естественному плодородию почв, - писал Н. П. Огановский. - Тогда учащают-

ся неурожаем и наступает аграрный кризис – голодовки, болезни, нищета. Такой кризис был во Франции в конце XVIII века, в Германии в 1840-х годах и у нас в центральных губерниях – пятьдесят лет спустя – в 1890-х годах»³⁴².

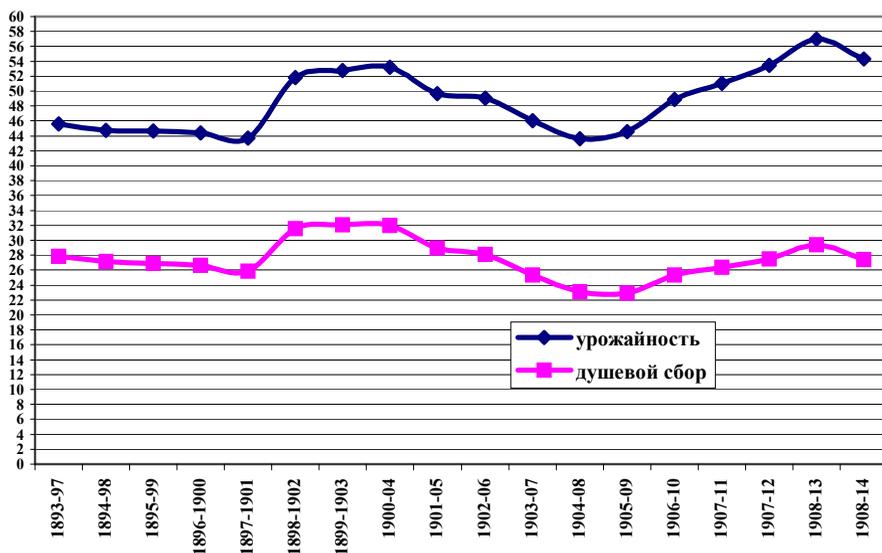

Рисунок 3.1 - 5-летние средние для чистых душевых сборов (пуд. на душу) и урожайности (пуд. на дес.) на территории ЦЧО³⁴³.

В основе аграрного кризиса лежал рост численности населения. С 1863 по 1897 год население на территории будущей ЦЧО возросло с 6,4 до 8,4 млн., то есть на 32%, средний годовой прирост составлял 8,2‰³⁴⁴. Население компенсировало этот рост увеличением пахотных земель за счет пастбищ, и к 1897 году распахки были близки к возможному максимуму. В 1890 году посевная площадь достигла 7,0 млн. дес., и более уже не росла, а даже сокращалась; в 1913 году она составляла 6,7 млн. дес.³⁴⁵ Это объясняется тем, что ввиду истощения земли крестьяне были вынуждены все большую ее часть отводить под пар³⁴⁶. Дальнейшее увеличение производства было возможно только за счет роста урожайности, которая очень сильно зависела от климатических колебаний. Неурожай 1891 года привел к катастрофическому голоду, который только в Воронежской губернии унес жизни 44 тыс. человек³⁴⁷. Но затем наступили благоприятные в погодном отношении годы, и урожайность стала расти (см. рисунок 3.1).

Положение с землеобеспеченностью в Центральном Черноземье в 1900 году можно охарактеризовать следующим образом. Всего на территории будущей ЦЧО имелось 16 млн. дес. удобной земли, из которых 62,7% приходилось на наделы крестьян, 4,6% составляли частные земли крестьян и 32,7% - частные земли помещиков (дворян и мешан)³⁴⁸. Однако частные земли крестьян (помимо того, что их было мало) обычно покупались в рассрочку через Крестьянский банк, и за них приходилось вносить ежегодные платежи, примерно равные арендной плате. Крестьяне уплачивали 25% цены сразу и затем платили по 6,5% в течение 55 лет. Поскольку купленная десятина раз в три года оставался под паром, то эта операция была равносильна ежегодной аренде десятины под посев за 9,75% ее стоимости. Как видно из таблицы 3.9, примерно такой и была цена аренды. Если же учесть необходимость накопить деньги или взять в долг для уплаты первого взноса, то в течение первых двадцати-тридцати лет покупка обойдется дороже аренды - и это естественно, так как в противном случае никто бы не арендовал землю. Разница между «купчими», арендованными и наделными землями заключалась, прежде всего, в уровне платы с этих земель. По расчетам А. М. Анфимова с арендованных земель крестьяне Черноземья должны были платить 42% валового урожая³⁴⁹, что при урожайности сам-5,8 составляло половину (51%) чистого сбора – примерно такими же были платежи и с купчих земель. С наделных же земель выкупные платежи были на порядок меньше арендной платы (см. таблицу 3.9)³⁵⁰, поэтому только наделные земли крестьяне Черноземья реально могли считать своими - в том смысле, что урожай с этих земель принадлежал им. Напротив, на Урале в условиях изобилия земли арендная плата была ничтожной (см. таблицу 3.9), поэтому с экономической точки зрения не было существенной разницы между наделными и арендованными землями – почти весь урожай с них принадлежал крестьянину.

Таблица 3.9 - Арендная плата и продажные цены на землю при покупке через Крестьянский банк³⁵¹.

Губерния	Цена 1 дес. 1896-1900 (руб.)	Арендная плата на год в 1901 г. (руб.)	Выкупные платежи крестьян с 1 дес. после 1886 г.	
			Бывших государственных	Бывших крепостных
Курская	131	14,5	1,56	2,00
Орловская	113	10,4	1,53	1,71
Тамбовская	95	13,3	1,37	1,73
Воронежская	91	10,3	1,23	1,77
Средняя по ЦЧР	107	12,2	1,42	1,80
Оренбургская	20	1,2	0,42	0,83
Пермская	31	0,8	0,60	0,50

Таким образом, при расчете потребления крестьян на Черноземье крестьянскими можно считать только надельные земли, а купчие земли можно условно полагать принадлежащими банку и (до окончания рас-срочки) сдаваемыми крестьянам в аренду. На Урале же, напротив, все земли можно считать крестьянскими. Кроме того, на Черноземье нужно учитывать разницу в качестве земель. Во время реформы 1861 года помещики оставили себе лучшие земли, и это было одной из причин, объ-яснявших, почему урожайность на частных землях была примерно на 20% выше, чем на крестьянских наделах³⁵².

Попытаемся рассчитать продовольственный баланс среднестатисти-ческого крестьянина, проживавшего на территории будущей Централь-но-Черноземной области. Напомним, что эти средние подсчитываются на основе данных для довоенных губерний пропорционально доле их населения, проживавшего в уездах, вошедших позднее в состав ЦЧО. На душу крестьянского населения на территории ЦЧО в 1900-1910 го-дах приходилось 1,25 дес. надельной земли, в том числе 0,53 дес. посе-ва. С надельных земель собирали в среднем на душу чистого сбора по 19,1 пудов зерна и 9,1 пуда картофеля - всего в пересчете на зерно 20,9 пуда (см. таблицу 3.10).

Таблица 3.10 - Чистый сбор зерновых и картофеля (в переводе на зерно 1:5) на надельных и частных землях в 1901-1910 гг. в губерниях Цен-трального Черноземья и Урала³⁵³

	Посев на надельных землях на душу, дес.	Чистый сбор зерна на ду-шу, пуд.	Чистый сбор на душу зерна и картофеля, пуд.	Чистый сбор зерна на частных землях на душу крест населения, пуд.	Оценка душевого потребления крестьян с учетом аренды, пуд.	Урожай-ность, с дес.
Курская	0,53	18,8	20,6	11,8	24,7	53
Орловская	0,50	12,4	15,0	11,3	19,1	45
Тамбовская	0,48	21,7	23,5	13,1	28,1	57
Воронежская	0,59	20,6	22,1	7,0	24,5	44
ЦЧО	0,53	19,1	20,9	10,5	24,6	50
Оренбургская	0,97	26,0	26,5	6,3	30,7	35
Пермская	0,60	25,3	25,7	2,2	27,3	56
Тобольская	0,80	25,3	25,5	0,3	25,7	45
УрО	0,70	25,4	25,8	2,4	27,5	51

Понятно, что среднестатистическому крестьянину не хватало уро-жая на надельных землях на пропитание, прокорм скота и уплату нало-гов. Правда, некоторую прибавку давала аренда земли у помещика. Посев на частных землях в раскладе на крестьянские души составлял 0,22 дес., а чистый сбор - 10,5 пуда зерна. Как отмечалось выше, при

аренде крестьяне получали половину чистого сбора, если же помещики использовали батраков, то крестьянам доставалось меньше – в пересчете на зерно порядка четверти урожая³⁵⁴. Как можно заключить из имеющихся данных³⁵⁵, в аренду сдавалась четверть частных земель, и поэтому крестьяне получали от аренды и работы по найму около трети урожая с частных полей. За счет этих работ душевой доход среднего крестьянина увеличивался примерно на 3,7 пуда и составлял 24,6 пуда. Но крестьянину надо платить налоги, которые (даже без мирских платежей) до отмены выкупных платежей в 1905 году в переводе на хлеб составляли около четырех пудов³⁵⁶. Если вычесть налоги, то осталось бы 20,4 пуда, меньше минимальной нормы в 22,6 пуда.

Таким образом, на уплату налогов средств не хватало и, чтобы заработать эти деньги, крестьянину нужно было заниматься промыслами. Но местные промыслы были неразвиты, и приходилось идти в отход – зарабатывать деньги на стройках и фабриках Центрально-Промышленного района или на шахтах Донбасса и в поместьях херсонщины. Как отмечалось выше, в 1890-х годах из Центрального Черноземья ежегодно уходило в отход 9,5% всего населения или примерно пятая часть(!) трудоспособного населения. Однако уйти в отход – еще не значит заработать достаточно денег, все зависит от того, удастся ли найти работу, а это удавалось не всем. Сальдо баланса доходов и расходов среднестатистического крестьянина Черноземья было подведено Министерством финансов: оно констатировало, что в 1890-х годах крестьянин не мог платить налоги в полном объеме. Недоимка по налогам постепенно росла, и к 1900 году среднестатистический крестьянин, проживавший на территории ЦЧО, задолжал казне полтора годовых оклада³⁵⁷.

Статистические средние, конечно, не могут дать полное представление о положении крестьян Центрального Черноземья. В реальности на Черноземье, как и во всей России, существовали две большие группы крестьян, резко различавшиеся по своему имущественному положению: бывшие крепостные и бывшие государственные крестьяне. Наделы крестьян первой группы были почти вдвое меньше наделов крестьян второй группы (см. таблицу 3.11). Бывшие государственные крестьяне могли прокормиться на своих полях, но бывшим крепостным приходилось заниматься отходничеством и перебиваться с воды на хлеб.

Имущественная дифференциация крестьян имела и географический контекст: как и в целом по России, на Черноземье крепостничество распространялось из Центра на окраины, поэтому в Орловской губернии бывших крепостных было 56%, а в Воронежской 27% (см. таблицу 3.11). Соответственно, в Орловской губернии крестьянских полей было меньше, чем в Воронежской, а частных – больше. Имелись и существенные природно-климатические различия, сказывающиеся на урожайности. В Орловской губернии, расположенной на границе лесов и сте-

пи, было меньше черноземных земель, чем в других губерниях. В Воронежской губернии земли были тучными, но климат был более засушливым, и здесь были нередкими большие неурожаи. Наиболее урожайной из четырех губерний была Тамбовская, где крестьяне (с учетом аренды) вполне обеспечивали себя хлебом. Самой бедной была Орловская губерния, где нужда в хлебе начинала заявлять о себе с февраля-марта. В одном из сельскохозяйственных обзоров говорится, что лишь немногие орловские крестьяне могут обойтись своим хлебом, а в некоторых уездах, например, в Трубчевском, «население из года в год питалось «неудобоваримой массой, все-таки именуемой хлебом, состоящей из мякины, жмыховых и небольшой примеси ржаной муки»³⁵⁸. Именно из Орловской губернии исходил самый мощный поток отходников, которые, будучи не в состоянии обеспечить себя пропитанием, направлялись на заработки, по большей части, в Москву³⁵⁹.

Таблица 3.11 - Процентное распределение дворов в зависимости от количества лошадей по данным военно-конских переписей³⁶⁰.

		Без- лошадных	1	2	3 и более
Воронежская	1899-1901	27,8	32,9	21,9	23,5
	1912	33,7	31,0	18,9	16,4
Курская	1899-1901	25,6	24,2	24,1	31,3
	1912	28,5	26,4	22,0	23,1
Орловская	1899-1901	29,0	30,6	24,0	22,9
	1912	32,0	28,6	21,8	17,5
Тамбовская	1899-1901	29,4	31,3	21,3	24,4
	1912	33,7	32,3	18,1	15,9
ЦЧО	1899-1901	27,8	29,8	22,7	25,7
	1912	32,0	29,7	20,0	18,2
Пермская	1899-1901	19,7	35,7	23,6	24,3
	1912	21,7	32,3	26,3	19,7
Оренбургская	1899-1901	13,4	23,1	17,7	47,4
	1912	22,9	13,8	20,6	42,7

Дореволюционные исследователи придерживались крайне пессимистического мнения об уровне потребления крестьян Центрального Черноземья. Н. Бржеский писал, что «молоко, коровье масло, творог, мясо, словом, все продукты, богатые белковым веществом, появляются на крестьянском столе в исключительных случаях: на свадьбах, при разговении, в престольные праздники. Хроническое недоедание – обычное явление в крестьянской семье»³⁶¹. Для характеристики положения в Воронежской губернии в распоряжении историка имеются данные обследования, проведенного в 1887-1896 гг.³⁶², но нужно учитывать, что эти сведения относятся в основном ко времени до голода

1892 года, после которого положение в деревне резко ухудшилось: это видно из того, что в период обследования доля безлошадных крестьян составляла только 18%, в то время как к 1899-1901 годам она поднялась до 28%, а к 1912 году – до 34%. В других губерниях Центрального Черноземья ситуация складывалась аналогичным образом (см. таблицу 3.11).

Таблица 3.12 - Уменьшение землеобеспеченности крестьян³⁶³

Губерния	Землеобеспеченность на двор (дес.)		Наделы в 1905 г. крестьян:		% бывших крепостных
	1877	1905	быв. крепостных	государственных	
Орловская	9,8	7,0	5,9	8,3	56
Тамбовская	11,5	7	5	8,3	42
Курская	9,5	7,3	4,8	9,3	43
Воронежская	12,7	9,6	5,6	11	27
Территория ЦЧО	11,1	7,9	5,3	9,5	40
Оренбургская	28,5	20,7	6,6	24,3	20
Пермская	14,1	15,8	9,1	18,6	23

Основная причина роста бедности заключалась в увеличении численности населения и уменьшении наделов крестьян (см. таблицу 3.12). Уменьшение надела было напрямую связано с увеличением числа безлошадных крестьян: при малых наделах становилось невыгодно содержать лошадь, которая может обработать надел гораздо большей площади. Однако крестьяне до последней возможности стремились сохранить лошадей, которые были символом хозяйственной независимости. В итоге, образовалось многочисленное излишнее поголовье. По подсчетам А. А. Иванова, в Тамбовской губернии для обработки крестьянской пашни было достаточно 250 тыс. лошадей вместо 600 тыс., имевшихся в наличии³⁶⁴. Эту массу лишних лошадей нужно было кормить, и при острой нехватке пастбищ их приходилось в более зажиточных хозяйствах кормить отчасти зерном, в то время как в бедных хозяйствах хлеба не доставало и людям. С другой стороны, крестьяне были вынуждены сокращать кормовой рацион скота, особенно в зимний период. По отзыву ветеринарной комиссии, обследовавшей состояние животноводства в Тамбовской губернии в 1913 году, в зимний период «содержание и кормление животных практикуется у крестьян такое, какое позволяет лишь не угаснуть в организме жизненными процессами»³⁶⁵. Такие голодные нормы кормления, конечно, сказывались на работоспособности лошадей, которая в очень большой степени зависит от коли-

чества кормов: по расчетам ветеринаров при тяжелой работе лошади требуется в 1,6 раза больше корма, чем при легкой работе³⁶⁶. В свете этих данных становится понятным, что норма кормления лошадей может быть сокращена с 25 до 15 пудов зерна на голову, как это было сделано в расчетах Статистико-экономического комитета. Однако неизбежным результатом недостатка кормов была крайне низкая работоспособность многочисленного лошадиного поголовья.

Сравнительно с крестьянами Черноземья уральские крестьяне не испытывали недостатка в земле. Как следует из таблицы 3.12 земельные наделы на Урале в среднем были в два-три раза больше, чем на Черноземье. При такой земельной обеспеченности достаточно было засеять лишь часть надела, время от времени меняя поля, – это была система, переходная от перелoga к правильному трехполью³⁶⁷. В среднем уральские крестьяне засевали примерно столько же, сколько крестьяне Черноземья – 0,77 дес. на душу, но это был посев на своей наделной земле, на частную землю приходилось лишь десятая часть крестьянского посева, в то время как на Черноземье – три десятых. В итоге, уральские крестьяне получали со своих наделов 25,8 пуда, а крестьяне Черноземья – 20,9 пуда, эти цифры практически совпадают с теми цифрами, которые дает баланс производства и перевозок хлебов за 1908-1911 годы (см. таблицу 3.5, для Урала – по Пермской губернии). Кроме того, крестьяне получали часть хлеба с частных полей, и получали какие-то деньги от отхожих промыслов, но с другой стороны, им приходилось платить налоги и покупать необходимые промышленные товары. Все эти факторы чрезвычайно трудно учесть, но в целом к подработкам прибегали лишь в силу необходимости – чтобы компенсировать недостаток дохода со своих наделов. И очевидно, что при норме потребления 22,6 пуда уральские крестьяне могли прокормиться со своих наделов, а для крестьян Черноземья это было проблематично: в силу статистического разброса половина из них не дотягивала до нормы потребления.

Кроме того, важнейшим следствием наличия у крестьян больших наделов было создание условий для развития животноводства. Крестьяне Черноземья практически не имели лугов: 85% надела занимала пашня. На Урале ситуация была совсем иной: здесь площадь лугов лишь немного уступала площади пашен. В итоге, на душу сельского населения на Урале приходилось в шесть раз больше лугов, в полтора раза больше лошадей и почти в два раза больше крупного рогатого скота, чем на Черноземье (см. таблицу 3.13).

Таблица 3.13 - Обеспеченность сельского населения лугами (1901-1910 гг.), скотом (1904г.) и размеры забоя скота (1901 г.)³⁶⁸

	Луга, дес. на душу	на 100 душ			На двор	
		Лошади рабочие	Крупный рогатый скот	Забой крупного рогатого скота (туш)	лошади рабочие	крупный рогатый скот
Курская	0,08	19	21	1,19	1,4	1,6
Орловская	0,12	23	19	2,76	1,7	1,4
Тамбовская	0,09	18	23	2,94	1,3	1,6
Воронежская	0,11	17	34	0,91	1,2	2,5
ЦЧО	0,10	19	25	2,47	1,4	1,8
Оренбургская	0,76	38	55	6,73	4,0	5,8
Пермская	0,53	25	38	5,24	1,6	2,4
Тобольская	0,74	41	68	16,09	2,5	4,2
УрО	0,61	30	47	7,83	2,1	3,3

При этом надо учесть, что в Воронежской и Курской губернии во-лы использовались на пахоте, поэтому численность животных в этих губерниях мало что говорит о производстве продуктов животноводства. О производстве мяса можно судить по размерам забоя скота - и оказывается, что на Урале уровень этого производства был в три раза выше, чем на Черноземье. Поскольку перевозки мяса в те времена были невелики, то отсюда вытекает, что и потребление мяса на Урале было в три раза выше.

Однако в развитии сельского хозяйства на Урале существовали большие порайонные различия. Помимо сельских областей существовал еще промышленный, «горнозаводский» Урал. История развития промышленности на Урале была непохожа на историю развития промышленности в других регионах, где на заводах концентрировалось излишнее сельское население, где безземельные крестьяне были вынуждены уходить в города в поисках заработка. Горная промышленность Урала создавалась государством, и в рабочие насильно определялись местные крестьяне, либо крепостных рабочих доставляли из Центральной России. По реформе 1861 года эти рабочие получили свободу, часть из них покинула заводы, а те, что остались, превратились в вольнонаемных рабочих, владеющих маленькими приусадебными хозяйствами. Заработная плата заводских рабочих в начале XX века составляла 50-60 коп. в день – примерно столько же, сколько оплата батрака в летний период³⁶⁹.

Горная промышленность концентрировалась преимущественно в двух уездах Пермской губернии, Екатеринбургском и Верхотурском (и в Златоустовском уезде Уфимской губернии). Заводы, как правило, были расположены не в городах, а в сельской местности, и население горнозаводских поселков формально учитывалось статистиками в численности сельского населения. Таким образом, получалось, что 45% сель-

ского населения Екатеринбургского и Верхотурского уездов вовсе не занимались сельским хозяйством, а во всей Пермской губернии эта цифра составляла 18%³⁷⁰. Заводские рабочие держали мало лошадей, поэтому в Екатеринбургском уезде доля безлошадных дворов составляла в 1912 г. 30,9%, в то время как по всей губернии- 21,7 %³⁷¹. Эти цифры существенно отличаются от соответствующих показателей для Черноземья, где треть дворов не имела лошадей (таблица 3.12).

В целом, в начале XX века земледелием занималось 70% населения Пермской губернии, горнозаводской промышленностью – 10,5%, фабричной и кустарной промышленностью – 6%, другими промыслами и профессиями – 9,5%³⁷².

Естественно, наличие большого числа крестьян-рабочих влияло на душевые показатели посева, поэтому средний посев составлял по горнозаводским уездам 2,2 дес. на двор, а по все Пермской губернии – 3,9 дес.³⁷³ Если же исключить из расчетов неземледельческое население, то размеры душевого посева крестьян Пермской губернии следовало бы увеличить примерно на 20%, заметно увеличилась бы и обеспеченность скотом.

За вычетом двух горнозаводских уездов остальная часть губернии имела сельскохозяйственную направленность. Однако и среди сельскохозяйственных уездов существовали существенные различия в уровне жизни. Относительно зажиточными были зауральские уезды, Шадринский и Ирбитский. В Ирбитском уезде на средний двор приходилось 2,8 лошади, 2,8 коровы и надел около 24 десятин, из них 9 десятин под пашей, 9 десятин луга и выгона и в придачу 6 дес. леса. Такой двор собирал около 300 пудов хлеба, а на душу приходилось 40 пудов чистого сбора³⁷⁴. В Шадинском уезде в 1900 году пятую часть дворов составляли зажиточные «фермерские» хозяйства, каждое из которых имело не менее 4 лошадей и 10 десятин посева; многие из них нанимали батраков³⁷⁵. Соликамский и Чердынский уезды Предуралья считались бедными по причине тяжелых почв и сурового климата. Более благоприятные условия были в Кунгурском уезде, здесь на среднее хозяйство приходилось 6,5 дес. пашни, 4,1 дес. луга, две коровы и полторы лошади - однако, по подсчетам земских статистиков, достаточно было бы и одной. Так же как на Черноземье, на Урале в мелких крестьянских хозяйствах лошади использовались нерационально, и их количество превосходило необходимое. В среднем на хозяйство в Пермской губернии в 1904 году приходилось 1,6 лошади³⁷⁶.

Пермская губерния составляла основную часть позднейшей Уральской области. Другие губернии, вошедшие в состав Уральской области, Оренбургская и Тобольская, имели ярко выраженный аграрный характер. Здесь было изобилие пашен и пастбищ, крестьяне вполне обеспечивали себя хлебом, а обширные луга позволяли содержать большое количество скота. В Тобольской губернии в среднем на двор в 6 душ

приходилось 5,5 дес. посева, 2,5 рабочих лошади и 2,8 дойных коровы³⁷⁷. Мяса здесь производили в шесть раз больше, чем на Черноземье (см. таблицу 3.13). На Оренбуржье помимо 750 тыс. крестьян (1901 г.) проживало 410 тыс. казаков; крестьяне имели наделы в среднем по 21 дес., а казаки – по 67 дес. на двор. Хозяйства оренбургских крестьян и казаков напоминали хозяйства американских фермеров. Крестьянские дворы были большими (в среднем 10 душ), и на двор в среднем приходилось 4 лошади и 5,3 коровы. Казацкие дворы были меньше (6 душ), на двор приходилось 3 лошади и 5 коров. Пахали обычно не сохами, а стальными плугами, некоторые хозяйства имели жатки – но, не смотря на это, казаки не могли самостоятельно обработать свои большие наделы и обычно нанимали отходников, пришедших из Поволжья³⁷⁸. Потребляя много мяса и будучи обеспечены сеном, крестьяне могли сократить потребление хлеба в пищу и на корм скоту, направив часть зерна на продажу. Оренбургская губерния была одним из главных поставщиков хлеба на российский рынок, примерно третья часть чистого сбора вывозилась в центральные районы России и на экспорт.

Однако климат в Зауралье и на Южном Урале был неустойчивым, и урожайные годы чередовались с засухами. В 1890-1891 году две страшные засухи нанесли хозяйству района тяжелый удар, и оренбургские крестьяне некоторое время не могли платить налоги, недоимка достигала 450% оклада. Однако к 1898 году положение улучшилось и (в отличие от ситуации на Черноземье) большая часть долгов была погашена³⁷⁹. 1911 году засуха снова вызвала катастрофический неурожай, когда крестьяне не собрали даже посеянного зерна. Этот неурожай не вызвал большого голода (как в 1921 году), поскольку у крестьян были значительные запасы, но отразился на среднем уровне потребления: хлебный баланс за 1909-1913 годы (см. таблицу 3.5) дает сравнительно низкие цифры потребления для Тобольской и Оренбургской губерний. В результате неурожая 1911 года душевое потребление зерна и картофеля получается несколько заниженным и в среднем по Уральской области – 24,2 пуда. На фоне небывалых урожаев на Черноземье, благодаря которым потребление возросло с 21,2 пуда в 1908-1911 годах до 24,7 пуда в 1909-1913 годах, эта цифра может создать неверное впечатление о том, что Урал уступал в потреблении Черноземью. В действительности более реально отражают ситуацию данные о Пермской губернии, которая меньше пострадала от катастрофы 1911 года, - остаток на потребление в этой губернии (учитывая фураж) составлял 27,4 пуда. По бюджетному обследованию 1900-1902 года в западной части Пермской губернии среднее потребление хлебов и картофеля (в пересчете на зерно) непосредственно в пищу составляло 20,7 пуда, а мяса – 1,1 пуда³⁸⁰, значительно больше, чем в центральных губерниях (см. таблицу 3.2) и в среднем по России.

Однако для Зауралья и южного Урала была весьма актуальной проблема истощения когда-то чрезвычайно плодородных черноземных почв. Однообразная зерновая культура при отсутствии удобрений быстро истощала землю; это заставляло крестьян расширять посевы, поднимая целину в наиболее удобных местах по берегам рек. В результате одно село имело землю иногда в двадцати местах, в «заимках», удаленных от села на десять и более километров. На «заимке» обычно была маленькая избушка, и в сезон работ пахарь перебирался туда на жительство вместе с рабочим скотом. Урожаи падали, а удобрять навозом поля было невозможно из-за большого расстояния от усадьбы. Эта проблема тяжело сказывалась, в частности, в Шадринском уезде, где ресурсы свободных земель подошли к концу, прежде зажиточные крестьяне беднели и не могли платить высокие налоги³⁸¹.

Одним из показателей уровня жизни считается заработная плата (таблица 3.14). В среднем реальная заработная плата на Урале была больше, чем на Черноземье на 32% при пересчете на рожь и на 57% при пересчете на мясо. Однако, как и в других случаях, имелись значительные внутрирайонные различия: в Пермской губернии уровень оплаты был даже ниже, чем на Черноземье. Это отчасти объяснялось худшими, по сравнению с Черноземьем, почвами (и, следовательно, меньшей выработкой батраков), но главным образом тем, что в период жатвы огромные помещичьи хозяйства Черноземья предъявляли большой спрос на рабочую силу, на короткое время повышая оплату. Однако остальную часть года крестьяне-батраки не имели работы, поэтому их заработки в период жатвы не вполне отражают их действительный уровень жизни. Что же касается Пермской губернии, то там не было крупных хозяйств, которые бы в больших количествах нанимали батраков – соответственно спрос на рабочую силу в сельскохозяйственный сезон был намного меньше.

Таблица 3.14 - Цены на продукты питания и поденная плата пешего работника на своих харчах в период жатвы в 1901-1910 гг.³⁸²

	Цены в коп. за пуд		поденная плата, коп.	реальная плата в кг	
	говядина	Рожь		Рожь	Мясо
Курская	376	70	76	17,7	3,3
Орловская	386	75	63	13,7	2,7
Тамбовская	369	72	69	15,6	3,0
Воронежская	330	67	81	19,7	4,0
ЦЧО	362	70	74	17,2	3,4
Оренбургская	263	57	83	23,7	5,1
Пермская	289	68	66	15,8	3,7
Тобольская	246	58	148	41,6	9,8
УрО	276	64	87	22,7	5,3

В конечном счете, разница в положении крестьян в Центральном Черноземье и на Урале объяснялась перенаселенностью центральной России. В демографически-структурной теории классическим примером перенаселенной страны считается Китай, а страны, свободной от перенаселения – США. Характеризуя разницу между земельными отношениями в центральных областях России и на окраинах, А. В. Чаянов писал: «В наших аграрно перенаселенных районах мы имеем некоторое подобие *китайского* земельного режима – семейные формы хозяйства, дешевый труд, взвинченные цены на землю, пышный расцвет кабальных отношений... Обратного этому, в экстенсивных недонаселенных районах юга, юго-востока и востока мы имеем быструю эволюцию в сторону *американской* формы хозяйства... нарастание элементов фермерского типа...»³⁸³

3.3 Проблема аграрного перенаселения

Как отмечалось выше, об ухудшении положения крестьян свидетельствовал также рост недоимок, которые к 1900 году достигли полутора годовых окладов. Чрезвычайно важно, что рост недоимок свидетельствовал об отсутствии запасов в крестьянских хозяйствах: это делало их экономически неустойчивыми. Такое положение в случае неурожая было чревато голодом. «При полном отсутствии сбережений каждый неурожай вызывает голод и необходимость для спасения населения в продовольственной помощи со стороны правительства», - писал Б. Бруцкус о положении на Черноземье³⁸⁴.

В конце 1890-х годов огромный рост недоимок в Центрально-Черноземном районе (и в соседних губерниях) побудил правительство обратить внимание на положение крестьян в этом регионе. В конце 1890-х годов проблема «оскудения Центра» была признана официально, она стала объектом рассмотрения специально созданных совещаний: «Особого совещания» под председательством А. И. Звегинцева, «Комиссии 1901 года», «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности»³⁸⁵. «Комиссия 1901 года» проделала огромную работу по сбору и обработке статистических сведений, результатом которой стал известный статистический сборник, служащий ценным источником для характеристики социально-экономического развития России³⁸⁶. *Выводы комиссии сводились к тому, что главной причиной «оскудения» является перенаселение.* Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн., а процент излишних рабочих к наличному числу их составлял 53%. Особенно высоким этот про-

цент был в Центральном Черноземье, где он составлял от 64 до 67% (таблица 3.15)³⁸⁷.

Таблица 3.15 - Процент излишней рабочей силы в сельском хозяйстве и хозяйстве в целом по расчетам «Комиссии 1901 года»³⁸⁸

	в сельском хозяйстве	в целом
Воронежская	81	69
Орловская	79	68
Тамбовская	79	69
Курская	74	65
Территория ЦЧО	78	68

Эти впечатляющие цифры были признаны многими специалистами-историками. С. М. Дубровский и П. А. Хромов, повторяя цифры «Комиссии 1901 года», писали о том, что половина трудоспособного населения деревни относилась к числу «лишних людей»³⁸⁹. А. М. Анфимов подчеркивал, что в центральных районах существовало «колоссальное аграрное перенаселение»³⁹⁰. Некоторые специалисты, однако, признавая большие масштабы перенаселения, на основании своих подсчетов выводили процент излишней рабочей силы меньший, чем «Комиссия 1901 года». Так, Л. И. Лубны-Герцык полагал, что на Черноземье не использовалось 28% рабочего времени сельского населения³⁹¹. А. В. Островский уменьшал цифру «излишнего населения» для Европейской России и черноземной полосы до 27-35%³⁹².

Комиссия 1901 года рассчитывала количество потребной для сельского хозяйства рабочей силы, исходя из размеров посевных площадей. При этом считалось, что в сезон жатвы, когда требуется максимальное число рабочих, один работник может убрать хлеба с 6,8 десятины (но учитывались также потери рабочего времени на дорогу к полю и т. п.). Однако П. Г. Рындзюнский подверг сомнению саму методику определения «излишнего населения», исходя из производственных возможностей крестьянского хозяйства. Исследователь предложил исходить не из производственных возможностей, а из земельной обеспеченности крестьян. П. Г. Рындзюнский полагал, что надел, достаточный для удовлетворительного существования семьи, был равен 15 десятинам, умножал эту величину на количество дворов и получал необходимое количество земли; сопоставляя эту величину с реально имеющимся количеством, можно найти «степень удовлетворенности» крестьян землей. При таком подходе оказывается, что степень удовлетворенности землей крестьян Европейской России была равна 83% – «излишними» были только 17% дворов. В целом перенаселение было как будто невелико, однако существовали огромные порайонные различия: в то время как в Северо-Западном и Степном районах обеспеченность была значи-

тельно выше 15-десятичной нормы, на Черноземье существовал огромный очаг аграрного перенаселения. Степень земельной удовлетворенности крестьян четырех черноземных губерний была равна 60%, то есть 40% крестьян этого региона были «лишними»³⁹³.

Таблица 3.16 - Земельная обеспеченность (в %) крестьянских хозяйств при норме в 15 и 9 десятин на двор³⁹⁴.

	при 15 дес. на двор	при 9 дес. на двор
Воронежская	71	118
Орловская	56	93
Тамбовская	53	89
Курская	56	94
ЦЧО	60	100
Пермская	108	181
Оренбургская	277	461

Наконец, относительно недавно (в 2001 году) В. Г. Тюкавкин попытался пересмотреть вопрос об аграрном перенаселении, утверждая, что нормой крестьянского надела для Европейской России нужно считать не 15, а 9 десятин. При этом В. Г. Тюкавкин опирается на произведенные в конце 1870-х годов расчеты Ю. Янсона, полагавшего, что минимальный пашенный надел не может быть меньше 8,5 дес. (5,6 дес. посева). В. Г. Тюкавкин отмечает, что с урожайность к началу XX в. увеличилась, поэтому за минимальную норму можно принять 4,2 дес. посева, а с паром и пастбищем надел должен составлять 9 дес.³⁹⁵

Нужно отметить, однако, что, как указывает Ю. Янсон, «при таком наделе почти не может быть, за покрытием потребности в кормовых средствах, никаких избытков на необходимые расходы на покупку соли, дегтя, на ремонт одежды... не остается ничего, тем более на уплату податей»³⁹⁶. Кроме того, корректируя вычисления Ю. Янсона с учетом увеличения урожайности, В. Г. Тюкавкин не учитывает того обстоятельства, что истощение почвы заставляло крестьян увеличивать пары: в 1881 году в Центральном Черноземье засевалось 66,7% пахотных земель, а в 1900 году – только 56,5%³⁹⁷. Таким образом, 9-десятичная норма В. Г. Тюкавкина представляется нам существенно заниженной. Но все же, если мы подсчитаем обеспеченность крестьян землей при норме в 9 дес., то по территории ЦЧО получается, что крестьяне как будто обеспечены на 100% (см. таблицу 3.16). Однако необходимо еще учесть разброс в величине крестьянских наделов, - а он, как отмечалось выше, был очень значительным. Даже в погубернских данных этот разброс приводит к тому, что воронежские крестьяне обеспечены землей на 118%, а тамбовские – только на 89%. «Главная же беда великорусской деревни Центра, – отмечает В. Г. Тюкавкин, – была в неравномерном распределении земли... По данным ВЭО, только в результате не-

равномерного распределения наделных земель сборы хлеба с них не обесценивали в черноземной полосе 64,3% проживающих там крестьян»³⁹⁸. Таким образом, В. Г. Тюкавкин акцентирует роль имущественного расслоения крестьянства, что соответствует требованиям демографически-структурной теории. О том, какое значение имел фактор имущественного расслоения, говорит то обстоятельство, что 1917-1919 годы характеризовались не только разделом помещичьих земель, но всеобщим переделом наделных земель «по душам».

В подходе П. Г. Рындзюнского и В. Г. Тюкавкина имеется слабое место: привязка к величине крестьянского надела. В действительности, Ю. Янсон и другие экономисты рассчитывали величину надела, исходя из нормы потребления зерна на крестьянскую семью. По Ю. Янсону, семья из шести человек при двух лошадях должна была иметь (включая фураж) 13,6 четверти озимого и 9,3 четверти ярового хлеба, то есть около 27 пудов на душу, если же лошадь была одна, то норма снижалась до 24 пудов³⁹⁹. Поскольку норма надела получается исходя из нормы потребления, то *было бы естественным рассчитывать степень перенаселенности не через земельную, а непосредственно через продовольственную обеспеченность*. Это позволило бы, к тому же, учесть побочные доходы крестьян – в частности, от аренды. Как отмечалось выше, крестьянские наделы в Центральном Черноземье давали около 1900 года в среднем 20,9 пуда на душу, с учетом частновладельческих земель и аренды крестьяне имели примерно 24,6 пуда, а за вычетом налогов – 20,4 пуда. Таким образом, средняя продовольственная обеспеченность (по отношению к норме Янсона в 24 пуда) составляла 85%.

Однако в праве ли мы, следуя по пути П. Г. Рындзюнского и В. Г. Тюкавкина, заменять понятие аграрного перенаселения понятием продовольственной обеспеченности? В реальности такой подход маскирует картину аграрного перенаселения. По подсчетам «Комиссии 1901 года» средняя крестьянская семья могла обработать надел в 45 десятин; если же эта семья будет хозяйствовать только на обеспечивающих ее пропитание 9 десятинах, то 80% ее производственных возможностей будет потеряно, при объединении 10 таких семей в кооператив 8 семей лишатся работы, окажутся излишними. 80% излишних работников – это и есть, в данном примере, аграрное перенаселение, которое скрывается относительно сносно продовольственной обеспеченностью.

В. П. Воронцов в 1907 году ярко описал стоявшую перед Россией проблему скрытого перенаселения. По его расчетам, в России засевалось 77 млн. га, а один работник мог справиться с посевом в 7 га, то есть для обработки земли, во всяком случае, было достаточно 12 млн. работников. Плюс к тому в торгово-промышленной деятельности принимали участие 5 млн., в «службе» 2 млн., всего 19 млн. работников. 5 млн. работников (21%) оставались лишними. «Общество, где 1/5 насе-

ления не имеют работы и средств к жизни, - пророчески констатирует В. П. Воронцов, - обречено на разрушение»⁴⁰⁰.

И далее В. П. Воронцов предрекает, что произойдет после грядущей аграрной революции: «Если же допустить, что 5 млн., которые, согласно нашим расчетам, не нужны ни для какого занятия, получают возможность устроиться на земле (а это предположение недалеко от истины), то площадь, для обработки которой достаточно 12 млн. мужчин, распределится теперь между 17 млн. и рабочий участок сократится на 30%. Это означает, что в течение целого сезона земледелец будет иметь занятие менее чем на $\frac{3}{4}$ последнего, а от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ части его рабочей силы останутся без употребления и не принесут доходов... Абсолютная безработица населения исчезла, но ограниченная безработица распространилась на всех земледельцев. Опасность общественных потрясений устранена, но половина населения обеднела. Массовая пролетаризация населения устранена его массовой пауперизацией»⁴⁰¹.

Экономический прогноз В. П. Воронцова является примером эффективного применения мальтузианской теории. Мальтузианские предсказания грядущего кризиса можно найти и в работах других известных экономистов. «Россия стремится по наклонной плоскости к ужасному экономическому кризису», - писал в 1910 году Г. Ф. Нефедов⁴⁰². «Малоземелье развивалось... органически вследствие естественного прироста, - отмечал в 1914 году Н. П. Огановский, - которому, за небольшой емкостью городов и промыслов, некуда было податься... Малоземелье росло, ширилось, росло оскудение, накоплялось всеобщее недовольство, и когда правительство, спохватившись, стало расширять эти выходы - было уже поздно...»⁴⁰³

Таким образом, многие экономисты прямо указывали на угрозу социального взрыва вследствие нарастающего аграрного перенаселения. Напряжение, существовавшее в деревне, находило свое выражение и в обыденном сознании крестьян, проявляясь иногда в суждениях наподобие: «Хоть бы война – народу поубавилось бы...»⁴⁰⁴. После восстания 1902 года угроза социального взрыва ощущалась и правительством, еще ранее создавшим для обсуждения аграрной проблемы несколько официальных комиссий. Однако обсуждение в комиссиях затянулось, и вопрос о принятии необходимых мер не был решен до начала революции 1905 года.

«Историческая трагичность ситуации конца XIX – начала XX века, - отмечает В. В. Канищев, - заключалась в том, что российское государство и общество оказалось не в состоянии не только преодолеть, но и вообще сколько-нибудь существенно воздействовать на демографические и экологические проблемы, стискивавшие развитие экономики.

Государство даже не ставило вопрос о регулировании рождаемости. Переселенческая политика оказалась явно недостаточной для ко-

ренного решения проблемы перенаселения в аграрных регионах... Таким образом, явно недостаточные возможности и усилия государства, местного самоуправления, различных слоев общества по предотвращению кризисного развития демографических и экологических процессов в аграрных регионах... в начале XX века привели к тому, что в последующие десятилетия эти процессы стали развиваться во многом стихийно и даже катастрофически»⁴⁰⁵.

3.4 Последствия революции 1905 года. Столыпинские реформы

В 1900-1904 годах урожаи на Черноземье были хорошими, и средняя урожайность составляла 53 пуда с десятины, но затем, в 1905 году погодные условия ухудшились, и урожайность упала до 34 пудов с десятины; чистый душевой сбор составил 25 пудов. Если бы часть этого зерна не вывозилась из региона, то неурожай не вызвал бы продовольственных затруднений. Однако, как мы знаем, вывоз составлял 6-7 пудов на душу (см. таблицу 3.5) и оставшихся 18-19 пудов не могло хватить на пропитание и прокорм скота. Многих крестьян ожидал голод, и они решились на бунт, который, в большинстве случаев, свелся к разгрому помещичьих экономий и разборке хранившегося в них и предназначенного для вывоза хлеба.

Восстание охватило, в основном, Черноземье и Поволжье. По данным МВД, в октябре-декабре 1905 года было разгромлено в общей сложности около 2 тыс. помещичьих имений (1/15 всего их числа), размеры убытков помещиков составили 29 млн. руб. В Курской губернии потери помещиков оценивались в 3,1 млн. руб., в Тамбовской – 2,5 млн. руб.⁴⁰⁶ Генерал Сахаров, командовавший карательными войсками в Саратовской губернии, отмечал, что «побудительной целью движения служит желание захватить хлеб в амбарах, так как губернию постиг в нынешнем году страшный голод», что восстание бушевало в малоземельных уездах, и почти не затронуло многоземельные районы⁴⁰⁷. «В большинстве случаев крестьяне объясняли свое участие в движении тем, что они хотели есть, – писал С. Н. Прокопович. – Часто они ограничивались одним увозом хлеба и сена. Осенью 1905 года, когда начался голод в неурожайных местах, а помощи ни откуда не было, крестьяне решили спастись от голодной смерти “общим согласием”. Во многих местах разобраны или дележки помещичьих экономий была совершена по приговорам сельских обществ»⁴⁰⁸.

Первым и непосредственным результатом крестьянских восстаний была отмена выкупных платежей. В конце XIX века крестьяне Европейской России платили с десятины в среднем 72 коп. выкупных платежей, 5 коп. поземельного налога и 58 коп. земских и мирских сборов⁴⁰⁹. Отмена выкупных платежей на практике означала почти полное снятие с крестьян государственных прямых налогов; более 9/10 крестьянских пода-

тей теперь шли органам местного самоуправления, земствам и «миру». Если в 1901 году в среднем по России крестьяне платили всех (государственных, земских и мирских) прямых налогов и пошлин в пересчете на хлеб 3,9 пуда с души, то в 1912 году – 2,5 пуда с души (см. рис. 3.2).

По данным бюджетных обследований в Воронежской и Калужской губерниях подати всех видов отнимали 8-12% чистого крестьянского дохода; стало быть, снятие платежей составляло в среднем около 5% дохода. Однако бывшие помещичьи крестьяне Черноземья платили не 72 коп., а 1 руб. 80 коп. с десятины⁴¹⁰, и для этой категории крестьян отмена выкупа означала прибавку 10-15% дохода. Как отмечалось выше, неспособность крестьян платить выкупные платежи была одним из главных признаков «оскудения» Центра; теперь государство почти не требовало с крестьян денег – если не принимать во внимание косвенные налоги. Таким образом, налоги на крестьян несколько снизились, и потребление должно было увеличиться в среднем на 1,8 пуда, – а для бывших помещичьих крестьян существенно больше.

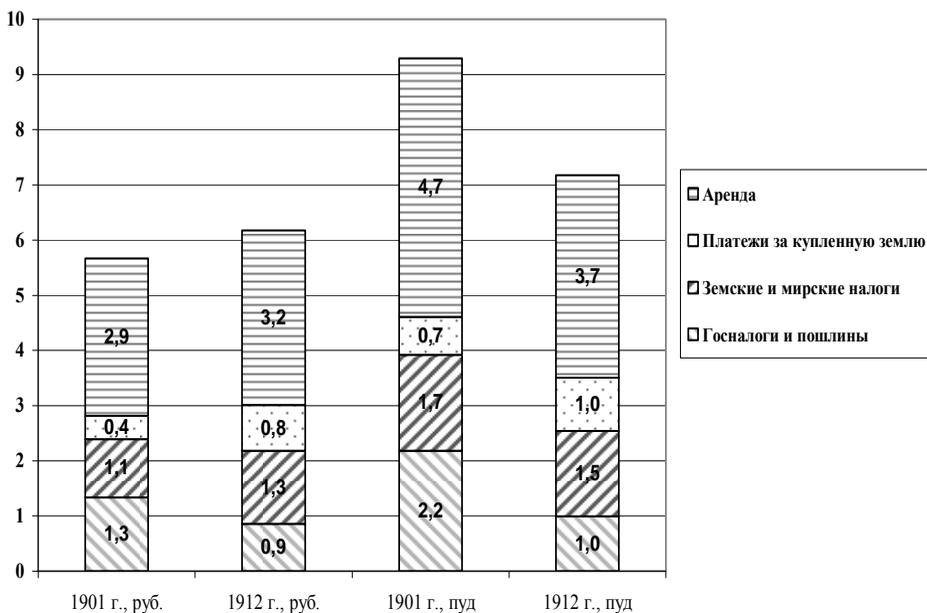

Рисунок 3.2 - Платежи крестьян Европейской России в расчете на душу населения в рублях и в пересчете на пуды ржи⁴¹¹.

Если рассматривать всю совокупность крестьянских платежей, то, как видно из рисунка 3.2, номинально душевые платежи крестьян с 1901 по 1912 немного возросли, но фактически (в переводе на рожь)

существенно уменьшились – очевидно, этот результат следует рассматривать в контексте революции 1905 года. Крестьянские восстания вызвали не только уменьшение государственных налогов, но и задержали повышение арендной платы, вследствие чего ее реальный размер уменьшился под действием роста цен. Нужно обратить внимание также и на то обстоятельство, что основную часть крестьянских платежей составляли платежи помещикам и банкам – доля этих платежей увеличилась в 1901-1912 годах с 58 до 65%. Таким образом, в роли главных эксплуататоров крестьянства выступали высшие классы, а роль государства в этом смысле была достаточно скромной.

Следующим, после отмены выкупных платежей, шагом на пути решения аграрной проблемы стала реформа П. А. Столыпина. Царский указ, изданный 9 ноября 1906 года, предоставлял каждому владельцу общинного надела право выйти из общины, потребовав укрепления надела в личную собственность с выделением земли «к одному месту», на «отруба» или хутора. При этом имелось в виду, что бедные крестьяне, получив землю в частную собственность, будут вынуждены вскоре продать ее крепким хозяевам, у которых найдутся средства, чтобы повысить урожайность посредством применения современной агротехники. Что же касается разорившихся крестьян, то их наплыв в города еще более удешевит рабочую силу и создаст выгодные условия для развития промышленности, для постепенной индустриализации страны.

Реформа Столыпина противопоставляла социалистической программе передела земли программу агротехнической модернизации по европейскому, и, в частности, немецкому образцу⁴¹². Это был так называемый «пруссский путь развития капитализма»: в Пруссии после освобождения крестьян в ходе так называемого «регулирования» было произведено укрупнение крепких крестьянских хозяйств за счет сгона с земли крестьян-бедняков⁴¹³. Чересполосица, крупные размеры поселений, удаленность полей, принудительный севооборот в общинах (а в России также и переделы) препятствовали применению удобрений и переходу на улучшенные схемы многопольного севооборота. После «регулирования» в Пруссии появились относительно крупные и компактные хозяйства «гроссбуаэров». Известный агроном Вильям Лебе так описывает значение проведенной реформы: «Результаты операции и раздела земель были: переход от трехполья к улучшенной многопольной системе и к плодосмену, введение и всеобщее распространение травосеяния, вообще усиление возделывания кормовых растений, осушение полей, увеличение количества навоза, улучшение скотоводства, повышение производительности хозяйства. Много дворов выселилось на вновь отмежеванные участки, чем достигается большое облегчение сельскохозяйственных работ, уменьшение количества межей, возможность содержать меньше рабочего скота, расширение продук-

тивного скотоводства и экономия рабочего времени...»⁴¹⁴. Урожайность в Германии в начале XIX века была примерно той же, что и в России в начале XX века – 45-50 пудов с десятины; это было все, что могли давать истощенные почвы. К 1870–м годам урожай немецких полей увеличился вдвое, до 90 пудов с десятины. Следующим шагом было применение рядовых сеялок и сортовых семян, а затем – использование минеральных удобрений, эти нововведения к 1910 году увеличили урожайность до 140 пудов с десятины⁴¹⁵.

В соответствии с немецким образцом реформаторы первоначально делали основную ставку на создание хуторских хозяйств – однако община, как правило, враждебно воспринимала попытки своих членов выделиться на хутора. Поэтому в качестве паллиатива было предложено проведение группового землеустройства с выделением компактных наделов и одновременным укреплением их в личную собственность; при этом община могла сохраняться (закон от 29 мая 1911 года).

Реформа, несомненно, должна была способствовать более тщательной обработке земли и увеличению урожайности. По оценке Н.П.Огановского на хуторах можно было ждать повышения урожайности на 25% примерно через пять лет⁴¹⁶. Но эффект мог быть не столь велик, как ожидалось: исследования Н. И. Вавилова показали, что применение в России западноевропейской агротехники не дает такого прироста урожайности, как на Западе, в силу неблагоприятных климатических условий⁴¹⁷. Это подтверждается, в частности, сведениями В.А. Лабужева, которые показывают, что хуторские хозяйства Южного Урала не имели существенных агрономических преимуществ перед хозяйствами крестьян-общинников и точно так же страдали от частых в этом регионе засух⁴¹⁸. Кроме того, при экономических расчетах часто не учитывались затраты хуторян на перенос построек и обустройство на новых местах; эти затраты существенно затрудняли и замедляли процесс аграрных преобразований⁴¹⁹.

Что касается краткосрочных эффектов реформы, то наиболее существенным было то обстоятельство, что реформа позволила многим крестьянам, постоянно занимавшимся отходничеством, продать свою землю и переселиться в город. Это способствовало уменьшению аграрного перенаселения и сокращению числа безлошадных хозяйств, но в то же время увеличивало безработицу в городах.

Реформа подразумевала внедрение не только новой агротехники, но и новых сельскохозяйственных машин. Однако распространение усовершенствованных орудий труда воспринималось крестьянами далеко неоднозначно. Появление в крупных хозяйствах жаток, сенокосилок, молотилок лишало батраков работы и не ослабляло, а усугубляло аграрное переселение. Еще перед революцией 1905 года распространение новых машин на Степном Юге вызвало сокращение отхода батра-

ков из Центрального Черноземья. Во время революции крестьяне многих уездов ополчились против новых машин и с ожесточением крушили помещичий инвентарь, а батраки во время сельских стачек требовали убрать из поместий машины⁴²⁰.

Важным направлением реформы, непосредственно направленным на борьбу с аграрным перенаселением, должно было стать переселение малоимущих бедняков в азиатскую Россию. Однако, как отмечал Л.Н.Литошенко, вскоре выяснилась невозможность разрешить аграрный вопрос путем внутренней колонизации⁴²¹. Пригодной для переселения была лишь узкая полоса территории в Южной Сибири, и запас земель здесь быстро оказался исчерпанным. Сибирь могла принимать не более 200 тысяч переселенцев в год, а ежегодный прирост населения в Европейской России составлял более 1,5 млн. душ. «Правительство осознало это, и с 1911 года переселенческое движение сократилось», - констатирует Л. Н. Литошенко⁴²².

В итоге, за 1906-1913 годы из деревень Европейской России выбыло 4138 тыс. крестьян, продавших землю и ушедших в города; еще 2566 тыс. переселились за Урал; в сумме выбытие составило 6704 тыс. человек⁴²³. Однако в результате демографического взрыва естественный прирост за этот период составил 14127 тыс. человек, вследствие чего деревенское население возросло на 7489 тыс. человек, или на 7,3%, и, несмотря на все старания, проблема аграрного перенаселения еще более обострилась⁴²⁴. Как отмечалось выше, «Комиссия 1901 года» определяла численность излишних рабочих в 23 млн., что составляло 53% всей рабочей силы; по расчетам А. М. Анфимова, произведенным по той же методике, в 1913 году имелось 32 млн. «лишних» рабочих, что составляло 56% всей рабочей силы⁴²⁵.

Однако на Черноземье мероприятия правительства принесли сравнительно больший эффект, нежели в других регионах. Для Тамбовской губернии, как показал А. А. Иванов, в 1912 году доля излишних работников осталась той же, что и 12 лет назад, и ситуация, во всяком случае, не ухудшилась. В 1905-1912 годах количество крестьянских дворов в Тамбовской губернии возросло на 13%, а надел земли на двор уменьшился с 7 до 6,6 дес., но это уменьшение было компенсировано увеличением урожайности. Однако по-прежнему сохранялась большая разница в земельном обеспечении бывших помещичьих и бывших государственных крестьян. В Липецком уезде бывшие государственные крестьяне имели 7,5 дес. земли, а бывшие помещичьи - только 4,0 дес. на двор; в Усманском уезде - соответственно 8, 0 и 4,6 десятины⁴²⁶.

Некоторое представление о динамике перенаселения дает также изменение арендной платы; средняя арендная плата на Черноземье составляла в 1901 году 42% процента от урожая, а в 1912-1914 годах - 41%. Что касается заработной платы батраков, то в 1906-1910 годах она

уменьшилась, а в 1910-1913 годах вернулась к уровню 1901-1905 годов. Таким образом, в отношении арендной платы и заработной платы ситуация практически не изменилась, однако, само по себе то обстоятельство, что удалось нейтрализовать негативное влияние роста населения, было некоторым успехом⁴²⁷.

Увеличилась ли продуктивность сельского хозяйства? В 1910-1914 годах по сравнению с 1901-1905 годами валовой сбор зерновых по Европейской России увеличился на 12,2%, урожайность возросла на 6,5%. В четырех губерниях Центрального Черноземья валовой сбор и урожайность увеличились на 9,6%⁴²⁸. Как отмечает И. Д. Ковальченко, такое увеличение нельзя признать значительным, в особенности, учитывая огромный рост населения⁴²⁹. Средний чистый душевой сбор на Черноземье в 1900-1904 годах составлял 32 пуда, в 1910-1914 гг. – 27, 4 пуда. Правда, по сравнению с неурожайными 1905-1909 годами тренд поднялся, но в новой фазе подъема значения душевого производства были ниже, чем в предыдущей (см. рисунок 3.1).

Как отмечалось выше, колебания тренда носили циклический характер, в значительной мере они определялись климатическими факторами, чередованием периодов высоких и низких урожаев. В данном случае большое значение имели чрезвычайно высокие урожаи 1912 и 1913 годов. Некоторую роль играла также экономическая конъюнктура, колебания мировых цен на зерно. В 1905-1912 годах цены на хлеб в Германии повысились на 29%, что вызвало повышение экспортных цен; стоимость пшеницы в русских вывозных портах уже в 1905-1908 годах увеличилась на 32%. Это обеспечило рост прибыли российских производителей, которые теперь могли вкладывать больше средств для увеличения производства⁴³⁰. Был ли связан рост с выделом хуторов и приватизацией земли?

Таблица 3.17 - Рост производства, процент выхода из общины и землеустройства по семи губерниям⁴³¹

	Рост производства в 1901-05 – 1910-14 гг. (%)	Процент вышедших из общины	Процент земли у вышедших	Процент землеустроенной земли
Курская	13,3	43,8	28	0,14
Орловская	3,6	39	26,4	0,11
Тульская	2,0	21,6	14,5	0,33
Рязанская	9,7	17	9,4	0,12
Воронежская	15,8	20,1	12,7	0,19
Пензенская	10,7	25,2	15,7	0,30
Тамбовская	2,2	24	14	0,20
Корреляция с ростом производства		0,03	0,00	-0,23

Как видно из таблицы 3.17 корреляция между ростом производства и такими параметрами как процент выхода из общины или процент землеустроенных земель отсутствует; следовательно, мы не можем приписывать рост производства столыпинской реформе. По-видимому, связь между «обуржуазиванием» земельных отношений и интенсификацией сельского хозяйства была не столь простой, как казалось. Л.И.Бородкин и И. Д. Ковальченко отмечали, что, Степной район, характеризовавшийся самым глубоким обуржуазиванием крестьянства, характеризовался также и самой низкой интенсивностью сельскохозяйственного производства⁴³².

Что касается Урала, то здесь не было основного стимула к проведению реформ, аграрного перенаселения, поэтому реформы проводилась намного менее активно. Вплоть до 1911 года землеустроительные комиссии бездействовали из-за отсутствия средств, и к 1914 году было землеустроено не более 6 % крестьянских хозяйств. За все время проведения реформ вышли из общины только 4,2% всех дворов⁴³³.

Большинство исследователей полагают, что к 1914 году результаты реформы еще не успели сказаться; для улучшения хозяйства требовалось время, «двадцать лет покоя», как говорил Столыпин. Решающим условием повышения продуктивности до европейского уровня было резкое увеличение капиталовложений. Между тем, в 1913 году капиталовложения в расчете на 1 десятину пашни в России были в 3,6 раза меньше, чем в Германии (урожайность была меньше в 2,4 раза). Естественно, что это отставание было невозможно преодолеть за пять или десять лет⁴³⁴. «Практически, столыпинская реформа не могла решить поставленных задач, потому что было уже *поздно*», - подчеркивает В. П. Данилов⁴³⁵.

О том, что столыпинская реформа запоздала, что единственный выход из аграрного кризиса – это передача крестьянам земель крупных собственников, реформа, предлагавшаяся С. Ю. Витте, многие экономисты говорили еще при жизни П. А. Столыпина. «Расширить площадь крестьянских земель нужно уже потому, - писал М. И. Туган-Барановский, - что повышение производительности народного труда есть длинный и сложный процесс, требующий для своего осуществления многих лет и даже десятилетий, а крестьянская нужда не ждет и требует помощи немедленно»⁴³⁶.

Реформы П. А. Столыпина отражают процесс модернизации социальной структуры российской деревни по западному образцу. Этот процесс отразился и на крестьянской семье, и проявился, в частности, в ускорении дробления больших семей. Распад патриархальных семей имел негативные последствия: с уменьшением размеров семьи крестья-

---

* Выделено В. П. Даниловым.

нам становилось все труднее содержать лошадей, поэтому число безлошадных хозяйств росло.

Таблица 3.18 - Уменьшение размера дворов в 1904-1916 гг.⁴³⁷

	Душ на двор		Рабочих лошадей на двор		Крупного рогатого скота на двор		
	1904	1916	1904	1916	1904	1916	в.т.ч. коров
Курская	7,5	7,0	1,4	1,2	1,6	1,8	0,88
Орловская	7,2	6,7	1,7	1,1	1,4	1,5	0,81
Тамбовская	7	6,6	1,3	0,9	1,6	1,6	0,83
Воронежская	7,3	6,9	1,2	1,0	2,5	2,2	0,88
ЦЧО	7,3	6,8	1,4	1,1	1,9	1,8	0,9
Пермская	6,2	5,3	1,6	1,0	2,4	2,6	1,30
Оренбургская ⁴³⁸	7	5,8	3,2	2,7	4,1	4,3	1,78

Таким образом, средняя численность двора на Черноземье за 12 лет уменьшилась с 7,3 до 6,8 души, а число рабочих лошадей на двор – с 1,4 до 1,1. Тот же процесс – даже более интенсивный - наблюдался и на Урале.

3.5 Непосредственные результаты земельного передела

В 1917-1919 году передел земли стал реальностью. Была конфискована и разделена между крестьянами не только земельная собственность помещиков, перераспределению по душам подверглись и наделенные земли. Масса беспосевных батраков, составлявшая в 1917 году 2,2 млн. дворов (11,5% всех дворов), сократилась до 1,2 млн., расширилось также землевладение бедняцких хозяйств⁴³⁹. В деревню вернулось огромное число отходников, прежде годами живших в городах, - их побудило к этому как закрытие промышленных предприятий, так и появившаяся возможность получить землю в деревне. Отлив населения из Москвы начался уже с весны 1917 года, в значительной степени в связи с ожидавшимся переделом земли⁴⁴⁰. Как доказывает Л. И. Лубны-Герцык, массовый отлив населения из городов в деревню привел к тому, что, несмотря на войну и эпидемии, в 1916-1920 годах сельское население в большинстве губерний увеличилось. В 35 губерниях, для которых были проведены соответствующие исчисления, население увеличилось на 1,7% - правда из губерний Урала и Центрального Черноземья в этом списке присутствует только Тамбовская губерния, сельское население которой увеличилось на 7,5%⁴⁴¹. Данные А. Хрящевой по отдельным уездам Курской, Пермской и Екатеринбургской губерний также говорят о росте сельского населения в период до катастрофы 1921 года⁴⁴². При этом число дворов возросло в большей степени, чем население; в частности, в Тамбовской губернии оно увеличилось на 16,7%. В. Б. Жиромская отмечает, что именно в это время произошел кризис большой

патриархальной семьи. «Сравнительно легкая возможность получить надел для молодой семьи и узаконенное стремление к независимости... способствовало распаду большой патриархальной семьи. Это вызвало интенсивное увеличение разделов крестьянских хозяйств, в результате чего хозяйства мельчали. Падал уровень их обеспеченности скотом и инвентарем... Кроме того, дробление хозяйства позволяло в ряде случаев снизить ставки продразверстки. Эта последняя причина вызвала не только реальные, но и массу фиктивных разделов»⁴⁴³.

Наиболее важным вопросом, возникающим в связи с аграрными преобразованиями 1917-1918 годов, является вопрос о том, насколько увеличились размеры крестьянского надела: насколько весомой была прибавка, полученная крестьянами в результате раздела помещичьих земель? Для Центрально-Черноземных губерний эта проблема рассматривалась ранее в работах К. Н. Сазонова и Ю. В. Фулина⁴⁴⁴, но результаты их расчетов существенно различались между собой, потому что Ю. В. Фулин считал крестьянскими только наделные земли, а К.Н.Сазонов учитывал также и купчие земли крестьян, которые, как мы показали выше, были отягощены высокими платежами и реально крестьянам не принадлежали. Кроме того, Ю. В. Фулин в своих расчетах брал общее число дворов по переписи 1917 года, включая отсутствующие и посторонние дворы (например, дворы беженцев), что существенно занизило средние размеры надела. В таблице 3.19 приведен расчет изменения средней величины наделов при условии постоянства числа дворов, взятого по переписи 1917 года (для Воронежской губернии данные о наделных землях в переписи отсутствуют). Нужно отметить, что полученные нами цифры для размеров наделов после революции близки к цифрам К. Н. Сазонова.

*Таблица 3.19 - Увеличение средних размеров крестьянских наделов после революции*⁴⁴⁵.

Губерния	число на- личных дворов в 1917 г. (тыс.)	Надельная земля до ре- волюции		Крестьянская земля после революции	
		всего (тыс. дес.)	на двор (дес.)	всего (тыс. дес.)	на двор (дес.)
Орловская	322	1932	6,0	3105	9,6
Тамбовская	485,3	2969	6,1	4553	9,4
Курская	365,1	2586	7,1	3344	9,2

В целом по трем губерниям при условии постоянства числа дворов средний размер надела должен был увеличиться с 6,4 до 9,4 дес, то есть почти в полтора раза. Число дворов, однако, не было постоянным и вскоре резко возросло в результате наплыва возвращавшихся отходников из городов и быстрого дробления крестьянских хозяйств. На-

пример, в Тамбовской губернии число дворов увеличилось с 485,3 тыс. в 1917 году до 557,7 тыс. в 1920 году⁴⁴⁶. В таблице 3.20 показана динамика размеров наделов в 1918-1924 гг., но в отличие от таблицы 3.19, губернии здесь фигурируют в границах 1926 года, поэтому данные двух таблиц не вполне сопоставимы.

Таблица 3.20 - Динамика средних размеров крестьянских наделов в 1918-1924 гг. (в дес.)⁴⁴⁷.

	1918	1920	1924
Воронежская	9,9	10,5	9,4
Курская	10,0	8,2	6,7
Орловская	9,7	8,7	7,2
Тамбовская	9,0	8,4	7,5

В итоге, к 1924 году размеры надела стали примерно такими, какими они были в 1905 года (см. таблицу 3.11), - однако при существенно меньшей населенности двора, которая уменьшилась за это время с 7,4 до 5,5 чел (см. таблицы 2.16 и 3.18).

В Пермской губернии в результате осуществления Декрета о земле крестьянам было передано 290 тыс. дес.; в расчете на двор, прибавка составила 0,4 дес. Если учесть, что средний размер надела в 1905 году составлял 15,8 дес., то землепользование увеличилось на 2,7%⁴⁴⁸. Таким образом, в отличие от крестьян Черноземья, уральские крестьяне не получили заметной прибавки к своим наделам – но, имея большие наделы, они и не нуждались в земле. Советская власть мало что могла дать уральским крестьянам. По мнению А. И. Деникина, уральская и сибирская почва была неблагоприятна для большевизма, так как коренное крестьянство здесь мало интересовалось земельным вопросом⁴⁴⁹.

Изменение распределения крестьянских дворов по посевным группам характеризуется следующими показателями (таблица 3.21).

Таблица 3.21 - Изменение распределения крестьянских дворов по посевным группам (в %)⁴⁵⁰.

		без посева	Размеры посева (дес.)							
			до 1	1-2	2-4	4-6	6-8	8-10	10-13	13-16
ЦЧО	1917	6,9	9,6	18,0	27,1	16,3	9,0	5,1	4,0	1,8
	1919	0,8	8,4	22,4	37,4	13,1	7,6	2,2	0,8	0,2
Пермская губ. ⁴⁵¹	1917	12,7	6,8	13,9	27,7	16,8	9,3	4,9	4,0	1,8
	1919	9,7	10,2	18,3	30,0	16,9	8,1	3,6	2,0	0,7
По 25 губерниям	1917	11,5	10,3	18,4	28,9	14,7	7,3	3,8	2,7	1,2
	1919	6,6	18	24,9	29,3	12,4	5,2	2,1	1,1	3

При изучении этих данных необходимо, однако, иметь в виду, что сведения 1917 года включают и посевы на арендованных (и частных

крестьянских) землях, то есть увеличение крестьянского землепользования, о котором говорилось выше, не могло найти здесь полного отражения. С другой стороны, продразверстка, введенная в январе 1919 года, вызвала сокращение посевов, которое особенно сказалось на многогосеющих дворах (не говоря о том, что крестьяне стали преуменьшать данные о своих посевах). Кроме того, как мы видели, число больших дворов на Черноземье резко сократилось (таблица 2.15), что также должно было сказаться на размерах посева. Все эти факторы привели к тому, что число зажиточных дворов уменьшилось. С другой стороны, земельная реформа на Черноземье фактически привела к ликвидации беспосевных групп крестьянства – батраки и отходники получили землю. Таким образом произошло «осереднячение» крестьянства. Как отмечалось выше, большая дифференциация в размерах крестьянских наделов была одной из причин того, что потребление беднейшей части крестьянства оставалось ниже прожиточного минимума. После произошедшей нивелировки потребление в деревне стало более равномерным, и масштабы массового недоедания сократились.

В отношении обеспеченности рабочим скотом произошли аналогичные изменения (табл. 3.22).

Таблица 3.22 - Изменение распределения крестьянских дворов по числу лошадей (в %) ⁴⁵².

	Годы	Число лошадей						
		0	1	2	3	4	5	6
ЦЧО	1917	35,9	39,9	17,9	4,4	1,1	0,7	1,0
	1919	26,1	63,2	9,6	0,9	0,2	0,1	0,9
Пермская губ.	1917	18,9	36,3	26,0	10,7	4,4	3,7	1,6
	1919	19,8	45,3	24,0	7,1	2,3	1,5	1,3
По 25 губерниям	1917	28,7	47,6	17,6	4	1,2	0,3	1,0
	1919	25,1	60,1	12,3	1,8	0,5	0,2	0,9

Имевшиеся в помещичьих хозяйствах Черноземья лошади были переданы беднякам за небольшую плату или бесплатно ⁴⁵³ – в результате доля безлошадных хозяйств сократилось с 36 до 26%, а число однолошадных резко возросло. Одновременно уменьшилась доля хозяйств, имевших две и более головы рабочего скота: это было вызвано разделом больших семей и военными реквизициями. «Надо вспомнить, что все это происходило в условиях невероятной разрухи, - отмечает Ю.А.Поляков. – Лошадей забирали в кавалерию, коров забирали на мясо для армии. Общая численность скота постоянно падала. И в этих условиях число хозяйств без рабочего скота и без коров не увеличивалось, а уменьшалось» ⁴⁵⁴.

Данные таблицы 3.21 получены путем выборочной переписи примерно 50 тыс. дворов в Курской, Тамбовской и Пермской губерниях.

Однако в Пермской губернии излишне большой вес в выборке получили сельскохозяйственные районы Зауралья, что существенно сказалось на полученных результатах. К счастью, в нашем распоряжении имеются неопубликованные данные уральских статистиков, подсчитавших (с учетом изменений в административном делении) долю различных посевных групп в 1916 – 1924 годах на территории всей Уральской области (таблица 3.23).

Выполнившие эту работу исследователи комментировали полученные результаты следующим образом: «Приведенная группировка крестьянских хозяйств области по посеву показывает: а) сильное сокращение беспосевных групп в результате переделов революции; б) особенно сильный упадок в результате засухи и политики разверстки в 1922 году; г) наметившийся подъем в 1922 году, вызванный новой экономической и налоговой политикой; д) увеличение числа беспосевных в результате отплытия временных земледельцев на заводы в горнозаводских округах, развертывания промышленности»⁴⁵⁵.

Таблица 3.23 - Изменение распределения крестьянских дворов по посевным группам на территории Уральской области (в %) ⁴⁵⁶.

	Число хозяйств, тыс.	Размеры посева (дес.)									
		Без посева	до 1	1-2	2-3	3-4	4-6	6-8	8-10	10-16	Свыше 16
1916	1099	21,8	7,3	12,0	12,2	10,6	15,7	9,0	4,8	4,9	1,6
1920	1088	7,7	13,9	20,3	19,2	13,9	15,8	5,7	1,9	1,3	0,18
1922	1067	12,2	33,1	25,2	14,1	7,8	5,7	1,6	0,52	0,32	0,04
1924	1167	9,6	16,3	20,1	16,4	12,6	13,3	6,11	2,23	2,2	0,56

Таким образом, мы можем наблюдать особенности протекания кризиса в регионе с достаточно развитой промышленностью – ведь уральские «беспосевные крестьяне» были, в основном, рабочими на горных заводах или в смежных производствах (перевозка руды, заготовка леса и т. д.). Закрытие большинства заводов к 1920 году вынудило их стать сеючими крестьянами – но крестьянами мелкими, с посевом до трех десятин. С другой стороны, настоящие крестьяне, с посевом свыше 6 десятин, сокращали свое производство, чтобы не отдавать зерно безвозмездно по продразверстке. В итоге, в 1920 году 75% крестьян имели посева меньше 4 десятин, не позволяющие создавать запасы хлеба⁴⁵⁷. При отсутствии запасов катастрофический неурожай 1921 года вызвал страшный голод, пришедший к заметному сокращению числа хозяйств. Во время голода (весной 1922 года) многие уцелевшие хозяйства не имели зерна на посев, треть хозяев не могли засеять и одной десятины. По-

ложение выправилось лишь к 1924 году, когда увеличились многопосевные группы и начался возврат «временных земледельцев» на заводы.

Данные о распределении хозяйств по числу лошадей (таблица 3.24) позволяют дополнить эту картину. Мы видим, что к 1920 году количество безлошадных крестьян уменьшилось, но не в такой степени, как число беспосевных хозяйств: многие из «временных земледельцев» не смогли обзавестись лошадьёю. Голод 1921 года вынудил многих крестьян продать лошадь, и они стали не только малопосевными, но и безлошадными. Лошадиное поголовье нельзя было быстро восстановить, и в 1924 году обеспеченность лошадьми оставалась на том же уровне, что и в 1922 году.

Таблица 3.24 - Изменение распределения крестьянских дворов по числу лошадей на территории Уральской области (в %) ⁴⁵⁸.

	Число хозяйств, тыс.	Число рабочих лошадей на хозяйство					
		0	1	2	3	4	5
1916	1099	25,8	38,9	22,5	7,6	2,8	2,2
1920	1088	19,1	54,1	20,3	4,5	1,2	0,4
1922	1067	25,9	44,9	25,8	5,5	1,9	0,7
1924	1167	26,1	44,6	20,6	5,7	3,0	

На Урале процесс дробления дворов не был столь интенсивным, как на Черноземье, поэтому приведенные данные более объективно отражают изменения в производственных возможностях крестьянского двора, произошедшие после революции. Однако эти изменения в обоих случаях несколько искажаются естественным стремлением крестьян занизить свои посеы с тем, чтобы уменьшить бремя продразверстки или продналога.

В целом, прирезка земли, полученная уральскими крестьянами во время революции, была невелика и не должна была существенно сказаться на их благосостоянии. Более важное значение имел упадок горной промышленности, лишивший работы сотни тысяч сельских жителей и превративший их в крестьян-бедняков. Такого рода перемены, естественно, не могли положительно восприниматься населением.

На Черноземье ситуация была иной – крестьяне здесь реально получили землю, что, конечно, должно было сказаться на уровне жизни. «Там, где помещичье хозяйство было значительным, переворот местами совершенно преобразовал крестьянское хозяйство, - писал А.В.Чаянов. – Так, например, наш Институт сельскохозяйственной экономики повторил в 1926 году обследование, которое в свое время провел А. Шингарев в двух деревнях Воронежской губернии, охарактеризовав их в 1906 году, как безнадежно “вымирающие деревни” по причине жестокого малоземелья. В 1926 году, несмотря на разорения гражданской войны и потрясения голодовок, обе деревни оказались

благодаря значительному увеличению наделов в полной мере “возрождающимися деревнями”»⁴⁵⁹.

Однако при освоении прирезок не обходилось без проблем: довольно часто они находились далеко от сел. В Воронежской губернии, например, расстояние от села до полученных участков составляло от 15 до 40 верст. В Кирсановском и Моршанском уездах Тамбовской губернии, крестьяне, получившие землю, не могли обработать ее за дальностью. Резко – в некоторых селах в три раза – возросла чересполосица⁴⁶⁰. Кроме того, новые хозяева часто не имели достаточно инвентаря, и, разумеется, не могли обеспечить того уровня агротехники, который существовал в помещичьих экономиях. После переделов общие сборы и посевы должны были неминуемо сократиться, однако истинные размеры этого сокращения не удается установить, поскольку, как отмечалось выше, крестьяне намного занижали размеры своих посевов и статистические данные того времени не отражают реальной ситуации.

3.6 Продразверстка и голод 1921-1922 годов

До войны в Центрально-Черноземном регионе из 29 пудов душевого чистого сбора вывозилось 6,6 пуда – значительная часть этого хлеба потреблялась в соседнем Центрально-Промышленном районе. Но обесценивание денег привело к тому, что уже к началу 1917 года зернопроизводители резко сократили поставки хлеба на рынок. После революции, с уничтожением товарных помещичьих хозяйств, почти все зерно оставалось у крестьян. По расчетам А. Лосицкого, в 1918/19 году при душевом чистом сборе в 25,9 пуда потребление крестьян 12 губерний производящей полосы⁴⁶¹ было существенно выше, чем до войны, а потребление населения городов и промышленных регионов ввиду сокращения поставок резко уменьшилось – в городах царил голод⁴⁶². Чтобы спасти города и накормить армию, советское правительство весной 1918 года приняло энергичные меры для осуществления хлебной монополии, закон о которой был принят еще Временным правительством – но не исполнялся ввиду сопротивления крестьян. В соответствии с этим законом все излишки сверх установленной потребительской нормы подлежали сдаче государству по твердым ценам. В январе 1919 года отчуждение излишков было заменено сдачей хлеба по нормам, разверстываемым по губерниям и уездам⁴⁶³.

Продразверстка формально была меньше госзакупок в 1916/17 году (см. таблицу 3.25), но, в отличие от госзакупок, она подразумевала безвозмездную сдачу хлеба, что, конечно, было встречено крестьянством крайне негативно. Во многих местах крестьяне отказывались добровольно сдавать хлеб и власти прибегали к насилию. Это, в свою очередь, вызывало вспышки восстаний.

Таблица 3.25 - Размеры государственных закупок в 1916/17 г. и продрозверстки в 1918-/19 – 1921/22 гг. на душу населения (пуд.)⁴⁶⁴

Губернии	1916/17	1918/19	1919/20	1920/21	1921/22
Орловская	6,6	5,1	0,9	3,3	5,0
Курская	4,0	1,5	0,7	1,7	4,2
Тамбовская	8,2	4,1	3,6	1,6	1,4
Воронежская	4,6	1,1	0,7	1,2	0,8
Пермская и Екатеринбургская	1,2	0,2	3,1	3,9	1,7
Челябинская	13,7		9,4	7,4	0,7
Тюменская	13,4		1,0	6,7	1,0

Управляющий ЦСУ И. П. Попов в специальной работе проанализировал реакцию крестьянских хозяйств на отнятие хлеба: поскольку крестьяне должны были не только отдавать свой хлеб, но расходовать на его производство посевное зерно и свой труд, то их естественной реакцией было сокращение посевов до уровня, обеспечивавшего лишь потребительскую норму и не оставлявшего ничего для продотрядов; расчеты И. П. Попова показывают, что посевы могли сократиться вдвое⁴⁶⁵. По официальным данным посевы в производящем регионе сократились в 1920 году по сравнению с 1917 годом на 36%, однако Н.М. Вишневецкий, возражая П. И. Попову, указывал, что это статистическое сокращение было вызвано также и повсеместно распространенным сокрытием посевов⁴⁶⁶. Когда в январе-феврале 1920 было проведено первое бюджетное обследование крестьянских хозяйств, оно показало, что, несмотря на сокращение посевов, уровень питания в производящих губерниях оставался пока удовлетворительным (в то время как в потребляющих губерниях он по-прежнему был ниже нормы)⁴⁶⁷.

Наиболее опасным следствием продрозверстки было то, что в этих условиях крестьяне не могли создавать запасы на случай неурожая: они были бы конфискованы заготовителями⁴⁶⁸. В случае неурожая, как дипломатически выражался управляющий ЦСУ, должно было произойти «резкое нарушение хлебного баланса»⁴⁶⁹ – попросту страшный голод.

Неурожай не заставил себя долго ждать: он пришел в Центральное Черноземье уже в 1920 году, из-за засухи урожайность уменьшилась более чем вдвое. На Черноземье основную тяжесть разверстки несла на себе Тамбовская губерния: для других губерний разрядка была меньше, так как они пострадали во время наступления Деникина. В начале 1920 года продовольственное положение в губернии было еще удовлетворительным: потребление было даже выше, чем в исключительно урожайном 1915 году (см. рис. 3.3). Однако неурожай 1920 года резко изменил ситуацию; в условиях неурожая продолжавшиеся конфискации хлеба должны были привести к голоду, который, действительно, начался уже в ноябре. Но еще раньше – как реакция на неизбежный

голод - вспыхнуло большое крестьянское восстание, так называемая «антоновщина». Это восстание (наряду с другими крестьянскими движениями) вынудило советское правительство в начале февраля 1921 года отменить продразверстку⁴⁷⁰. Разверстка была заменена намного меньшим продналогом, однако в следующем, 1921 году, опять случилась засуха, и голод продолжался до 1922 года, когда был собран хороший урожай и потребление снова поднялось до уровня, превосходящего 1915 год.

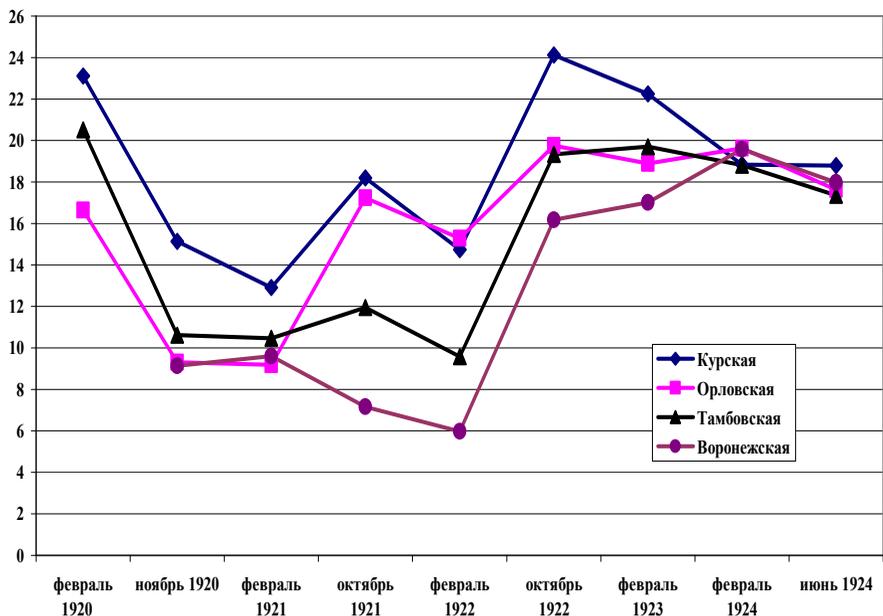

Рисунок 3.3 - Потребление в пищу хлеба и картофеля в пересчете на зерно сельским населением Центрально-Черноземного района (пудов на душу)⁴⁷¹.

Как отмечалось выше, Урал находится в зоне неустойчивого земледелия; хорошие урожаи чередуются здесь со страшными засухами, поэтому для крестьян чрезвычайно важно иметь примерно годовые запасы зерна. Между тем, продразверстка препятствовала хранению больших запасов. На Урале основная тяжесть разверстки выпала на долю Челябинской губернии (которая в августе 1919 года была выделена из состава Оренбургской). В начале 1920 года положение в губернии было еще удовлетворительным, по официальным данным, посевные площади по сравнению с 1916 годом уменьшились только на 8%. Однако 1920 год был неурожайным, урожайность ржи составила только 10,9 пуда с десятины, по сравнению с 44 пудами в 1909-1914 годах; размеры продразверстки на 1920/21 год, тем не менее, оставались высокими (см. табл. 3.25).

Это привело к тому, что в 1921 году посев резко уменьшился и, по официальным данным, составил только 45% от посева 1916 года. Между тем, в этом году случился повторный, еще более губительный неурожай: урожайность ржи составила только 7,5 пуда с десятины. Оба неурожая 1920-1921 годов были гораздо более губительными, чем на Черноземье – это были те страшные засухи, которыми славилась юго-восточные степи. В результате начался страшный голод, в феврале 1922 года в Челябинской губернии при минимальной норме душевого потребления в 15,5 пудов потребление (в пересчете на год) упало до 5,2 пуда (см. рис. 3.4). В результате катастрофического голода, эпидемий и бегства голодающих население губернии уменьшилось с 1920 по 1923 год на 20%⁴⁷².

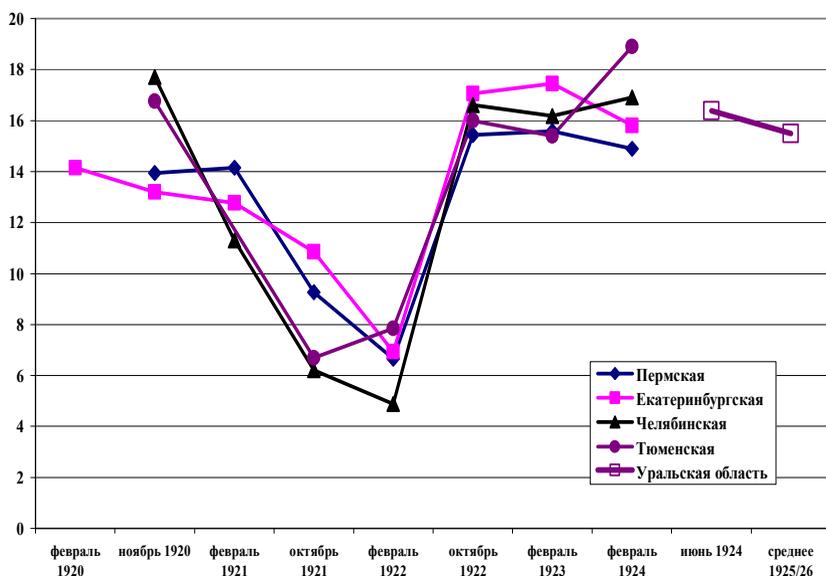

Рисунок 3.4 - Потребление в пищу хлеба и картофеля в пересчете на зерно сельским населением Урала (пудов на душу)⁴⁷³

Не умаляя влияния продрозверстки, необходимо отметить все же роль драматического стечения обстоятельств, обусловившего масштабы произошедшей катастрофы. В 1920-1921 годах на Урале, в Поволжье и в некоторых губерниях Центрального Черноземья случились два губительных неурожая подряд – явление, достаточно редкое в аграрной истории России. Как видно из графиков на рис. 3.3 и 3.4, на Черноземье уже первый неурожай привел к падению потребления примерно до 10 пудов, к голоду и восстаниям, на Урале же уменьшение потребления до

13-14 пудов еще не означало голода: у крестьян здесь было больше земли и больше хлебных запасов. Но второй губительный неурожай подряд вызвал на Урале катастрофу гораздо больших масштабов, чем бедствия Черноземья.

После кризиса, в урожайном 1922/23 году потребление в Пермской губернии достигло относительно высокого уровня, порядка 17 пудов на душу. Но это было все же меньше, чем потребление в 1900-1902 годах (20,7 пуда). Такой результат был, в общем, естественным, так как за время революции на Урале (в отличие от Черноземья) не произошло существенного увеличения крестьянского землепользования.

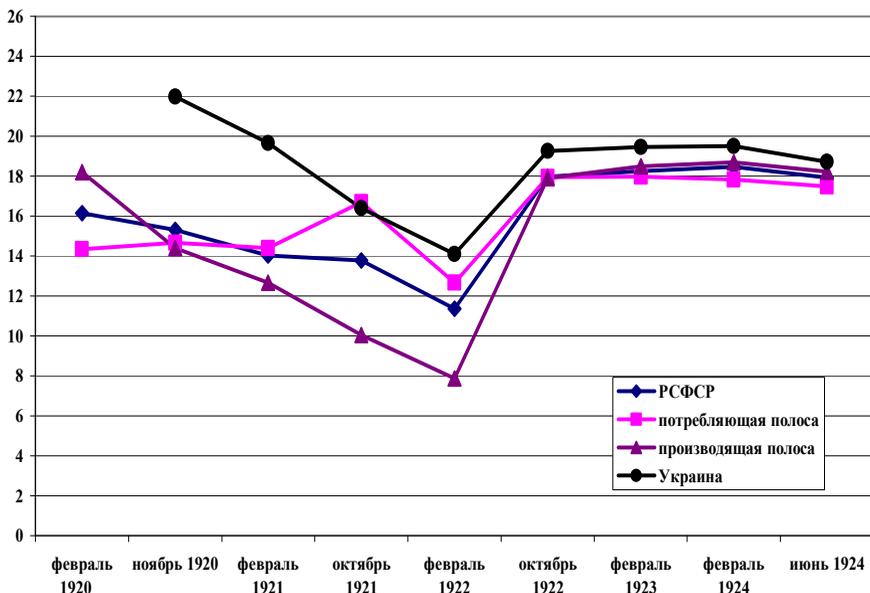

Рисунок 3.5 - Потребление в пищу хлеба и картофеля в пересчете на зерно сельским населением основных регионов СССР (пудов на душу)⁴⁷⁴.

При переходе к рассмотрению динамики потребления в крупных регионах СССР, мы, естественно, получаем усредненную картину. Как можно сделать вывод из графиков на рис.3.5, очагом продовольственного кризиса 1920-22 годов была производящая полоса РСФСР, в феврале 1922 года потребление здесь упало (в годовом исчислении) до 8 пудов, в то время как в потребляющей полосе оно удерживалось на уровне 13 пудов, а на Украине – в среднем 14,5 пуда. После кризиса потребление повсеместно стабилизировалось на уровне около 18 пудов, а на Украине достигло 19 пудов.

3.7 Посевы, сборы и потребление в СССР периода нэпа

Основными документами, сопоставляющими уровень производства и потребления хлеба в период нэпа были «Балансы зерновых хлебов», составляемые Экспертным Советом по оценке хлебофуражной продукции и хлебофуражного баланса СССР. В «Статистическом справочнике СССР за 1928 г.» опубликованы такие балансы за 1925/26 – 1928/29 года⁴⁷⁵; балансы за эти годы имеются так же в фондах РГАЭ⁴⁷⁶. Сравнивая данные валового сбора в этих балансах с опубликованными, можно заметить, в частности, что данные 1925/26 – 1926/27 годов уточнены за счет дополнительного учета сбора на землях, приписанных к городам, из чего можно сделать вывод, что балансы РГАЭ дают материалы, уточненные по отношению к опубликованным ранее в «Статистическом справочнике СССР за 1928 г.». Таким образом, мы можем брать за основу балансы, хранящиеся в фондах РГАЭ, которые отличаются от опубликованных также и большим уровнем подробности, позволяющим установить, в частности, расходы зерна на фураж, на самогон и потери и т.д.

Таблица 3.26 – Данные хлебофуражных балансов СССР 1925/26 – 1928/29 годов⁴⁷⁷

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	средние
Население	143,6	147,1	150,4	153,9	148,8
Сбор (млн. пуд.)	4559	4783	4445	4476	4566
Высев (млн. пуд.)	728	750	748	775	750
Чистый сбор (млн. пуд.)	3831	4033	3697	3701	3816
Душевой чистый сбор (пуд.)	26,7	27,4	24,6	24,0	25,7
Потребление (мука, крупа) (млн. пуд.)	1942	1942	1966	1983	1958
Самогон, потери (млн. пуд.)	215	206	206	196	206
Потребление (зерно) (млн. пуд.)	2156	2148	2173	2179	219
Душевое потребление (пуд.)	15,01	14,60	14,45	14,16	14,6
Фураж (млн. пуд.)	1278	1486	1450	1355	1392,3
Фураж на душу населения (пуд.)	8,9	10,1	9,6	8,8	9,4
Душевое потребление с фуражом (пуд.)	23,9	24,7	24,1	23,0	23,9
Промышленность и армия (млн. пуд.)	63	68	69	71	67,7
Вывоз (млн. пуд.)	117	156	28	-14	71,8
вывоз на душу (пуд.)	0,81	1,06	0,19	-0,09	0,48
Накопление (млн. пуд.)	212	178	-8	110	123,1
душевое накопление (пуд.)	1,47	1,21	-0,05	0,72	0,84
Остаток на потребление: душевое потребление с накоплением (пуд.)	25,4	25,9	24,0	23,7	24,8

Напомним, что в соответствии с методикой составления баланса расходные статьи: потребление в пищу, фураж, накопление, потери и затраты на самогон находились путем бюджетных обследований, причем количество обследуемых ежегодно дворов составляло десятки ты-

сяч, обследования производились равномерно по всей стране, и точность данных заведомо обеспечивалась методами математической статистики⁴⁷⁸. Эти данные не зависели от приходных статей баланса, от величины посевов, сборов, урожайности, которые находились другими методами и затем согласовывались с расходами. Таким образом, вопрос о «коэффициентах недоучета», правильность нахождения которых ставится под сомнение некоторыми авторами (см. п. 1.2), не имеет прямой связи с вопросом о потреблении.

Таблица 3.27 – Сопоставление данных о производстве и потреблении в докризисное и послекризисное время⁴⁷⁹

	1908/09- 11/12	1909/10- 13/14	1925/26- 28/29
Население, млн.	122,6	126	148,6
Зерновые			
Чистый сбор зерновых, млн. пуд.	3032	3407	3809
Чистый сбор зерновых на душу, пуд.	24,7	27	25,7
Вывоз, млн. пуд.	730	718	72
Вывоз на душу, пуд	6	5,7	0,48
Расход на винокурение и армию, млн. пуд	26	31	68
Остаток на потребление, млн. пуд	2276	2658	3669
Душевой остаток на потребление, пуд.	18,6	21,1	24,8
Картофель			
Чистый сбор, млн. пуд.	708	1170	2065
Расход на винокурение, млн. пуд.	157	160	48
Душевой остаток на потребление, пуд.	4,5	8	13,6
Душевой остаток на потребление, в пересчете на зерно 5:1, пуд	0,9	1,6	2,7
Душевой остаток на потребление зерна и картофеля, пуд	19,5	22,7	27,5

В дореволюционные времена точность бюджетных обследований была несопоставима с точностью обследований ЦСУ: обследования производились в немногих губерниях, в разные годы, по разным методикам и иной раз описывалось меньше ста дворов. Как было показано выше, получаемые при этих обследованиях данные о потреблении не сходились с приходной частью баланса, они были явно завышены, поэтому мы не можем опираться на них при анализе потребления в довоенный период. Но с другой стороны, приходная часть баланса определялась с достаточной точностью, и из нее можно найти *остаток на потребление*, получающийся путем вычитания из чистого сбора расходов на экспорт и винокурение. Эта величина включает в себя потребление в пищу, фураж, самогон, потери и накопление, разделить которые уже не представляется возможным. Эту величину можно сравнить с соответствующей величиной для 1925/26 – 1928/29 годов – это единственный путь для реального сопоставления потребления. Необходимо,

правда заметить, что остаток на потребление для довоенных времен находится из приходной части бюджета, а для послевоенного периода – из расходной части, но в принципе, для этого периода его можно найти и из приходной части: поскольку баланс согласован, то цифры получатся те же самые.

Анализируя данные таблицы 3.27, нужно, конечно, оговориться, что они относятся к разным территориям: для довоенного периода это 53 губернии Европейской России, для 20-х годов – вся территория СССР. Мы не в состоянии привести довоенные данные к территории СССР, так как цифры вывоза адресуются к Российской империи, и остаток на потребление можно получить только для 53 губерний. Для сопоставимой территории можно сравнить только цифры, характеризующие производство, посев, урожайность. В 1930-х годах в ЦСУ был произведен достаточно сложный расчет посевов и сборов 1909-1913 года в границах СССР 1926 года. При этом статистики принимали урожайность на землях, арендованных крестьянами, равной урожайности на помещичьих землях. В 1959 году было сочтено, что урожайность на арендованных землях должна быть такой же, как на крестьянских полях, и, соответственно, был произведен перерасчет⁴⁸⁰. Эти обстоятельства, конечно, показывают, что такие вычисления достаточно условны, тем не менее, мы приводим первый вариант этих расчетов (табл. 3.28). Мы отдаем предпочтение этому варианту, так как помещичьи земли, в том числе арендованные крестьянами, были лучшего качества, и урожайность на них должна была быть выше, чем на крестьянских землях, приближаясь по размерам к урожайности в помещичьих экономиях.

Таблица 3.28 – Сопоставление данных о производстве зерновых на территории СССР в докризисное и послекризисное время⁴⁸¹

	1909/10-1913/14	1925/26-1928/29
Население	134,8	148,8
Посевная площадь, млн. га	94,4 (1913 г.)	92,0
Посевная площадь на душу населения, га	0,70	0,62
Валовый сбор (млн. ц)	675,6	741,5
Урожайность ц/га	7,4	7,8
Душевой сбор кг	501	498

Имеются также материалы другого расчета, выполненного под руководством зав. сектором сельскохозяйственной статистики ЦСУ А. Гайстера в конце 20-х годов (таблица 3.29). Здесь использованы данные сельскохозяйственной переписи 1916 года, и соответственно, сравнение ведется с одним годом, не вполне характерным ввиду военных условий (в это время посевные площади уже заметно сократились).

Как видно из таблицы 3.28, после кризиса производство и посевные площади на душу населения сократились. Иного и нельзя было ожи-

дать: в перенаселенной Европейской России все удобные земли были распашаны еще до революции, и посевы здесь могли только сократиться. Что же касается освоения азиатской целины, то для этого требовались большие средства, которых не было ни у правительства, ни у населения. С другой стороны, в результате демографического взрыва численность населения превзошла довоенный уровень. Урожайность же не могла существенно увеличиться, так как в результате раздела между крестьянами крупных помещичьих экономий состояние агротехники могло только ухудшиться. Таким образом, уменьшение душевого сбора было предопределено демографическим взрывом, который, в свою очередь, был следствием демографической модернизации, эпидемиологического перехода (см. п. 2.3).

Таблица 3.29 – Сопоставление данных о посевах и численности скота в 1916 и 1927 годах⁴⁸².

	СССР		ЦЧО		Урал	
	1916	1927	1916	1927	1916	1927
Численность сельского населения (тыс.)	119159	122821	9653	9922	5517	5549
Посевные площади (тыс. дес)	89364	102978	7671	8918	4811	5210
Рабочих лошадей (тыс.)	27671	21261	1668	1268	1849	1560
Коров (тыс.)	26032	29166	1289	1595	1926	1873
На душу сел. насел. посевные площади (дес.)	0,75	0,84	0,79	0,90	0,87	0,94
рабочих лошадей	0,23	0,17	0,17	0,13	0,34	0,28
коров	0,22	0,24	0,13	0,16	0,35	0,34

Эта ситуация непохожа на обычную картину экосоциального кризиса в традиционном обществе: в классическом случае имеет место резкое сокращение численности населения, более существенное, чем то, которое имело место в России (около 8%), и за счет этого сокращения увеличивается посев, приходящийся на душу населения – что, в свою очередь, влечет увеличение потребления. В России, напротив, распространение санитарной технологии привело к тому, что численность населения очень быстро восстановилась и душевой посев даже сократился. Но, как показывает таблица 3.27, потребление все же увеличилось – и даже довольно существенно: по сравнению с 1909-1913 годами на 20%, а по сравнению с 1908-1911 годами даже на 40%. Главной причиной увеличения потребления был переход всей земли в руки крестьян, что привело, в частности, к исчезновению земельной ренты, которая до революции была эквивалентна 4,7 пуда ржи на душу крестьянского населения (см. рис. 3.2), и к почти полному прекращению экспорта, который прежде составлял 20-25% чистого сбора. Как отмечалось выше, до революции зерно, производившееся на помещичьих

землях, в значительной части вывозилось за границу – так же, как и то зерно, которое крестьяне были вынуждены продавать, чтобы оплатить ренту. В соответствии с теорией мир-систем И. Валлерстайна развитие мирового рынка определяло сырьевую специализацию экономики России и приводило к массовому вывозу сырья и продовольствия в обмен на промышленные товары. После раздела поместий производившиеся в них зерно стало принадлежать крестьянам, и они предпочитали не продавать, а потреблять его – в результате их потребление существенно увеличилось, а вывоз почти прекратился. Таким образом, главным результатом кризиса был земельный передел, резкое сокращение (фактически исчезновение) частной земельной ренты, и перераспределение ресурсов в структуре «государство-элита-народ». Как отмечалось выше, это – явления, которые прогнозируются демографически-структурной теорией, и таким образом, мы наблюдаем совпадение теоретического прогноза и реально наблюдаемых явлений.

Нужно отметить, однако, что потребление возросло не только благодаря разделу помещичьих земель. Сказались и результаты агротехнической модернизации – правда, они сказались не в улучшении возделывания зерновых, а в распространении картофеля. Как видно из таблицы 3.27, картофель дал примерно четверть общего прироста потребления.

Как отмечалось выше, для докризисных и послекризисных времен мы можем сравнить только душевой остаток на потребление. Потребление в пищу определяется для докризисных времен лишь приблизительно, в 1909/10-1913/14 годах из душевого остатка в 22,7 пуда потребление в пищу составляло не более 15,6 пуда и на фураж шло не менее 7,1 пуда. Для 1925/26-1928/29 годов материалы продовольственных балансов позволяют конкретизировать распределение душевого остатка – но при этом надо учесть, что в этих балансах в графе потребление указывалось потребление муки, крупы и бобовых. Отходы мукомольного производства (лузга, распыл), попадали в графу «самогон, потери», куда включались также потери при хранении⁴⁸³. Но потери при хранении были невелики; зная, что расходы на самогон составляли около 60 млн. пуд., а в лузгу и распыл уходило обычно 6% от массы зерна, можно подсчитать, что потери при хранении составляли примерно 0,1 пуда на душу – величина, которой можно пренебречь. В итоге, чтобы найти объем зерна, перерабатываемого в муку, крупу и самогон, нужно сложить графы «потребление (мука, крупа)» и «самогон, потери»; в расчете на душу получается 14,6 пуда, а вместе с потреблением картофеля (1,7 пуда) – 16,3 пуда. Как видим, потребление в пищу несколько превысило максимальную оценку для 1909/10-1913/14 годов – но незначительно. Впрочем, поскольку речь идет о максимальной оценке, то возможно, что потребление в 1909/10-1913/14 годах в действительности было меньше, а прибавка была более значительной. И во всяком случае, эта прибавка

была существенно больше в сравнении с менее благополучными 1908/09-1911/12 годами. В этой связи нужно еще раз упомянуть о довоенных данных земских обследований, которые имеются для некоторых губерний. Конечно, эти данные относятся к разным, как правило, урожайным в данной местности годам и несколько завышают уровень потребления крестьян. Тем не менее, сотрудники ЦСУ провели сопоставление этих данных с данными для соответствующих территорий в 1923/24 году и установили, что во всех случаях (за исключением Полтавской и Вятской губерний) потребление крестьян после кризиса заметно увеличилось⁴⁸⁴.

Данные хлебофуражных балансов (таблица 3.27) показывают, что ощутимо возросло и потребление на фураж – 10,4 пуда (9,4 пуда зерна и 1,0 пуд картофеля) против минимум 7,1 пуда в довоенное время. Наконец, в балансах присутствует еще одна статья: на накопление запасов уходит 0,8 пуда; для довоенного времени эта статья распределена между фуражом и потреблением в пищу.

Таким образом, данные хлебофуражных балансов говорят о том, что потребление крестьян после окончания кризиса увеличилось. Правда, годовые данные, показывают, что это увеличение потребления относится к середине 1920-х годов – а затем потребление стало уменьшаться, наступил «кризис нэпа». Мы рассмотрим этот вопрос более подробно в пункте 3.9.

В животноводстве (как видно из таблицы 3.29) имела место более сложная ситуация. Во время кризиса количество лошадей сильно сократилось, и в 1927 году оно было еще на четверть меньше, чем в 1916 году. В значительной степени это объяснялось политикой советской власти, которая часто зачисляла владельцев двух и более лошадей в кулаки и облагала их повышенными налогами. Кроме того, при прогрессирующем измельчании крестьянских хозяйств (см. пункт 2.5) лошадь становилось трудно содержать, и многие семьи в сезон полевых работ предпочитали нанимать ее у соседа. Подсчитано, что в восьми миллионах наиболее слабых крестьянских хозяйств, составлявших третью часть всех хозяйств, применение лошади было нерентабельным⁴⁸⁵. Это привело к распространению найма скота и практики «супруги», когда два-три хозяйства объединялись для ведения полевых работ. По обследованию, проведенному весной 1925 года, 51,8% хозяйств обрабатывали землю с помощью своего рабочего скота, 15,1% - «супругой», 26,9% - наемным скотом (остальные использовали смешанные способы)⁴⁸⁶. Положение в молочном животноводстве было иным, содержание коров обходилось дешевле и, кроме того, выгоднее, так как цены на мясо и молоко, которые не контролировались государством, сильно возросли по сравнению с государственными закупочными ценами на зерно (таблица 3.30).

Ценовая политика благоприятствовала развитию мясомолочного скотоводства, поэтому поголовье коров было восстановлено и даже увеличилось к 1927 году по сравнению с 1916 годом на 12%. Получая хорошие деньги от продажи продуктов животноводства, крестьяне могли оплатить большую часть сельскохозяйственного налога, не продавая зерна. Соответственно, зерно все в больших масштабах расходовалось на фураж, и к 1926/27 году эти расходы достигли 10,1 пуда на душу населения (см. табл. 3.26).

Таблица 3.30 – Динамика розничных и закупочных цен (цены 1913 года принимаются за 100)⁴⁸⁷

	1926	1927	1928
Все товары	195	176	177
Промышленные товары	212	185	185
Сельскохозяйственные товары	171	163	167
в т.ч. хлебные продукты	153	143	157
мясные продукты	204	194	185
Закупочная цена на рожь	104	110	

Демографически-структурная теория прогнозирует, что после окончания кризиса хлебные цены должны уменьшиться по сравнению с предкризисным уровнем. Н. Д. Кондратьев полагает, что такое уменьшение действительно имело место, но его трудно зафиксировать в условиях монетарной инфляции. Удешевление хлеба проявилось не по отношению к золоту, а по отношению к другим товарам: цены на хлеб возросли в меньшей степени, чем цены на промышленные товары⁴⁸⁸ (см. таблицу 3.30). Однако, в данном случае имело место не только естественное снижение хлебных цен, но и эффект государственного регулирования, направленного на их искусственное снижение. Этот эффект проявлялся в большей степени в 1927 году и позднее, в то время как в 1926 году, цены были, в основном, рыночными.

В таблице 3.31 приведен баланс денежных доходов и расходов среднего крестьянского хозяйства СССР (без Закавказья, Узбекистана и Туркмении) по данным бюджетных обследований 1927 года. Образ «среднего крестьянина» на таком обширном пространстве вбирает в себя черты крестьян разных регионов. «Средний крестьянин» продает сельхозпродукты, как крестьяне Черноземья, но в то же время нередко покупает их, как крестьяне потребительской полосы – однако в целом все-таки больше продает, причем преимущественно продукты животноводства. «Средний крестьянин» ходит на приработки в города, но иногда и нанимает рабочую силу; однако в целом приработки оказываются главной статьей денежного дохода. Среди прочих доходов и расходов большую роль играют кредиты и оплата долгов. Налоги, как видно их таблицы, отнимали очень небольшую часть денежного дохода

(3,1%), и лишь в слабой степени могли быть средством извлечения ресурсов из деревни (как в прежние времена была арендная плата). Как отмечалось выше, платежи крестьян Европейской России (их совокупная рента) в 1912 году составляли 6,2 руб. на душу населения, или в переводе на рожь 7,3 пуда. В 1925/26 году прямые налоги сельского населения СССР составляли 467 млн. руб., на душу населения приходилось 4,2 руб.⁴⁸⁹ - или 4,0 пуда ржи⁴⁹⁰. Таким образом, размеры совокупной ренты – в соответствии с мальтузианской теорией – после катастрофы резко уменьшились.

Таблица 3.31 - Баланс денежных доходов и расходов среднего крестьянского хозяйства за 1927 г. (в руб.)⁴⁹¹

	Доход	расход	баланс
Покупка-продажа с/х продуктов	195,5	114,4	81,2
в т. ч зерно и мука	43,1	38,5	4,6
в т. ч. продукты животноводства	97,6	42,4	55,3
Сторонние заработки или найм рабочей силы	180,5	22,6	158,0
Покупка-продажа продуктов лесоводства, рыболовства и охоты	9,9	16,1	-6,2
Покупка промышленных продуктов		183,6	-183,6
Налоги		14,8	-14,8
Прочие доходы и расходы	92,4	122,8	-30,4
Итого	478,4	474,2	4,2

Как уже отмечалось, крестьяне зарабатывали необходимые денежные средства, в основном, продажей продуктов животноводства и приработками вне своего хозяйства. Средняя месячная оплата сельскохозяйственного рабочего (взрослого мужчины) в 1927 году составляла 22 рубля⁴⁹², в то время как годовой доход крестьянского хозяйства от приработков составлял 158 рублей. Очевидно, что крестьяне не могли заработать такие деньги на селе – они шли на заработки в города, где зарплата была много выше: средняя оплата промышленных рабочих в 1927 году составляла 62 руб.⁴⁹³ Как отмечалось в пункте 2.5. в 1925/26 году в Европейской части СССР было зарегистрировано 3,3 млн. отходников, многие из которых постоянно жили в городах, посылая деньги в деревню. К. Б. Литвак, исследовавший массовые материалы писем в «Крестьянскую газету», утверждает, что у крестьян сложилось устойчивое впечатление о высоких заработках и роскошной жизни в городе. Характерными отзывами о рабочих были: «много получают», «дят хлеб и мясо, а работают 8 часов»⁴⁹⁴. В письмах крестьян чувствовались «зависть и ненависть к городу, который эксплуатировал деревню с помощью “ножниц цен”, а с другой стороны – обеспечивал населению совершенно другие условия труда и быта»⁴⁹⁵. О подобных настроениях крестьян свидетельствуют и уральские материалы; уральские крестьяне считали,

что рабочие получают в 5-6 раз больше крестьян, а работают в 2-3 раза меньше⁴⁹⁶. (В действительности, зарплата в промышленности на Урале, как и по стране в среднем, была втрое больше зарплаты на селе⁴⁹⁷.)

П. П. Маслов (старший) отмечал, что рабочие выиграли от перераспределения доходов во время революции еще больше, чем крестьяне, и поэтому разница в величине доходов горожан и сельчан значительно увеличилась⁴⁹⁸. Действительно, по данным бюджетов 1925/26 года средний душевой доход в рабочих семьях был в 2,5-3 раза больше, чем в крестьянских семьях (см. таблицу 3.38). До начала хлебозаготовительного кризиса население городов питалось значительно лучше, чем население деревни; по данным Экспертного Совета душевое потребление мяса сельским населением в 1924/25 году составляло 0,85 пуда, а городским населением – 2,5 пуда в год⁴⁹⁹. В тоже время работа в городах была легче, а условия жизни – существенно лучше.

В значительной степени эта разница объяснялась политикой советской власти, которая считала пролетариат своей опорой и старалась обеспечить рабочим высокую заработную плату. Если в 1910-1913 годах средняя годовая заработная плата рабочих фабрично-заводской промышленности составляла в Европейской России 264 руб.⁵⁰⁰, то в 1925/26 -1926/27 годах – 705 руб.⁵⁰¹ (по всему СССР). Золотое содержание николаевского рубля и советского червонца было одинаковым, но цены за истекшее время повысились почти вдвое (см. таблицу. 3.30). Тем не менее, с учетом разницы в ценах реальная заработная плата рабочих увеличилась примерно на 40%, а при пересчете на хлеб – на 80%. Отметим для сравнения, что душевой чистый остаток хлеба и картофеля в стране увеличился только на 20%, то есть в продовольственном обеспечении рабочие выиграли гораздо больше крестьян.

Некоторую информацию об изменении уровня жизни в городах дают также антропометрические данные. График на рисунке 3.6 показывает, что на протяжении двух десятилетий до революции рост московских рабочих практически не менялся, но после революции он заметно увеличился.

Сопоставление антропометрических данных для новобранцев – большинство которых были, конечно, сельскими жителями - затрудняется изменением критериев набора. В 1912-13 годах набирали призывников в возрасте 20 лет и существовали ограничения минимального роста. В 1927 году таких ограничений не существовало, а возраст призывников увеличился до 22 лет; при этом их средний рост составлял 1673 мм, на 24 мм больше, чем в 1913 году. С. Уиткфорт полагает, что увеличение призывного возраста может объяснить увеличение роста на 10-15 мм и приходит к выводу, что рост 22-летних мужчин увеличился на 9-14 мм⁵⁰². Обычно считается, что механизмы увеличения роста и уменьшения смертности являются сходными, что оба эти явления свидетельствует об увеличении

потребления или об улучшении прочих жизненных условий, к которым относится, в частности, уменьшение заболеваемости в результате демографической модернизации⁵⁰³. Как было показано выше, в уменьшении смертности главную роль играло не увеличение потребления, а демографическая модернизация. Следовательно, можно предполагать, что этот фактор был первостепенным и в увеличении роста.

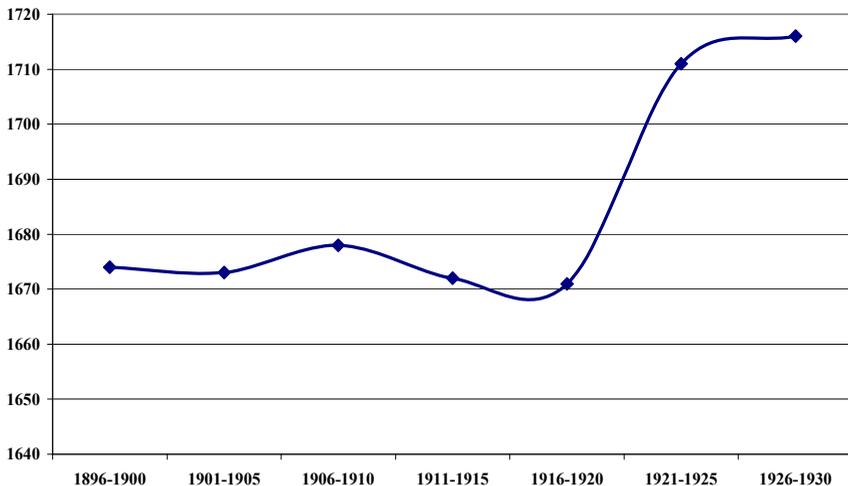

Рисунок 3.6 - Средний рост 25-летних московских рабочих в зависимости от годов рождения (мм)⁵⁰⁴.

Далее мы попытаемся более подробно оценить изменения в жизни крестьян на примере двух регионов - Центрально-Черноземного и Уральского.

3.8 Посевы, сборы и потребление на Черноземье и на Урале

Как и в предыдущем случае, мы отталкиваемся, прежде всего, от данных хлебофуражных балансов, представленных в фондах РГАЭ⁵⁰⁵. Эти данные дают динамику не только посевов и сборов, но и динамику потребления в пищу, расход на фураж, уровень потерь и расходов на самогон, а также размеры накоплений (таблицы 3.32 и 3.36)

Для дореволюционных времен мы знаем лишь величину *остатка на потребление*, включающую суммарные расходы на потребление в пищу, фураж, самогон, потери и накопление. Сопоставление данных о производстве и остатков на потребление дается в таблице 3.33. Анализируя данные этой таблицы, можно сделать вывод, что по сравнению с благоприятными 1909-1913 годами душевое производство зерна на Черноземье осталось на том же уровне. Однако остаток зерна и картофеля на

потребление в ЦЧО увеличился в 1925/26-1928/29 годах по сравнению с 1909/10-1913/14 годами на 30% (а по сравнению с 1908/09-1911/12 на 50%). Это увеличение было более значительным, чем среднее по стране; оно произошло, в основном, за счет сокращения вывоза из района зерна с 6,7 до 2,6 пудов на душу, а вывоз зерна сократился в результате раздела помещичьих земель: получив землю, крестьяне предпочитали потреблять выращиваемое зерно, а не продавать его на вывоз (это явление отмечали многие экономисты, в том числе П.П. Маслов⁵⁰⁶). Центрально-Черноземный район был районом развитого помещичьего землевладения, поэтому эффект земельного передела здесь был более сильным, чем в целом по России и крестьяне должны были получить от революции большие выгоды, чем в других регионах.

Таблица 3.32 – Данные хлебофуражных балансов Центрально-Черноземной области 1925/26 – 1928/29 годов⁵⁰⁷

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	средние
Население (тыс.)	10610	10805	11024	11247	10921,6
Сбор (млн. пуд.)	350,0	377,9	468,5	358,8	388,8
Высев (млн. пуд.)	55,8	59,6	60,0	60,6	59,0
Чистый сбор (млн. пуд.)	294,2	318,3	408,5	298,2	329,8
Душевой чистый сбор (пуд.)	27,7	29,5	37,1	26,5	30,2
Потребление (мука, крупа) (млн. пуд.)	154,7	151,6	159,6	157,9	155,9
Самогон, потери (млн. пуд.)	21,8	16,4	20,0	16,7	18,7
Потребление (зерно) (млн. пуд.)	176,5	168,0	179,6	174,6	174,7
Душевое потребление (пуд.)	16,6	15,5	16,3	15,5	16,0
Фураж (млн. пуд.)	88,0	106,0	124,1	103,2	105,3
Фураж на душу населения (пуд.)	8,3	9,8	11,3	9,2	9,6
Душевое потребление с фуражом (пуд.)	24,9	25,4	27,5	24,7	25,6
Промышленность (млн. пуд.)	3,6	4,3	5,8	3,9	4,4
Вывоз (млн. пуд.)	5,3	20,6	66,9	22,0	28,7
Вывоз на душу (пуд.)	0,5	1,9	6,1	2,0	2,6
Накопление (млн. пуд.)	20,6	19,3	29,8	-8,1	15,4
Душевое накопление (пуд.)	1,9	1,8	2,7	-0,7	1,4
Остаток на потребление: душевое потребление с накоплением (пуд.)	26,9	27,1	30,3	24,0	27,1

На повышении уровня жизни сказалось и увеличение потребления картофеля (в пересчете на с 2,3 до 4,9 пудов на душу). Эффект развития картофелеводства сказался здесь больше, чем по стране в целом, и кроме того, сыграло роль уменьшение численности населения в период кризиса, которое было значительнее, чем в среднем по СССР. В то время как население Союза в целом в 1926 году не только восстановилось, но и превзошло довоенный уровень, население ЦЧО оставалось меньшим, чем до войны. Таким образом, душевое потребление возросло также и за счет уменьшения численности населения – как это происходит в классических демографических циклах традиционного общества.

Кроме того, в отличие от страны в целом, на Черноземье существенно уменьшилась пропорция «едоков» ко всему населению. Как отмечалось выше (в пункте 2.4), до войны на 1000 душ приходился 661 едок, а в 1926 году - 643. В расчете на едока потребление до кризиса составляло 37,4 пуда, а после кризиса – 49,8 пуда, то есть увеличилось на 33%.

*Таблица 3.33 – Сопоставление данных о производстве и потреблении в Центрально-Черноземной области в докризисное и послекризисное время*⁵⁰⁸

	1908/09- 11/12	1909/10- 13/14	1925/26- 28/29
Население, млн.	10776	11079	10922
Зерновые			
Чистый сбор зерновых, млн. пуд.	281,1	325,8	329,8
Чистый сбор зерновых на душу, пуд.	26,1	29,4	30,2
Вывоз, млн. пуд.	72,7	74,7	28,7
Вывоз на душу, пуд	6,7	6,7	2,6
Расход на винокурение и армию, млн. пуд	2,1	2,6	4,4
Остаток на потребление, млн. пуд	206,3	248,5	296,6
Душевой остаток на потребление, пуд.	19,1	22,4	27,1
Картофель			
Чистый сбор, млн. пуд.	131,7	147,7	272,9
Расход на винокурение, млн. пуд.	20,6	21,6	4,9
Остаток на потребление в пересчете на зерно 5:1, млн. пуд.	22,2	25,2	53,6
Душевой остаток на потребление, в пересчете на зерно 5:1, пуд	2,1	2,3	4,9
Душевой остаток на потребление зерна и картофеля, пуд	21,2	24,7	32,0

Мы не знаем, какая доля остатка на потребление до войны приходилась на потребление в пищу, и какая – на фураж. После кризиса в пищу потреблялось 16 пудов зерна и 2,7 пуда картофеля в пересчете на зерно (исключая потери на хранение) - всего 18,7 пуда (по стране в целом потребление составляло 16,3 пуда). Душевое потребление на фураж составляло 9,6 пуда зерна и 1,5 пуда картофеля – всего 11,1 пуда (по стране в целом – 10,4 пуда). Душевые расходы на создание запасов равнялись приблизительно 1,4 пуда в год. Довольно велика была цифра потерь при хранении картофеля (0,7 пуда на душу), которая также входит в «остаток на потребление» в силу того, что мы не можем вычлени из него объем потерь в дореволюционное время.

Отдельно нужно сказать о расходах на самогон, которые по данным обследования 1928 года составляли 1,0 пуда зерна на душу⁵⁰⁹. С 1923 года фактически прекратилась борьба с самогоноварением для собственного употребления, и в деревне в огромных масштабах развилось производство самогона; по сравнению с довоенным периодом к

1928 году потребление алкоголя (в пересчете на 40-градусный) в сельской местности ЦЧО увеличилось с 7,4 до 11,3 литра на душу (в целом по РСФСР оно увеличилось с 6,5 до 9,3 литров). Рекорд в этом отношении поставила Курская губерния, где душевое потребление самогона достигло 20,2 литра⁵¹⁰.

При сохранявшейся на прежнем уровне агротехнике большую роль в увеличении потребления сыграло сочетание благоприятных погодных условий; все четыре рассматриваемых года, с 1925/26 по 1928/29 год были относительно урожайными, в то время как на 1909/10-1913/14 год пришелся один значительный неурожай (в 1911 году). Включение в рассмотрение неурожайного 1924/25 года, по-видимому, уменьшило бы душевой остаток – однако данные этого года о сборах и потреблении противоречивы и не были увязаны в хлебофуражном балансе. Неурожай 1924 года и зафиксированный в отдельных местностях голод⁵¹¹ послужил для некоторых авторов аргументом в пользу точки зрения о крайне низком уровне потребления в эпоху нэпа – более низком, чем до революции. Например, С. А. Есиков, ссылаясь на «Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии»⁵¹², утверждает, что в среднем в 1920-е годы потребление в пищу составляло 11,4 пуда, «что едва дотягивало до половины обоснованной нормы»⁵¹³. Однако это утверждение основано на недоразумении: обратившись к указанному справочнику, легко убедиться, что 11,4 пуда – это среднее не за все 1920-е годы, а только за пятилетие 1921/22-1926/27 годов, причем сюда входят не все хлебные продукты, а лишь мука и печеный хлеб⁵¹⁴. Учет следующей строки справочника «крупа и бобовые» – даже несмотря на голод 1921 года, приходящийся на рассматриваемое пятилетие, – поднимет это среднее до 14,9 пуд, а учет картофеля примерно до 17 пудов. Как отмечалось выше, по результатам единственного довоенного бюджетного обследования, проведенного в Тамбовской губернии в исключительно урожайном и благоприятном для крестьян 1915 году, потребление зерна и картофеля было определено в 17,0 пуда (таблица 3.2). Для сравнения напомним, что в 1925/26-1928/29 годах, среднее потребление по ЦЧО составляло 18,7 пуда.

Что касается обоснованной нормы потребления хлеба и картофеля, то, как отмечалось выше, она составляет 16,1 пуда в год, то есть питание тамбовских крестьян даже в неблагоприятное пятилетие было в среднем все-таки в пределах нормы. Если же рассматривать весь продуктовый набор в отношении калорийности, то по данным обследования 1926 года среднее потребление тамбовских крестьян оценивалось в 4250 ккал на едока. В Воронежской губернии в этом году среднее потребление крестьян составляло 4410 ккал на едока, а в Курской - 4438 ккал на едока⁵¹⁵. Как отмечалось выше, ЦСУ СССР в 1920-х годах считал, что средним условиям крестьянской жизни и работы удовлетворя-

ет норма в 3750 кал, а норма свыше 4000 ккал обеспечивает даже очень тяжелую работу – то есть в отношении калорийности питание крестьян ЦЧО в 1926 году было вполне достаточным.

Однако следует признать, что до 1925/26 года положение было далеко не столь благополучным, как впоследствии. Неурожай 1924 года тяжело сказался в Центральном Черноземье, и, в отличие от других областей, восстановление сельского хозяйства здесь затянулось. Сопоставление данных о посевах и численности скота в ЦЧО в 1916 и 1927 годах приведено в таблице 3.29. К 1925 году площадь посевов в ЦЧО еще уступала предвоенному уровню, но к 1927 году отставание было ликвидировано. Однако при этом изменилась структура посевов, значительно возросли посевы льна, конопли, подсолнуха и картофеля, в то время как площади под зерновыми еще оставались немного ниже довоенных (по озимой ржи – на 1,5%)⁵¹⁶. Как отмечалось ранее, это было связано с искусственно занижаемыми властями ценами на зерно; технические культуры давали больше прибыли.

Война и кризис привели к резкому сокращению численности рабочего скота. поголовье лошадей восстанавливалось с большим трудом, в 1928 году оно было еще на 18% меньше, чем в 1913 году. Напротив, количество коров увеличилось на 22%⁵¹⁷.

Увеличение потребления, конечно, не означает, что в хозяйстве Черноземья не было проблем. Проблемы были, и очень серьезные. Регион по-прежнему оставался в состоянии антропогенного экологического кризиса. К 1930 году распаханность территории достигла 75,3% (против 71,2% в 1910 году). По уровню распаханности Центрально-Черноземный район не имел себе равных среди регионов СССР⁵¹⁸. Уничтожение лесов и потребительское природопользование приводили к эрозии почв, к распространению оврагов, усилению засушливости климата, что, в конечном счете, вело к уменьшению урожайности. Раздел помещичьих экономий уничтожил наиболее передовые в агротехническом смысле хозяйства, что также не могло не сказаться на общем уровне производства. В результате урожайность не могла подняться выше довоенного уровня: по ржи она составляла 53,4 пуда с десятины в 1924-1927 годах против 54,7 пуда с десятины в 1905-1914 годах⁵¹⁹. Еще одна проблема заключалась в том, что модернизация и «антикулацкая» политика привели к распаду больших семей, и породили миллионы мелких парцеллярных хозяйств, плохо обеспеченных рабочим скотом и инвентарем.

Таблица 3.34 – Обеспеченность крестьянских хозяйств рабочей силой, землей и скотом⁵²⁰.

	ЦЧО		УрО	
	1916	1928	1916	1926

Число хозяйств, тыс.	1534	2120	1096	1224
На двор: душ	6,8	5,3	5,2	4,7
рабочих лошадей	1,1	0,76	1,65	1,21
коров	0,9	0,85	1,73	1,46
Посев на двор (с арендой) (дес.)	4,43	3,87	4,34	4,00

Из таблицы 3.34 видно, что в ЦЧО обеспеченность двора рабочими лошадьми сократилась в полтора раза. На душу крестьянского населения лошадей приходилось в полтора раза меньше, чем в среднем по СССР, и в два с лишним раза меньше, чем на Урале. Еще более негативная картина раскрывается при рассмотрении распределения числа дворов по количеству лошадей (таблица 3.35). По сравнению с довоенным временем число безлошадных хозяйств резко возросло, хозяйства с тремя лошадьми практически исчезли, а доля хозяйств с двумя лошадьми сократилась до 7,5%. Абсолютное большинство крестьянских дворов (51%) имели только одну лошадь – это были «средняки», а безлошадные (40%) считались бедняками.

Таблица 3.35 – Распределение дворов по количеству лошадей (%)⁵²¹.

		Количество лошадей			
		0	1	2	3 и более
ЦЧО	1912	32	29,7	20	18,2
	1928	40,4	51,3	7,5	0,8
УрО	1916	25,8	38,9	22,5	12,8
	1927	22,6	43,8	23,4	10,2

В Тамбовской губернии положение было хуже, чем в других губерниях Черноземья, здесь в 1925 году 55% дворов не имели рабочего скота⁵²². В 1924 году на рабочую лошадь приходилось 8,3 дес. пашни, в полтора раза больше, чем в 1916 году⁵²³. Лишь немногим более половины (53%) хозяйств управлялись своими средствами производства, без найма, более 35% нанимали и рабочий скот и инвентарь; почти две трети пахотных орудий составляли сохи⁵²⁴. Посевы зерновых в 1927 году в губернии оставались на 9% меньше, чем в 1917 году (правда, посевы картофеля увеличились в 2,1 раза)⁵²⁵.

При господстве parcelлярных хозяйств имели место явления, которые специалисты называли «дезорганизацией сельскохозяйственной территории». Чересполосица достигла крайней степени, так что надел иногда состоял из 40 полос в разных местах; были селения, имевшие землю в 4-5 участках, пашня от усадьбы отстояла иногда на 25-30 верст. По-прежнему преобладали большие села, в Курской губернии больше половины селений имели свыше 100 дворов и некоторые достигали пяти верст в длину⁵²⁶. По данным опроса, проведенного в 1922 году, 62% крестьян высказывали недовольство сложившимися поряд-

ками землепользования – главным образом, чересполосицей. Четверть из числа недовольных желала разделить землю на хутора, но большинство стремилось свести свои полосы в отруба или расселиться мелкими поселками с тем, чтобы можно было практиковать многопольный севооборот⁵²⁷.

Положение в животноводстве определялось, прежде всего, острой нехваткой пастбищ. Сенокос и выгон занимал всего лишь 7,7% общей площади; из-за недостатка сена и соломы скот приходилось кормить концентрированными кормами, то есть зерном и мукой. В Тамбовской области концентрированные корма по питательности составляли 40% всего используемого фуража⁵²⁸.

Экономисты 1920-х годов много писали о начавшемся до революции и продолжающемся при нэпе «оскудении» Центрально-Черноземной области. «Как резко аграрная область, она в наиболее ярком виде отразила все недостатки нашей аграрной страны... - отмечал Б. А. Тухтин. – Аграрное перенаселение не является каким-то специфическим признаком одной лишь ЦЧО... Но в ЦЧО это явление приняло наиболее резкие, так сказать, классические формы»⁵²⁹.

Неурожай и голод 1924 года вызвал к жизни постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О мерах восстановления Центрально-Черноземных губерний в хозяйственном и культурном отношении» от 21 сентября 1925 года. В постановлении констатировалось, что упадок Центрального Черноземья стал фактом еще до войны, и «в настоящее время это упадок выражается в *большом количестве избыточного населения, увеличении безлошадности, сокращении посевных площадей и общей культурной и хозяйственной отсталости местного населения*»⁵³⁰. В соответствии с указанным постановлением за три года в сельское хозяйство Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губернии было вложено около 50 млн. рублей⁵³¹. За 1925-1928 года было проведено землеустройство на 40% от всей площади землепользования, создано три тысячи новых поселков, для их обеспечения водой вырыто 4 тысячи колодцев и 1200 прудов, орошено 332 тыс. гектаров земель⁵³².

В Тамбовской губернии было расселено 56 многодворных сел, основано 775 новых поселков с обрабатываемой площадью 180 тыс. дес. Благодаря проведению землеустроительных работ среднее расстояние от крестьянского двора до самой дальней полосы сократилось с 11 до 3 верст, а число полос в каждой поле с 24-36 до 9⁵³³. Тамбовский губисполком в начале ноября 1927 года отмечал, что «сельское хозяйство губернии восстанавливается, начинает перестраиваться и в отдельных частях превзошло довоенный уровень... Посевные площади и количество крупного рогатого скота превзошли по своим размерам уровень 1917 года, число безлошадных снизилось до 48,2% (от общего числа хозяйств), против 54,7%, бывших в 1925 году»⁵³⁴.

В деле землеустройства и агротехнической модернизации советская власть шла по пути П. А. Столыпина, и ее мероприятия фактически следовали закону 29 мая 1911 года: практиковалось проведение группового землеустройства с выделением компактных наделов. В духе Столыпина Земельный кодекс 1922 года значительно расширил права крестьян на владение землей и разрешил выход из общины на хутора⁵³⁵. Однако землеустройство было лишь предварительной стадией для введения новой агротехники, утверждения многопольного севооборота, а между тем, уровень посевов трав – необходимое условие такого севооборота – оставался ниже, чем в 1913 году⁵³⁶. Таким образом, результаты принимаемых мер должны были сказаться не скоро. Изменения к лучшему, произошедшие в 1927 году, были связаны не столько с проводимыми мероприятиями, сколько с тем, что после двух засух, 1925 и 1926 годов, настали, наконец, благополучные, урожайные годы. Благодаря благоприятной погоде на тамбовщине валовый сбор зерна в 1927 году составил 140 млн. пудов - на 38% больше, чем в 1913 году⁵³⁷.

В соответствии с постановлением 21 сентября 1925 года было организовано кредитование крестьянских хозяйств для приобретения лошадей, плугов и другого сельхозинвентаря. Но процесс восстановления лошадиного поголовья протекал медленно: многие крестьяне считали невыгодным держать при маленьком наделе лошадь, которая может обработать два таких надела. Это была проблема, общая для всех черноземных губерний. Селькор Иван Зольников писал, что в его селе Краснослободка Пензенской губернии до революции на 250 домов было 200 лошадей, а теперь на 357 хозяйств - 185 лошадей и 172 хозяйства безлошадные. Но «безлошадные у нас хозяйства, могущие купить лошаденку, и такие, которые купят двух, но не хотят, им не выгодно. Из этих 172 хозяйств сотня живет очень хорошо, имеют по корове, пьют, едят отлично, обувь и одежда в избытке...»⁵³⁸ Для крестьянина часто было выгоднее нанять лошадь у соседа или купить одну лошадь на два двора и работать «супрягой»; конечно, это увеличивало нагрузку на лошадей, и их приходилось все в большей степени кормить овсом дополнительно к сену и соломе. В 1926/27 году на корм одной лошади расходовалось в среднем по ЦЧО 54,8 пудов зерна⁵³⁹ – до революции считалось, что подкормка для лошадей в среднем составляет 25 пудов зерна⁵⁴⁰. Напомним, что в те времена на Черноземье было огромное количество лошадей – по подсчетам А. А. Иванова, количество, намного превосходящее число, необходимое для обработки посевных площадей, и притом эти лошади, ввиду недостатка кормов, содержались на голодном пайке (см. пункт 3.2). «В районах аграрно-перенаселенных... - отмечал А. В. Чайнов, - лошади и инвентарь до войны, благодаря парцелляризации хозяйств, настолько перегружали хозяйства и так мало

использовались, что их уменьшение не означало уменьшения производственных возможностей сельского хозяйства в целом, а приводило только к развитию сдачи и найма этих средств производства»⁵⁴¹. С этой стороны в сокращении числа лошадей при одновременном улучшении их кормления можно видеть некоторую рационализацию производства – но для современников безлошадность, несмотря ни на что, была символом бедности.

Возвращаясь к сообщению Ивана Злотникова, необходимо отметить, что потребности крестьян были очень ограниченными, на уровне 20 пудов хлеба в год на душу. «Как только цель достигнута, - писал Л.Н. Литошенко, - 20 пудов хлеба и пара сапог обеспечены, стимулы к труду не только падают, но прямо исчезают, и крестьянин предпочитает целыми днями лежать на печи»⁵⁴². Купить лошадь и получше обработать пашню, чтобы, увеличив урожай, продать излишки и купить вторую пару сапог – это было против крестьянских принципов (и был риск быть записанным в кулаки). За исключением того, что крестьяне стали есть досыта и потреблять много самогона, в деревенском быту мало что изменилось. По данным обследования 1928 года в Воронежском округе 68% изб были крыты соломой, 51% имели земляные полы. Жилища, как правило, имели одну комнату, бани были только в 11% дворов, половина крестьян ходила мыться на реку, у половины обследованных были найдены вши⁵⁴³.

В 1925/26 -1927/28 годах товарная часть продукции крестьянского хозяйства сократилась с 21,8% до 18,8%, причем существенно изменилась ее структура: происходила замена зерна продуктами животноводства⁵⁴⁴. Зерновые излишки теперь направлялись не на рынок, а на корм скоту; полученное мясо реализовывалось на рынке – или потреблялось самими крестьянами. Душевое потребление на фураж за это время возросло с 8,3 до 11,3 пуда, расход зернового корма на корову увеличился с 4,8 до 9,0 пуда⁵⁴⁵, росло поголовье свиней, которых тоже подкармливали зерном.

Ситуация на Урале отличалась от ситуации на Черноземье в двух отношениях: во-первых, здесь не было недостатка в пашнях и пастбищах, и во-вторых – здесь имела развитая горная промышленность, дававшая крестьянам дополнительные заработки. Измельчание хозяйств произошло на Урале еще до революции, и в 20-х годах этот процесс уже затихал. Размер семей на Урале в конце 1920-х годов был меньше, чем на Черноземье (соответственно 4,8 и 5,3 человека). Уральские семьи засевали примерно столько же зерновых, сколько семьи в ЦЧО, но до революции крестьяне Черноземья должны были отдавать большую часть зерна в качестве арендной платы, теперь же они, как и уральские крестьяне, получали весь урожай – и сравнивались с уральцами в отношении потребления зерновых и картофеля. Сопоставление дан-

ных 1909/10 -1913/14 и 1925/26-1928/29 годов (таблица 3.37) говорит о том, что душевой остаток на потребление зерна и картофеля увеличился на Урале с 24,2 до 32,6 пуда, то есть на 35%. Формально это увеличение было примерно таким же, как на Черноземье (с 24,7 до 32,0), но оно произошло не за счет уменьшения вывоза, как на Черноземье, а за счет увеличения душевого чистого сбора (см. таблицу 3.37).

Таблица 3.36 – Данные хлебофуражных балансов Уральской области 1925/26 – 1928/29 годов⁵⁴⁶

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	средние
Население (тыс.)	6558	6786	7031	7344	6929,8
Сбор (млн. пуд.)	273,7	296,9	250,1	301,3	280,5
Высев (млн. пуд.)	43,0	46,1	43,7	48,6	45,3
Чистый сбор (млн. пуд.)	230,7	250,8	206,5	252,7	235,2
Душевой чистый сбор (пуд.)	35,2	37,0	29,4	34,4	34,0
Потребление (мука, крупа) (млн. пуд.)	94,2	94,9	96,9	98,3	96,1
Самогон, потери (млн. пуд.)	4,9	14,2	8,0	8,4	8,9
Потребление (зерно) (млн. пуд.)	99,1	109,1	104,9	106,7	104,9
Душевое потребление (пуд.)	15,1	16,1	14,9	14,5	15,2
Фураж (млн. пуд.)	101,3	117,5	101,3	103,5	105,9
Фураж на душу населения (пуд.)	15,4	17,3	14,4	14,1	15,3
Душевое потребление с фуражом (пуд.)	30,6	33,4	29,3	28,6	30,5
Промышленность (млн. пуд.)	1,8	2,5	2,7	2,6	2,4
Вывоз (млн. пуд.)	15,3	8,5	7,5	20,8	13,0
Вывоз на душу (пуд.)	2,3	1,3	1,1	2,8	1,9
Накопление (млн. пуд.)	14,2	14,9	-11,1	18,0	9,0
душевое накопление (пуд.)	2,2	2,2	-1,6	2,4	1,3
Остаток на потребление: душевое потребление с накоплением (пуд.)	32,7	35,6	27,7	31,1	31,8

Это может привести нас к выводу о том, что после войны на Урале улучшилась агротехника и увеличилась урожайность – однако в действительности это не так, агротехника и урожайность остались прежними (урожайность ржи в 1926-1927 годах составляла 54,1 пуда с десятины, а в 1905-1914 годах – 53,7 пуда с десятины⁵⁴⁷). Дело в том, что сравнение относительного урожайного периода 1925-1928 годов с 1909-1913 годами в приложении к Уралу не вполне корректно: в 1911 году на Урале имел место катастрофический неурожай, когда крестьяне не собрали даже семян. В результате средние данные для 1909/10-1913/14 годов получаются заниженными по сравнению с обычными годами; здесь мы сталкиваемся с той проблемой, на которую обратил внимание С. Уиткрофт – с сильными колебаниями урожаев (и потребления) не только по отдельным годам, но и по пятилетиям⁵⁴⁸. Это явление было особенно характерным для засушливой полосы Поволжья и Южного Урала –

за гибелью урожая в 1911 году здесь последовали два столь же губительных неурожая в 1920-1921 годах. Таким образом, мы можем утверждать, что душевое потребление в 1909/10-1913/14 годах (24,2 пуда) не является характерным для Урала, что более характерны потребление этого периода в Пермской губернии (27,4 пуда) или потребление на территории УрО в 1913/14 году (см. таблицу 3.37). 1913/14 год, также как 1925/26-1928/29 годы был годом хорошего урожая и оказывается, что в 1913/14 году остаток на потребление был таким же, как в 1925/26-1928/29 годах - то есть революция мало что изменила для уральских крестьян. Это естественно – ведь их землепользование (в отличие от землепользования крестьян Черноземья) практически не увеличилось, и условия хозяйствования остались, в общем, прежними.

Таблица 3.37 – Сопоставление данных о производстве и потреблении в Уральской области в докризисное и послекризисное время⁵⁴⁹

	1909/10- 13/14	1913/14	1925/26- 28/29
Население, млн.	6226	6370	6930
Зерновые			
Чистый сбор, млн. пуд.	152	212	235
Чистый сбор на душу, пуд.	24,4	33,3	33,9
Вывоз, млн. пуд.	1,4	3,8	13,0
Вывоз на душу, пуд	0,2	0,6	1,9
Расход на винокурение и армию, млн. пуд	2,4	3,4	2,4
Остаток на потребление, млн. пуд	148,2	204,8	219,8
Душевой остаток на потребление, пуд.	23,8	32,1	31,7
Картофель			
Чистый сбор, млн. пуд.	14,7	16,7	31,7
Расход на винокурение, млн. пуд.	1,3	1,9	0,2
Остаток на потребление, в пересчете на зерно 5:1, млн. пуд.	2,7	3,0	6,3
Душевой остаток на потребление, в пересчете на зерно 5:1, пуд	0,4	0,5	0,9
Душевой остаток на потребление зерна и картофеля, пуд	24,2	32,6	32,6

Оценивая другие показатели, представленные в таблицах 3.36 и 3.37 можно отметить, что на Урале несколько увеличился вывоз хлеба - но он оставался небольшим и был меньше, чем вывоз с Черноземья. Картофель на Урале еще не получил такого распространения, как в центральных районах – сказывалась замедленность процессов модернизации. Значительно более высоким было душевое потребление зерна на фураж – 15,3 пуда вместо 9,6 на Черноземье, что объяснялось намного большей численностью скота. Хотя по сравнению с дореволюционным временем количество лошадей уменьшилось, на двор на Урале приходилось в среднем 1,21 рабочей лошади и 1,46 коровы вместо

0,76 лошади и 0,85 коровы в ЦЧО (таблица 3.34). В условиях избытка пастбищ (из таблицы 3.38 видно, что доход от луговодства был в пять раз больше, чем в ЦЧО) на Урале не было той проблемы безлошадности, которая была характерна для Черноземья; здесь сохранялось много хозяйств, имевших двух и трех лошадей (см. таблицу 3.35). При этом специалисты отмечали, что «тяговая сила рабочей лошади использовалась на Урале в очень слабой степени»⁵⁵⁰. В 1925/26 году в среднем на лошадь приходилось лишь 110 рабочих дней в году, причем 87 из них она работала в своем хозяйстве и 23 дня – вне своего хозяйства, то есть на подработках⁵⁵¹. Если в ЦЧО на лошадь приходилось в среднем 7,0 дес. посева, то на Урале – только 3,3 дес. С другой стороны, на рабочую лошадь расходовалось в среднем 47,5 пуда зерна в год – лошадь потребляла как три члена семьи, и на лошадей уходило 74% всего зернофуража (коровы питались преимущественно сеном и соломой)⁵⁵².

Доля безлошадных крестьян на Урале была, конечно, много меньшей, чем на Черноземье, но все-таки, довольно большой - в 1926 году 18,2% хозяйств нанимали чужих лошадей⁵⁵³. Это обстоятельство привело В. П. Гурова к выводу о существовании в некоторых округах Уральской области аграрного перенаселения⁵⁵⁴ – но, этот вывод, был, конечно, несправедливым. Дело в том, что подавляющее большинство безлошадных хозяйств на Урале – это были беспосевные дворы и дворы с посевом менее 1 десятины, принадлежащие крестьянам-рабочим, то есть крестьянам, получавшим основной доход от работы на заводах, на рудниках или лесоразработках. Среди учтенного в 1926 году весенним опросом сельского населения было 3,0% сельскохозяйственных рабочих и 11,1% несельскохозяйственных рабочих, служащих, ремесленников⁵⁵⁵. 12,6% всех крестьянских хозяйств на Урале не имели не только лошадей, но и посевов, - это были жившие в деревне рабочие, и что характерно, доходы этой прослойки были выше, чем доходы крестьян, - очевидно, именно этим, а не недостатком земли, объяснялся переход части крестьян к «промыслам»⁵⁵⁶.

За счет прослойки деревенских рабочих «средний» уральский крестьянин был в какой-то степени и рабочим: эта специфика хорошо видна из сопоставления доходов уральских и черноземных крестьян (таблица 3.38).

Таблица 3.38 – Доходы и расходы в расчете на душу населения по данным бюджетов 1925/26 года (руб. в год)⁵⁵⁷

	Крестьянские семьи		Рабочие семьи (по СССР)
	ЦЧР	Урал	
Валовая продукция с/х	107,6	137,0	
Условно-чистый доход	85,7	110,8	267,2

в т. ч.:	от полеводства	51,3	52,2	
	огородничества	2,1	2,0	
	луговодства	3,6	18,7	
	скотоводства и птицеводства	6,9	-3,4	
	от лесопользования	1,4	9,9	
	от охоты, рыболовства, кустарных промыслов, торговли	1,0	4,2	
	от заработков вне своего хозяйства	14,1	25,4	
	Расходы	86,0	115,4	266,4
В т.ч.:	питание	48,7	59,1	119,5
	отопление	4,9	7,1	17,3
	обувь, одежда и белье	15,6	20,6	65,8
	Хозяйственные промтовары и лесоматериалы	5,3	10,4	13,1
	налоги	1,4	4,1	0,0

Как видно из таблицы 3.38, уральские крестьяне получали от найма около четверти своего дохода – значительно больше, чем крестьяне Черноземья. Другим преимуществом уральцев было наличие лесов, лугов и пастбищ, и соответственно, большие доходы от лесоводства и луговодства. Доходы от полеводства (как и посеvy) на Черноземье и на Урале были примерно одинаковыми. Но вот скотоводство на Урале, в отличие от Черноземья, оказывалось убыточным – очевидно, из-за содержания большого количества «излишних» лошадей. В целом, однако, душевой доход на Урале был на 30% выше, чем на Черноземье – и соответственно, выше были расходы на питание, одежду и т.д. Заметим, что выше были и налоги, которые менялись с ростом доходов по прогрессивной шкале - однако, в общем, налоги не превосходили 3,7% доходов.

В отношении агротехники в 20-е годы на Урале не произошло радикальных изменений. В 1926 году 3/5 пахотных орудий составляли старинные сохи, косули и сабаны. Сортовыми семенами засеивалось лишь 1,6% всей посевной площади; минеральные удобрения практически не применялись. Навозом удобрялось только 5% посевов, причем в Зауралье вывозилось на поля только 16% имевшегося навоза, остальное сваливалось в овраги⁵⁵⁸. Причиной, как и прежде, была удаленность полей, «дезорганизация сельскохозяйственной территории». В Шадринском округе, где эта дезорганизация была наибольшей, по отзывам специалистов, «зерновое хозяйство уже подошло к кризису»⁵⁵⁹. Прежних богатых фермеров, имевших по четыре лошади, здесь практически не осталось. Для решения проблемы дальнего земледельца требовалось расселение больших деревень, что требовало больших средств⁵⁶⁰. Но определенная работа проводилась: к 1928 году было землеустроено 44% всех земель, распространился посев сортированными семенами, около 20% площади засеивалось рядовыми жатками⁵⁶¹. В целом, картина по области была достаточно пестрой. В Ирбитском округе отмечалось

распространение травосеяния и увеличение урожайности⁵⁶², в Троицком округе, напротив, агротехника оставалась самой примитивной, округ с трудом оправлялся от голода 1921 года, и в 1926 году посевы здесь были на 20% меньше, чем в 1916 году⁵⁶³. Очевидно, что при таких темпах аграрной модернизации она могла дать эффект лишь в дальней перспективе.

Среди параметров, характеризующих уровень жизни населения, значительное место занимают уровень цен и реальной заработной платы. При исчислении реальной заработной платы встает естественный вопрос об учете движения цен и о наборе товаров, для которых учитывается это движение. И. Г. Дроздов, формально используя индекс движения цен на всю совокупность товаров (таблица 3.30), нашел, что по сравнению с 1913 годом реальная заработная плата батрака в Центрально-Земледельческом районе в 1926 году существенно уменьшилась⁵⁶⁴. Это произошло, главным образом за счет вздорожания промышленных товаров – однако неясно, какая доля приходится на промышленные товары при расчете индексов движения цен, соответствует ли она реальной доле этих товаров в крестьянском бюджете. Обычный прием оценки реальной заработной платы – это перевод ее в рожь и мясо, подобно тому, как мы делали это для довоенного периода (см. таблицу 3.14). Но в 1925-1928 годах применение такого приема встречает существенные затруднения вследствие нестабильности цен в конце этого периода, в 1927-1928 годах; в этот период на продукты существовали различные цены, государственные, кооперативные и частные, причем последние сильно менялись даже в течение одного года. Поэтому мы можем оценить реальную зарплату только в 1925-1926 годах, но и в этом случае нужно учитывать, что цены на рожь, использованные при этих подсчетах являются средними за год после жатвы и в течение этого года они несколько возросли, так что в действительности, если бы батрак сразу же тратил полученные деньги, он получил бы больше тех количеств продуктов, которые указаны в таблице. Кроме того, по состоянию источников мы были вынуждены использовать рыночные цены на рожь в городах; если бы использовались цены в деревне, то это дало бы еще одну прибавку к реальной зарплате (для УрО эту прибавку можно оценить в 16%⁵⁶⁵).

Таблица 3.39 – Цены на продукты питания и поденная плата пешего работника на своих харчах в период жатвы в 1925-1926 годах⁵⁶⁶.

	Цена в коп. за пуд		поденная плата на жатве (коп.)	Поденная плата в кг	
	рожь	говядина		рожь	говядина
ЦЧО	108	877	126	19,1	2,3
УрО	85	856	121	23,3	2,3

Таким образом, данные о реальной заработной плате, представленные в таблице 3.39 являются несколько заниженными. Тем не менее, сравнивая эти данные с данными таблицы 3.14, можно сделать вывод, что оплата батраков в зерне по сравнению с довоенными временами возросла, а оплата в мясе несколько уменьшилась. В свете вычислений И. Г. Дроздова становится очевидным также и то, что уменьшилось количество промышленных товаров, которые могли приобрести сельскохозяйственные рабочие – и крестьяне в целом. Как отмечает К. Б. Литвак, рост зажиточности крестьян в эпоху нэпа сказался, главным образом, в потреблении продуктов питания – но не в потреблении промышленных товаров⁵⁶⁷.

3.9 Кризис нэпа

Как отмечалось выше, по сравнению с докризисными временами в 1925-1928 годах не отмечалось увеличения душевых сборов зерна. Однако душевое потребление увеличилось на 20% за счет резкого (в 12 раз) сокращения экспорта. В Центральном Черноземье – одном из основных регионов производства товарного хлеба – потребление увеличилось на 30%, также в основном за счет сокращения вывоза из региона. «Наиболее широкие слои деревни ведь сколько-нибудь сносно стали есть только после революции, - говорил в 1928 году председатель Совнаркома А. И. Рыков, - и в связи с этим мы имеем колоссальный рост потребления при понижении роста продукции на душу населения. Это в значительной мере служит основной для кризисных явлений на сельскохозяйственном рынке»⁵⁶⁸. Суть проблемы состояла в том, что, по мнению руководителей ВКП(б), крестьяне, поделив помещичьи земли, увеличили личное потребление хлеба и поэтому резко сократили его поставку на рынок, не только ликвидировав экспорт, но и нарушив снабжение городов.

В. С. Немчинов (который был одним из руководителей ЦСУ и на которого ссылаются многие историки) определял для довоенного времени товарную часть хлеба в 1300 млн. пуд. из 5000 млн. пудов валовой продукции, а в 1926/27 году, по данным В. С. Немчинова, товарная часть составляла 630 млн. пуд. из 4749 млн. пуд валовой продукции, то есть сократилась на 670 млн. пуд.⁵⁶⁹ Эти цифры служили отправным пунктом для политических решений – именно на них ссылался И. В. Сталин при обосновании программы коллективизации: «Ликвидация помещичьего (крупного) хозяйства, сокращение кулацкого (крупного) хозяйства более чем втрое и переход к мелкому крестьянскому хозяйству... должны были привести и действительно привели к резкому сокращению производства товарного хлеба по сравнению с довоенным временем... Выход состоит, прежде всего, в том, чтобы перейти от

мелких, отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам»⁵⁷⁰.

Крестьяне увеличили потребление зерна не только в пищу, но и на фураж. «Зерно в значительной мере стало использоваться на корм скоту, - писали В. П. Данилов и В. А. Козлов в «Истории советского крестьянства»⁵⁷¹, - то есть для производства мяса, идущего также для собственного потребления крестьян. До революции в крестьянской семье на едока приходилось не более 16 кг мяса в год, а в 1926 г. - уже 30-32 кг. Значение этого факта точно оценил Д. Н. Прянишников - выдающийся ученый. «Только ценой вегетарианства крестьянских масс, - писал он, - мы могли поддерживать мясное питание наших западных соседей. Дело в следующем: для получения пуда свинины нужно сэкономить пять пудов зерна... Если бы наши крестьяне решили увеличить до революции свое мясное питание, давая, например, по фунту свинины каждому члену семьи раз в неделю, на это ушло бы 600 млн. пудов зерна, то есть этот несъеденный фунт свинины по воскресеньям и давал возможность вывозить наш хлеб на пользу датского и германского животноводства»⁵⁷². «Названная Д. Н. Прянишниковым цифра как раз и составляет большую часть сокращения товарного хлеба по сравнению с дореволюционным временем», - констатируют В. П. Данилов и В. А. Козлов⁵⁷³.

Однако имеются основания усомниться в официальной точке зрения о критическом сокращении товарности крестьянских хозяйств. Дело в том, что В. С. Немчинов не раскрыл ни источников своей информации, ни методики подсчета. Пытаясь проверить эти данные, И. Д. Ковальченко принял за товарную часть хлеба в довоенный период тот его объем, который перевозился железнодорожным и водным транспортом - 1338 млн. пуд в среднем в 1909-1913 годах (что близко к цифре В. С. Немчинова)⁵⁷⁴. Если следовать этому методу, то для 1926/27 году товарная часть хлеба определится в 965 млн. пуд.⁵⁷⁵ - значительно больше, чем по В. С. Немчинову. («Статистический справочник СССР за 1928 г.»⁵⁷⁶ дает еще большую цифру - 992 млн. пудов⁵⁷⁶, но мы остановимся на цифре в 965 млн. пудов, с тем, чтобы оперировать данными, полученными по единой методике). Если учесть, что в 1909-1913 годах экспортировалось в среднем 718 млн. пудов, а в 1926/27 году - только 156 млн. пудов, то на внутреннюю торговлю оставалось в 1909-1913 годах 620 млн. пудов, а в 1926/27 году - 809 млн. пудов. Это означает, что снабжение городов и промысловых сел не только не сократилось по сравнению с довоенным, но увеличилось на 30%.

Что же касается вопроса об увеличении потребления мяса, то он является достаточно сложным, так как это потребление сильно зависит от времени года. Потребление летом существенно, примерно в полтора-два раза, ниже потребления осенью и зимой, когда осуществляется за-

бой скота и существуют хорошие условия для хранения⁵⁷⁷. По данным зимних обследований душевое потребление мяса в производящей полосе в 1925/26 году превысило 2,5 пуда⁵⁷⁸. Специалисты сравнивали эту цифру с данными довоенных обследований (таблица 3.2) и приходили к выводу, что душевое потребление мяса возросло более чем на пуд. Однако, ввиду того, что потребление мяса сильно колеблется по сезонам, Экспертный Совет отдавал предпочтение бюджетным записям, которые велись на протяжении всего года, и делал при этом значительную скидку на нерепрезентативность данных (15%). По расчетам Экспертного Совета объем потребления мяса сельским населением были невелики: 0,85 пуда в 1924/25 году, 1,0 пуд в 1925/26, 1,12 пуда в 1926/27 году⁵⁷⁹. Это, конечно, не означает, что потребление мяса не возросло по сравнению с довоенным временем: результаты довоенных обследований были также завышены, и реально мы не имеем репрезентативных материалов для сравнения. Однако, в любом случае, потребление не могло увеличиться на целый пуд. Об этом говорит и то обстоятельство, что повышение душевого расхода на фураж по сравнению с 1909-1913 годами составило только 3,3 пуда - явно недостаточное количество для производства дополнительного пуда свинины (тем более что увеличился расход на корм для коров).

Таким образом, увеличение потребления мяса крестьянами не могло угрожать снабжению городов хлебом, и это снабжение осуществлялось в 1926/27 году в масштабах, значительно превосходящих довоенные. Чем же объясняется кризис снабжения, внезапно разразившийся в следующем году?

Высокая товарность хозяйства до революции объяснялась, в частности, тем, что крестьяне должны были продавать зерно, чтобы оплатить налоги, аренду, рассрочку банку за купленные в кредит земли. Как отмечалось выше, платежи крестьян Европейской России (их совокупная рента) в 1912 году составляли в сумме 660 млн. руб. или 6,2 руб. на душу сельского населения. Чтобы оплатить эту сумму при средней заготовительной цене в 83 коп. за пуд⁵⁸⁰, крестьяне должны были поставить на рынок 795 млн. пудов хлеба. «Подстегиваемое земельными и прочими платежами крестьянство *вынуждалось** тащить на рынок все, что могло тащить, вырывая из своего рта», - писал Н. П. Огановский⁵⁸¹. Кроме того, 275 млн. пудов поставляли помещичьи хозяйства, так что в целом дореволюционная социально-экономическая система подразумевала отнюдь не добровольную поставку сельским населением на рынок продуктов, эквивалентных 1070 млн. пудов хлеба. За счет этих поставок осуществлялся экспорт (порядка 640 млн. пудов), а остальная часть хлеба (то есть 430 млн. пудов) шла на снабжение городов и армии - в

---

* Выделено Н. П. Огановским

дополнение к тому, что крестьяне поставляли добровольно, в порядке обмена. Отсюда видно, что взаимобмен между городом и деревней до революции был далеко не эквивалентным, и разрушение существовавшей системы было чревато нарушением снабжения городов. Это снабжение стало нарушаться вместе с ослаблением власти в 1916 году и окончательно рухнуло в 1917 году. Восстановить его можно было только введя продразверстку, которая впоследствии была заменена продналогом и единым сельхозналогом. В итоге, совокупная рента крестьян резко уменьшилась. В 1925/26 году прямые налоги сельского населения СССР составляли 467 млн. руб.⁵⁸². Чтобы оплатить эту сумму, крестьяне при средней заготовительной цене в 105 коп за пуд⁵⁸³ должны были поставить на рынок 446 млн. пудов хлеба – или же продать другие товары на указанную выше сумму. 117 млн. пудов хлеба от максимального объема в 446 млн. пудов ушло в 1925/26 году на экспорт, а на снабжение городов и армии осталось не более 329 млн. пудов. Конечно, это было недостаточное количество (даже если бы все оно было в хлебе), и в новой ситуации уменьшения совокупной ренты основная задача снабжения должна была решаться по каналам добровольного обмена.

Государственные и кооперативные организации закупали у крестьян хлеб, и поскольку рынок был открыт для частника, то цена была в своей основе рыночная. В 1924/25 -1925/26 годах ввиду плохих урожаев цены поднялись так, что в апреле 1925 года превысили экспортную цену, сделав вывоз невозможным⁵⁸⁴. Так как хлеб оставался главным экспортным товаром, то прекращение экспорта резко ограничивало возможность закупок промышленного оборудования. Советское правительство рассматривало экспорт хлеба как инструмент обеспечения индустриализации; оно признавало, что довоенный экспорт хлеба восстановить не удастся, но рассчитывало ежегодно вывозить 200-300 млн. пудов для получения необходимой валюты⁵⁸⁵. Было принято решение о снижении закупочных цен в 1926/1927 хозяйственном году - и его удалось провести в жизнь, благодаря очень хорошему урожаю и мерам по ограничению частной торговли⁵⁸⁶. На 1927/28 год была поставлена задача по удержанию цены на низком уровне⁵⁸⁷ – была выдвинута теория использования в целях индустриализации «ножниц цен», при которых, как пояснял И. В. Сталин, крестьяне «переплачивают на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности... и недополучают на ценах на сельскохозяйственные продукты... это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии»⁵⁸⁸. Однако в 1927 году урожай был хуже прошлогоднего, осенью частные цены поднялись и значительная часть крестьян отказалась продавать зерно государству по прошлогодним (даже немного пониженным) ценам. Цены в частной торговле были на 60% выше, чем у государства, но из-за ограничений

властей частные закупки почти прекратились; некоторые крестьяне сами везли хлеб за 150-200 верст в города, чтобы продать его на рынке. Многие кулаки скупали хлеб у своих соседей с целью продать его позже, когда государство окажется вынужденным поднять закупочную цену. Чтобы оплатить налоги, большинство крестьян продавали мясо и другие продукты животноводства, цены на которые оставались рыночными⁵⁸⁹. Заместитель наркома финансов М. И. Фрумкин, посланный с инспекцией на Урал, подчеркивал, что «при слабом налоге крестьяне получили полную возможность не только покрывать все свои платежи, но также осуществлять покупку промтоваров, имеющихся в весьма умеренном размере, не прибегая к продаже хлеба»⁵⁹⁰. За девять месяцев 1927/28 года уральские крестьяне продали в полтора раза больше мяса и в два раза больше яиц, чем за соответствующий период предыдущего года, хлеба же за октябрь-декабрь на Урале (и по всей стране) было заготовлено вдвое меньше, чем раньше⁵⁹¹. В Тамбовской губернии была заготовлена только треть планового количества хлеба: крестьяне предпочитали продавать хлеб частным скупщикам, которые давали на 50-60% больше государственной заготовительной цены. Как и на Урале, для уплаты налога предпочитали продавать мясо: пуд свинины стоил, как десять пудов ржи⁵⁹². Кроме того, на руках у крестьян имелось большое количество свободных денег, по некоторым оценкам, в крестьянских сундуках осело около одного миллиарда рублей, в том числе в ЦЧО порядка 130-140 миллионов⁵⁹³ – так что зажиточные крестьяне могли заплатить налоги, ничего не продавая государству.

Для обеспечения городов, армии и районов производства технических культур государству необходимо было иметь 500 млн. пудов хлеба, а к январю закуплено было только 300 млн. Начались перебои с поставкой хлеба в города, у магазинов выстроились длинные очереди, в некоторых местах происходили волнения. На Урале в ряде мест было введено нормированное снабжение хлебом. Тяжелое положение сложилось в хлопковых районах, план поставок хлеба в Узбекистан был выполнен в январе только на 40%⁵⁹⁴.

В этой обстановке власти прибегли к административным мерам воздействия: была введена в действие статья 107 УК РСФСР, предусматривавшая лишение свободы по суду до трех лет лиц виновных в злостном повышении цен на товары путем «скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок». Таким образом, уголовному преследованию подвергались не только скупщики хлеба, но производители, хранившие большие количества своего зерна про запас. На Урале в январемарте 1928 года у 255 хозяйств было конфисковано от 1 до 4 тыс. пудов хлеба в каждом. Одновременно была практически полностью прекращена рыночная торговля хлебом. Крестьянство протестовало: по всей стране было зафиксировано около 150 крестьянских выступлений. Но,

в конечном счете, с помощью применения насильственных мер властям удалось выполнить план хлебозаготовок и обеспечить снабжение городов до сбора нового урожая⁵⁹⁵.

Однако резкое сокращение рыночной торговли привело к тому, что государству пришлось взять на себя снабжение тех секторов экономики и тех потребляющих районов страны, которые раньше обсуживались частной торговлей. Расходы на снабжение возросли более чем на 120 млн. пудов, и государству пришлось направить на эти цели зерно, предназначавшееся для экспорта⁵⁹⁶.

Правительство расценивало административный нажим зимы и весны 1928 года как чрезвычайную меру и не рассчитывало повторять его вновь. К осени 1929 года были повышены закупочные цены на зерно – но заготовки шли плохо. Снова началась нехватка хлеба, и в результате в начале 1929 года пришлось ввести нормированное снабжение в Москве и Ленинграде, а затем во всей потребительской полосе. В марте 1929 года возобновилось применение чрезвычайных мер, включая статью 107 УК. Хотя острого кризиса удалось избежать, уровень снабжения городов ухудшился. 17 крупнейших городов потребляющей полосы получили в первом полугодии 1929 года на 16% меньше хлеба, чем в соответствующий период 1928 года⁵⁹⁷. Экспорт практически прекратился – таким образом, оказалось, что низкие закупочные цены не решают проблему финансирования индустриализации с помощью хлебного экспорта. Правительство было вынуждено признать, что дело не в ценах и не в сопротивлении кулачества, а просто в недостатке хлеба, в низком уровне зернового производства – и в росте населения⁵⁹⁸. Нарком торговли А. И. Микоян говорил на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 года: «...В области зерновых посевов мы имеем всего 92% от довоенного, то есть 8% недобора, что в валовом сборе соответствует приблизительно 350-400 млн. пудов... Кроме того, нужно иметь в виду, что у нас быстро растет население, растет в городе и в деревне. Рост городского населения за последние годы составляет ежегодно примерно 6%, а все население возрастает на 2%, а против 1914 года, по данным ЦСУ, население СССР возросло примерно на 11 млн. душ. Это возросшее население потребляет 140-150 млн. пуд. дополнительного количества хлеба...»⁵⁹⁹.

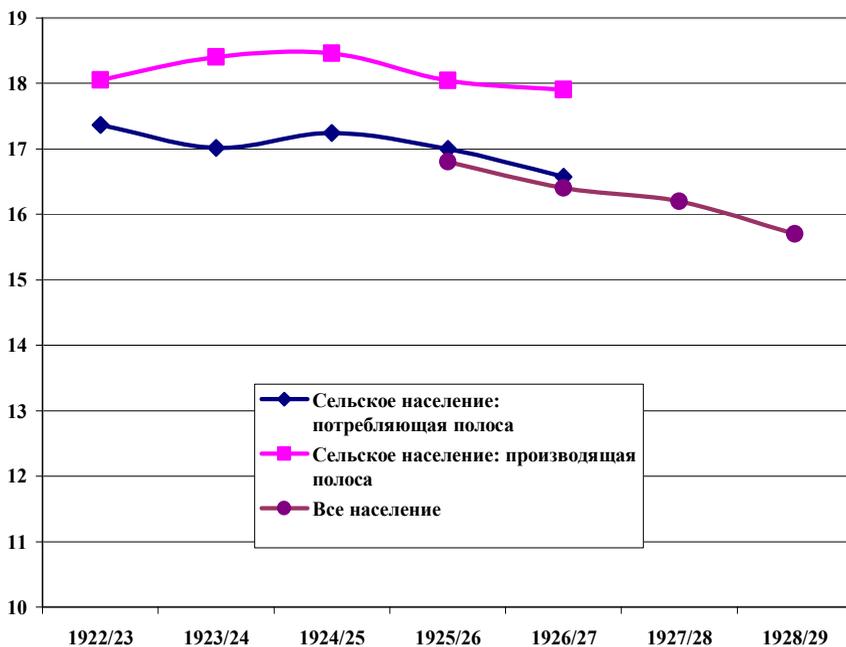

Рисунок 3.7 - Душевое потребление хлебов и картофеля (пуд./год)⁶⁰⁰.

Таким образом, мы видим здесь чисто *мальтузианское объяснение* хлебозаготовительных трудностей: при низком уровне производства рост населения вызывает нарастающую нехватку хлеба. Конечно, это была нехватка по отношению к новому, более высокому, чем довоенный, уровню потребления – но в целом продовольственные трудности означали, что потребление уменьшается. Материалы бюджетных обследований позволяют более детально проследить динамику потребления продуктов в пищу. Потребление зерновых и картофеля сельским населением резко возросло сразу же после голода 1921/22 годов и достигло 18 пудов - даже с учетом 5% скидки Экспертного совета (см. рис. 3.5). Эти значения превосходили завышенные бюджетные средние довоенного периода (17,7 пуда), и конечно, значительно превышали реальное довоенное потребление. При этом надо учесть, что душевое потребление сельского населения существенно превосходило потребление городского населения и среднее потребление всего населения, о котором говорилось выше. Динамика потребления сельского населения показывает, что после 1924/25 года потребление хлеба и картофеля стало уменьшаться (см. рис. 3.7). Специалисты объясняли это изменением структуры питания, частичной заменой хлеба мясом⁶⁰¹.

Однако, как было показано выше, в целом потребление мяса было невелико, и поскольку мясо в три раза менее калорийно, чем рожь, то увеличение его потребления не могло объяснить гораздо более существенного уменьшения потребления зерновых. Кроме того, мы не имеем экспертных данных о потреблении мяса в 1927/28 – 1928/29 годах, но уменьшение расхода фуража говорит о том, что душевое производство мяса в эти годы должно было снизиться (см. табл. 3.26). Таким образом, уменьшение потребления зерновых и картофеля 1927/28 – 1928/29 годах происходило одновременно с уменьшением потребления мяса.

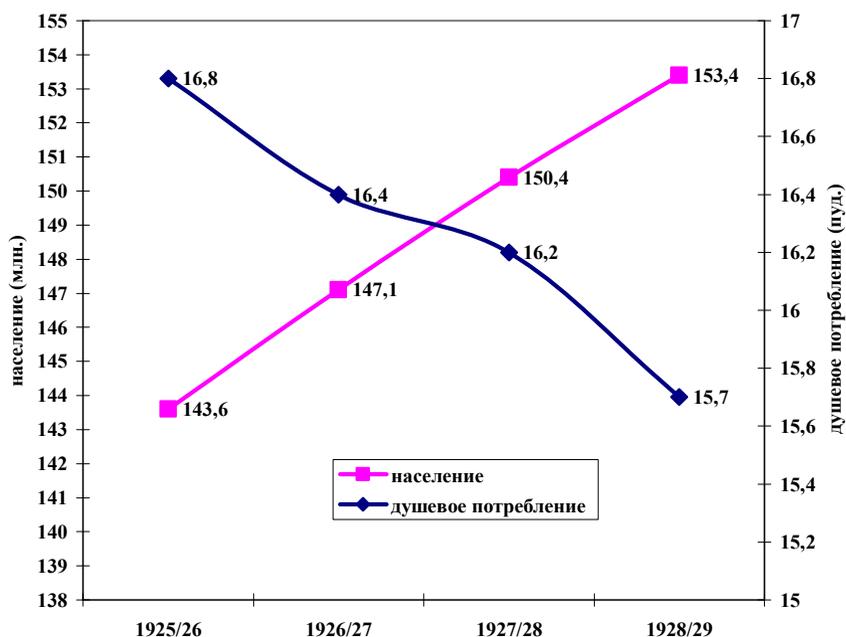

Рисунок 3.8 - «Мальтузианские ножницы» - рост населения приводит к падению потребления⁶⁰².

Что же было причиной уменьшения потребления? Поскольку производство зерновых не увеличивалось (и не могло увеличиваться по изложенным выше причинам), то очевидно, что уменьшение душевого потребления было следствием роста населения. Таким образом, мы имеем картину «мальтузианских ножниц»: рост населения приводит к уменьшению потребления (см. рис. 3.8). «Демографический взрыв» обусловил то обстоятельство, что мальтузианский эффект стал проявляться уже на относительно небольших временных промежутках – тем

не менее, его присутствие было очевидно как для экономистов, так и для руководителей советского правительства. Мальтузианское развитие экономического процесса наблюдалось в России и до революции – и именно оно привело к экосоциальному кризису. Передел земли на короткое время увеличил потребление крестьян – но затем, с ростом населения, оно снова стало уменьшаться.

П. А. Столыпин в свое время предупреждал о возможности такого развития событий, он указывал, что *темпы роста населения в России превышают темпы роста в других государствах и настолько велики, что если даже отдать крестьянам всю землю, то и тогда едва ли можно было бы удовлетворить земельный голод*⁶⁰³.

Конечно, Столыпин несколько упрощал ситуацию: передел земли отчасти удовлетворил земельный голод – но быстрый рост населения должен был в скором времени снова вызвать перенаселение и малоземелье. В этом смысле более точным был прогноз П. Б. Струве, поддержанный в свое время Б. Бруцкусом и Л. Лубны-Герцыком: «Совершенно бесспорно, что в настоящее время никакая ликвидация частных хозяйств в пользу крестьянского не может устранить перенаселения значительной части России в смысле избытка рабочих рук и местами даже в смысле избытка ртов относительно пищи, производимой на данной площади. И даже если уничтожение избыточного населения путем указанной ликвидации было бы достижимо и последняя была бы возможна, то это, при условии сохранения и укрепления натурального хозяйства, отбросило бы нас только на несколько десятков лет назад, а затем мы вернулись бы преблагополучно к той точке, на которой находимся теперь. Вопрос о подъеме всего народного производства стоял бы перед нами в еще большей наготе»⁶⁰⁴.

Таким образом, революция ослабила аграрное перенаселение и дала передышку, но перенаселение сохранялось и после революции, и, в глазах ведущих экономистов, оно продолжало оставаться главной проблемой российской экономики.

3.10 Проблема аграрного перенаселения в 1920-х годах

Как отмечалось выше, вывод о наличии огромного аграрного перенаселения был основным результатом работы «Комиссии 1901 года». После кризиса 1914-1922 годов численность населения уменьшилась, но это уменьшение было сравнительно небольшим и не могло разрядить ситуацию. «Аграрное перенаселение основных сельскохозяйственных районов страны - болезненно опасная проблема России еще конца XIX - начала XX веков, - предупреждал А. В. Чайнов. - Аграрное перенаселение - тот горючий материал, из которого рванула революция 1917 года»⁶⁰⁵.

Советские правительственные органы были обеспокоены проблемой перенаселения, и сразу после окончания гражданской войны Наркомат земледелия поручил научно-исследовательскому Институту землеустройства и переселения разработку вопроса о размерах избыточной рабочей силы в деревне. Эта работа, к которой были привлечены также сотрудники Госплана и Наркомзема, проводилась под общим руководством Л. И. Лубны-Герцыка, Н. В. Турчанинова и И. Я. Ямзина⁶⁰⁶. Предварительные итоги проведенного исследования были опубликованы профессором Л. И. Лубны-Герцыком⁶⁰⁷, который считался мальтузианцем и последователем взглядов Г. Ф. Нефедова. Вслед за известным немецким геополитиком К. Хаусхофером Л. И. Лубны-Герцык ввел понятие «нормального населения», при котором данному населению соответствует достаточное для поддержания желательного уровня материального благосостояния количество средств существования⁶⁰⁸. В случае превышения этого «нормального» уровня наступает перенаселение и все остальное население считается «излишним». При определении «нормального населения» Л. Лубны-Герцык считал, что один взрослый мужчина может обработать 5 дес. сельскохозяйственной площади. При этом условии получалось, что в 1923 году в трех губерниях Центрального Черноземья (Курской, Орловской и Тамбовской) доля излишнего населения составляла 51%⁶⁰⁹. Отсюда следовало, что уравнильный передел, в соответствии с предсказанием П.Б.Струве, лишь немного облегчил земельный голод. «Ныне все удобные для сельского хозяйства земельные площади находятся в руках крестьянства... Всеобщий уравнильный передел стал действительностью. Однако земельной нужды русского крестьянства он не устранил... Аграрное перенаселение России после нивелирующего воздействия русской революции выяснилось грозно и недвусмысленно»⁶¹⁰.

Таблица 3.40 – Уровень перенаселения по губерниям Центрально-Черноземного района в 1923 году⁶¹¹

	Всего работников в 1923 г. в переводе на взрослых мужчин, тыс.	Всего удобной с/х площади, тыс. га	Количество работников, потребных для с/х		% излишнего населения	
			При 5 га	При 4 га	При 5 га	При 4 га
Орловская	876	2235	447	558	49	36
Курская	1573	3550	710	887	55	44
Тамбовская	1407	3651	730	912	48	35
Воронежская	1660	5179	1036	1295	38	22
4 губернии	5519	14617	2923	3654	47	34

Более точные подсчеты НИИ землеустройства и переселения предусматривали две нормы производительности труда: 5 га (как у Л. И. Лубны-Герцыка) и 4 га. При этом получались следующие результаты (см. таблицу 3.40).

Н. В. Турчанинов использовал несколько отличную методику подсчета «излишнего населения», учитывая, помимо площади удобных земель, также возможность отхода и промысловых занятий населения. По его расчетам, избыточное население Центрально-Земледельческого района составляло 1,4 млн. работников, из них на свободные земли окраин могло быть переселено 0,7 млн.⁶¹²

Сложность проблемы заключалась в том, что наличие излишней рабочей силы не порождало на Черноземье открытой безработицы: излишки относительно равномерно распределялись по миллионам хозяйств, приводя к хронической недозагруженности работников, привязанных к своему наделу. Л. Е. Минц, проанализировав бюджеты рабочего времени, выяснил, что рабочие дни составляли лишь 55% всех дней в году. Из каждых пяти дней один день был выходным или праздничным и еще один не использовался. Конечно, основная масса неиспользуемых дней приходилась на зиму, но, к примеру, и в августе насчитывалось 6-7 выходных и праздничных дней⁶¹³. Благодаря обилию самогона долгие деревенские праздники сопровождались массовым запоем. «На масленице пьют наповал, до-сшибу, на Рождестве пьют в течение двух недель, говоря просто “отсеваются”», – сообщал один из проводивших обследование ЦСУ добровольных корреспондентов⁶¹⁴. Зимой даже и в рабочие дни производительность труда во многих случаях была столь низкой, что и их можно было считать рабочими лишь условно. В конечном счете, недозагруженность означала низкую выработку, и как следствие – бедность⁶¹⁵. В официальных документах Наркомата земледелия указывалось, что «сущность аграрного перенаселения состоит в том, что при данном уровне развития народного хозяйства... земледельческое население страны, во-первых, имеет устойчиво низкий реальный доход и, следовательно, низкий уровень жизни; во-вторых, имея запасы потенциально-свободной рабочей силы, не может найти для нее хозяйственно-целесообразного приложения и тем повысить уровень своего дохода и благосостояния⁶¹⁶».

Озабоченность по поводу сохраняющегося аграрного перенаселения на Черноземье была высказана в цитированном выше постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1925 года. Работники Плановой комиссии ЦЧО в 1925 году определяли излишнее рабочее население «грубо в 1-2 млн.» при 4 млн. сельского рабочего населения. При этом отмечалось, что вследствие большого естественного прироста число излишних рабочих каждый год увеличивалось на 100

тысяч. «Ввиду застоя в росте городов, ввиду слабого развития промышленности... мы не находим того поглощения крестьянских рабочих резервов промышленностью и горными промыслами, которое является естественной и основной формой ликвидации аграрного перенаселения... Ежегодное переселение 75 тыс. душ... и ежегодное увеличение числа отходников на несколько десятков тысяч являются далеко не преувеличенной потребностью края»⁶¹⁷.

Известный экономист Н. П. Огановский в 1925 году провел расчеты величины аграрного перенаселения в масштабах всего Союза⁶¹⁸. При этом была учтена разная производительность труда в малоземельных и в зажиточных крестьянских хозяйствах. «На одного работника у малоземельных приходится пашни и посевов в 2,5 раза меньше, чем в группе зажиточных и в 6 раз меньше, чем в группе многоземельных, - писал Н. П. Огановский. – Если бы малоземельные использовали труд своих работников в той же степени, что и середняки – 57% работников оказалось бы в нижних слоях излишними... Общее количество работников в малоземельных слоях по всему Союзу достигает сейчас 13,1 млн. человек. Следовательно, наличие избыточного труда только у малоземельных составляет при уровне производительности средних слоев в 7,5 млн. работников, а при уровне групп выше средних – 9,6 млн., да и середняков при последней норме оказалось бы избыток 10,3 млн., а всего 19,9 млн. работников, или 43% общего количества их в деревне СССР, равного 45,9 млн.»⁶¹⁹.

Малопосевные крестьяне тратили на обработку одной десятины под рожь вдвое больше времени, чем многопосевные – отчасти потому, что у них было больше свободного времени и они стремились тщательнее обрабатывать свои маленькие наделы⁶²⁰. Но еще более разительный результат получался при сравнении обычной производительности труда в крестьянских хозяйствах (4 или 5 га обрабатываемой площади на работника) с производительностью труда в дореволюционных помещичьих экономиях (см. табл. 3.41).

Таблица 3.41 – Эксплуатируемая площадь на одного работника в крупных хозяйствах (1907 г.)⁶²¹

Размер хозяйства, га	До 109	110-218	219-327	328-436	437-545	546 и выше
Производительность работника, га	7,8	8,5	10,1	11,4	10,8	10,5

Увеличение размеров хозяйства до сотен гектаров позволяло увеличить производительность вдвое даже по сравнению с многопосевными крестьянскими хозяйствами. Легко подсчитать, что при такой про-

изводительности, «излишними» оказывались уже не 43%, а 70% населения – то есть российская деревня имела колоссальные ресурсы неиспользуемой рабочей силы.

Н. П. Огановский и Н. Д. Кондратьев обращали внимание на то обстоятельство, что революция привела к измельчанию хозяйств, падению производительности труда и деградации сельского хозяйства. Специалисты искали выход из создавшегося положения, с одной стороны, в переходе к интенсификации сельского хозяйства и увеличении продукции с единицы сельскохозяйственной площади, а с другой стороны – в удалении из деревни избыточного населения, но это было непростой проблемой⁶²².

Проблема аграрного перенаселения рассматривалась и через ее связь с уровнем жизни населения. Б. Авилов предложил использовать в качестве меры перенаселения в аграрных регионах уровень душевого дохода: чем меньше душевой доход, тем выше перенаселение⁶²³. Аграрное перенаселение означало бедность, и Б. Авилов относил к перенаселенным регионам районы с уровнем душевого дохода менее 93 руб.: правобережную Украину, Белоруссию, Среднее Поволжье и прежде всего – Центральное Черноземье⁶²⁴.

Поскольку душевой доход можно трактовать в терминах продовольственной обеспеченности (чем меньше доход, тем меньше обеспеченность), то этот подход предвещал позднейшую методологию П. Г. Рындзюнского и В. Г. Тюкавкина (см. пункт 3.3), с той разницей, что мерой перенаселения были не десятины надела, и не пуды сбора с этого надела, а доход с него в рублях. Однако, как отмечалось выше, понятие продовольственной обеспеченности не следует смешивать с понятием аграрного перенаселения. При огромном аграрном перенаселении крестьяне Черноземья были, в массе, все-таки обеспечены продовольствием; среднее душевое потребление хлеба и картофеля составляло 18,7 пуда. Примерно такое же положение имело место и в целом по СССР: крестьяне были обеспечены пропитанием, и большинство из них не нуждалось в приработках. В этом отношении положение в СССР отличалось от положения в докризисной России, где аграрное перенаселение вынуждало крестьянские массы идти в отход, на заработки. Как отмечалось выше (п. 2.5), после кризиса количество отходников резко уменьшилось. В СССР из 45,9 млн. работников «излишними» считались 19,7 млн., но реально стремились уйти из деревни и зарабатывать в городе только 3,2-5 млн.⁶²⁵

Впрочем, и 3-5 млн. желающих найти работу в городах было достаточно, чтобы создать там проблему безработицы. В январе 1927 года на биржах труда было зарегистрировано 1271 тыс. безработных; большинство из них составляли пришедшие в город крестьяне⁶²⁶. Во время перебоев с продовольствием весной 1929 года происходили масштаб-

ные бунты безработных; были разгромлены биржи труда в Москве и Ленинграде⁶²⁷. Советское руководство рассматривало проблему аграрного перенаселения, чаще всего, в свете ее видимого и актуального проявления – безработицы в городах. Именно так оценивается эта проблема в выступлениях И. В. Сталина⁶²⁸, Н. И. Бухарина⁶²⁹, А. И. Рыкова⁶³⁰. В резолюции XV съезда ВКП(б) «О работе в деревне» отмечалось, что «крупнейшей отрицательной чертой современной деревни, выражающей ее историческое прошлое и остатки общей отсталости страны, является так называемое “аграрное перенаселение”, то есть большое количество “излишних” рабочих рук, не находящих себе трудового применения в деревне и значительно увеличивающее безработицу в городах»⁶³¹. «Неразрешенная проблема аграрного перенаселения становится коренной для судеб страны», - резюмирует Н. Л. Роголина⁶³².

Как хорошо понимали советские руководители, главные трудности были впереди. В 1929 году вышла в свет брошюра М. Лациса⁶³³, специально предназначенная, чтобы объяснить партийным и советским работникам ту угрозу, которую несет в себе продолжающийся огромный рост населения. После революции крестьяне получили 50 млн. десятин помещичьей земли, говорилось в брошюре. Но в настоящее время прирост сельского населения составляет 2,5 млн. в год, и это означает, что за 20 лет мы обязаны предоставить крестьянам еще 90 млн. десятин удобной земли⁶³⁴. Далее производился подсчет имеющихся свободных земель, и делался вывод, что их совершенно недостаточно, что они трудны для освоения, а затраты на переселение неподъемны для бюджета. Единственный возможный путь решения проблемы, заключал автор, – это агротехническая модернизация. Имя П. А. Столыпина и его предупреждение о том, что если даже совершить революцию, то крестьянам все равно не хватит земли, при этом не упоминалось - но далее перечислялись те меры, которые составляли содержание столыпинских реформ: землеустройство, введение многополья и т. д.⁶³⁵.

Брошюра М. Лациса предельно четко сформулировала стоящую перед страной мальтузианскую угрозу – однако в ней предлагались, в основном, прежние столыпинские средства. Подспудный расчет П.А.Столыпина на то, что бедные крестьяне будут разоряться и за счет скупки их земель крепкими хозяевами образуются крупные хозяйства, которые внедрят новую агротехнику и увеличат производительность труда – этот расчет был заменен столь же постепенным развитием кооперирования. Так же как у Столыпина, имелось в виду, что излишнее рабочие руки будут ходить в города и это даст толчок к развитию промышленности, к индустриализации. «Революция разрушила старый полуфеодальный режим, - писал Н. Д. Кондратьев в материалах к первому пятилетнему плану. – Но революция еще не смогла уничтожить аграрного перенаселения, хотя для огромного числа хозяйств в существ-

венной степени ослабила его действие. Поэтому важнейшей задачей нашего времени является преодоление аграрного перенаселения страны... Совершенно очевидно, что решение задачи развития производительных сил сельского хозяйства и преодоления аграрного перенаселения лежит прежде всего на путях индустриализации страны. Оно лежит, далее, на путях интенсификации сельского хозяйства, главным образом, за счет... расширения его технической базы. Поскольку далее, наше сельское хозяйство распылено и поскольку это распыление препятствует целесообразному использованию имеющихся у него орудий и средств производства, постольку проблема развития его производительных сил связана с задачей более целесообразного использования материальных средств производства на путях кооперации и коллективизации сельского хозяйства. *Кооперация и коллективизация приобретают особое значение*⁶³⁶.

Стивен Козн следующим образом формулирует проблемы, стоявшие перед советской экономикой. «Первая - примитивное, косное крестьянское хозяйство, производительность которого едва превосходила довоенный уровень, а рыночные излишки все еще были меньше, чем в 1913 г., что внушало немалую тревогу. Вторая проблема также была связана с перенаселенной, малопродуктивной деревней: крестьянская миграция заполняла города неквалифицированными озлобленными рабочими, увеличивала армию безработных и еще более ухудшала условия жизни в городах. В декабре 1927 г. XV съезд партии принял решение начать наступление на эти проблемы при помощи более всестороннего планирования и увеличения капиталовложений в промышленность в сочетании с частичной добровольной коллективизацией и государственной помощью частным крестьянским хозяйствам»⁶³⁷.

Таким образом, постепенная коллективизация и индустриализация рассматривались как единственный реальный путь решения проблемы аграрного перенаселения. Но эта – почти столыпинская – программа требовала «двадцати лет покоя», которых не было ни у Столыпина, ни у Кондратьева, ни у руководителей советского правительства. Военная угроза продолжала висеть дамокловым мечом, и в этой обстановке индустриализация, которая обычно была следствием, становилась причиной и самоцелью развития. «Либо мы сделаем это, - говорил И. В. Сталин, - либо нас сомнут»⁶³⁸.

Таким образом, естественное развитие под действием демографического фактора заменялось быстрой и насильственной модернизацией по западному образцу. Требовалось быстро построить мощную, прежде всего военную, промышленность, а для этого нужно было путем создания крупных хозяйств увеличить производство хлеба, а если не получится, то просто отнять у крестьян хлеб, чтобы кормить рабочих и покупать за границей оборудование. «Необходимость использования на

нужды индустриализации средств, создаваемых в сельском хозяйстве и отставание мелкого крестьянского производства от этих нужд были очевидны и признавались всеми направлениями общественной мысли того времени», - отмечает В. П. Данилов⁶³⁹. Но «экономический механизм, сложившийся в условиях нэпа, существенно ограничивал возможности мобилизации средств, необходимых для индустриализации»⁶⁴⁰. Хлебозаготовительные кризисы 1928-1929 годов показали, что крестьяне не отдадут добровольно хлеб по назначенным правительством низким ценам. «Хлеб был нужен срочно, - пишет М. М. Горинов. - Иначе планы индустриализации срываются»⁶⁴¹. Ситуация подталкивала власть к быстрой и насильственной коллективизации, которая позволила бы перейти на нерыночные отношения, отнять хлеб у крестьян, чтобы накормить рабочих на индустриальных стройках. Но отнятие хлеба должно было вызвать сопротивление крестьянства, поэтому на этом пути были неизбежны новые потрясения⁶⁴².

Заключение

Выявление итоговых результатов кризиса 1914-1922 годов предполагает сравнение докризисного (1909-1913) и послекризисного (1925-1929) состояния аграрной экономики в целом по России (СССР) и по двум регионам: Центрально-Черноземному и Уральскому. В конечном итоге, задача сводится к вопросу: стало ли население России жить лучше и зависели ли изменения от конкретного региона? Ответ на этот вопрос, в первую очередь, подразумевает сравнение демографических показателей (численность населения, рождаемость, смертность, естественный прирост) и уровня душевого потребления. Уровень потребления в свою очередь, определяется уровнем сельскохозяйственного производства (размерами посевных площадей, урожайностью, развитием животноводства, размерами крестьянских наделов и т. д.), а так же уровнем экспорта. Таким образом, решение исходной задачи предполагает проведение комплексного исследования, включающего изучение динамики всех перечисленных экономических и демографических параметров с целью их сравнения во временных и пространственных координатах.

При рассмотрении указанной проблемы, необходимо, прежде всего выяснить состояние источников по этой теме, убедиться в достоверности приводимых в них данных. Существенное затруднение, возникающее перед исследователем в этой области, заключается в предпринятых в последнее время попытках поставить под сомнение данные демографической и экономической статистики ЦСК МВД Российской империи и ЦСУ СССР. Нами показано, что эти попытки являются безосновательными, что упомянутые статистические учреждения ответственно подходили к своей задаче и снабжали правительство вполне достоверной информацией.

Далее, для решения задачи требовалось предварительно выявить связь между уровнем потребления и демографическими показателями. Обычно считается, что уровень потребления напрямую определяет смертность, то есть высокому уровню потребления соответствует низкая смертность, и наоборот, низкое потребление обуславливает высокую смертность («мальтузианская зависимость»). Однако корреляционный анализ показал, что мальтузианская связь между рождаемостью и смертностью господствовала в России только до 1900 года (в этот период уровень потребления объяснял уровень смертности примерно на 77%). Затем на первый план вышел процесс демографической модернизации, так называемый «эпидемиологический переход», суть которого заключается в быстром снижении эпидемиологической («экзо-

генной») смертности в результате широкомасштабных санитарных мероприятий с применением новых дезинфицирующих средств. В 1910-1913 годах почти 70% вариации смертности по 48 губерниям Европейской России объяснялось процессам распространения в массах санитарно-гигиенических навыков, который продвигался по России с запада на восток. Вопреки сложившимся представлениям, этот процесс лишь в малой степени зависел от распространения грамотности или появления земской медицины. В то же время результаты этого процесса были столь разительны, что, например, в Минской губернии смертность была в 2,3 раза ниже, чем в Пермской губернии, притом, что по уровню грамотности, числу врачей и, в особенности, по потреблению Пермская губерния превосходила Минскую. Ввиду этого обстоятельства мы не в праве, как делают некоторые авторы, исходя из уменьшения смертности, делать вывод об увеличении потребления в начале XX века или в период нэпа. Аналогично, увеличение потребления нельзя считать главной причиной уменьшения смертности в период после кризиса.

Как было показано в первой главе, основным методологическим инструментом при изучении происходящих в аграрных обществах социальных катастроф является теория демографических циклов. Эта теория утверждает, что катастрофы, как правило, являются следствиями перенаселения, которое проявляется в крестьянском малоземелье, в падении потребления, в постоянно приходящих голодных годах. Часть крестьян разоряется и продает свои наделы, крестьяне ищут других заработков, что приводит к развитию аренды, батрачеству, росту отходничества. Миграции крестьян в города вызывают ускоренный рост городского населения, но в целом падение потребления обычно приводит к замедлению роста населения. Все эти явления действительно наблюдались в экономической жизни дореволюционной России – за исключением эффекта замедления роста населения, который был аннулирован демографической модернизацией.

Демографически-структурная теория утверждает, что уменьшение численности населения в результате кризиса должно иметь эффект противоположный тому, который наблюдается при росте населения. Сокращение населения должно сопровождаться увеличением крестьянских наделов, уменьшением хлебных цен, ростом потребления, миграциям из городов на село, ростом занятости, повышением уровня жизни, и в результате – ускоренным ростом населения. В результате кризиса происходит перераспределение ресурсов внутри структуры, рента и налоги, в целом, уменьшаются, то есть общая доля ресурсов, приходящихся на долю народа, увеличивается. При этом масштаб изменений зависит от масштаба кризиса, и наибольшие изменения наблюдаются в перенаселенных центральных районах, где в ходе кризиса численность населения сокращается в большей степени, чем на окраинах.

Приступая к анализу демографических результатов кризиса 1914-1922 года, необходимо отметить, что оценки размеров сокращения численности населения для территории СССР приводились в работах многих исследователей. В частности, оценка Ю. А. Полякова указывала на уменьшение населения в период 1917-1922 год на 8,6%. В то же время выяснение масштабов депопуляции в конкретных регионах, в частности, на территории Уральской и Центрально-Черноземной областей было затруднено произошедшими после 1917 года изменениями административных границ. Опираясь на данные об изменении территориального состава, мы произвели расчет населения Центрально-Черноземной и Уральской областей на начало 1914 года, середину 1917 года, август 1920 и март 1923 года. В итоге было подсчитано, что население Центрально-Черноземной области уменьшилось в 1914-1922 годах на 13%, а население Уральской области на 12%. Таким образом, уменьшение численности населения в рассматриваемых областях было существенно большим, нежели в среднем по СССР, и – в отличие от страны в целом - население в обеих областях не успело восстановиться к декабрю 1926 года. Однако возобновившийся после окончания кризиса эпидемиологический переход привел к значительному снижению смертности и к «демографическому взрыву», в результате которого к концу 1920-х годов потери населения были восстановлены. Таким образом, относительно быстрое демографическое восстановление после кризиса было, в основном, *следствием процессов демографической модернизации.*

В соответствии с демографически-структурной теорией, кризис привел особенно значительному сокращению городского населения. После окончания кризиса начался процесс возвращения беженцев в города, но прежняя численность населения городов восстановилась только к 1929 году. Частичное решение проблемы крестьянского малоземелья привело к резкому сокращению числа отходников и спаду миграционного потока на окраины.

В работе проанализированы те изменения, которые кризис вызвал в возрастной структуре населения, и показано, что в этом отношении война сказалась на Урале и на Черноземье много сильнее, чем на России в целом. Гибель большого количества мужчин имела следствием нарушение равновесия численности полов; это нарушение приняло наибольшие размеры на Черноземье, где оно привело к уменьшению соотношения «едоков» и «душ». Существенное значение имел также процесс распада больших семей, обострившийся в связи с налоговой политикой советской власти и с пропагандой женской эмансипации.

Переходя к анализу изменений в уровне потребления, произошедших в результате кризиса 1914-1922 годов, необходимо, в первую очередь, оценить уровень производства и потребления в предкризисный

период. Это можно сделать путем составления продовольственного баланса, учитывающего производство и расходы на вывоз и винокурение. Другой способ, применяющийся исследователями – это непосредственная оценка потребления по данным социологических опросов. Однако данные таких опросов для докризисного времени очень немногочисленны и противоречат данным продовольственных балансов; они не могут служить базой для определения среднего потребления ни для всей Европейской России, ни для крупных регионов. Для определения потребления в регионах более эффективным является метод составления региональных продовольственных балансов с учетом перевозок зерна и расходов на посев. Таким образом, удалось найти величину *остатка на потребление* (который включает в себя потребление зерна в пищу и на фураж) в 37 губерниях, а также на территории позднейших Центрально-Черноземной и Уральской областей. Определение уровня потребления зерна в докризисный период в различных регионах России показало, что потребление было крайне неравномерным. По уровню потребления Урал существенно превосходил центральные области страны, что объяснялось меньшей плотностью населения и сравнительно хорошей землеобеспеченностью крестьян. Уральские крестьяне были гораздо лучше обеспечены пастбищами и скотом и, соответственно, значительно больше потребляли животноводческой продукции, чем на Черноземье.

Как отмечалось выше, в результате демографического взрыва численность населения СССР к 1926 году превзошла довоенный уровень. Поскольку после кризиса посевные площади не увеличились, то душевое производство по сравнению с довоенным периодом не только не увеличилось, но даже сократилось. Эта ситуация непохожа на описываемую теорией демографических циклов картину экосоциального кризиса в традиционном обществе: в классическом случае имеет место резкое сокращение численности населения, более существенное, чем то, которое имело место в России (около 9%), и за счет этого сокращения увеличивается посев, приходящийся на душу населения – что, в свою очередь, влечет увеличение потребления. В России, напротив, распространение санитарной технологии привело к тому, что численность населения очень быстро восстановилась и душевой посев даже сократился. Но остаток на потребление все же увеличился – и даже довольно существенно: по сравнению с 1909-1913 годами на 20%, а по сравнению с 1908-1911 годами даже на 40%. Главной причиной увеличения потребления был переход всей земли в руки крестьян, что привело, в частности, к исчезновению земельной ренты, и к почти полному прекращению экспорта, который прежде составлял 20-25% чистого сбора. До революции зерно, производившееся на помещичьих землях в значительной части вывозилось за границу – также как и то зерно, кото-

рое крестьяне были вынуждены продавать, чтобы оплатить ренту. После раздела поместий производившиеся в них зерно стало принадлежать крестьянам, и они предпочитали не продавать, а потреблять его – в результате их потребление существенно увеличилось, а вывоз почти прекратился. Таким образом, рост потребления стал следствием прогнозируемого демографически-структурной теорией перераспределения ресурсов в структуре «государство-элита-народ».

На территории Центрально-Черноземной области остаток на потребление в 1925/26 – 1928/29 годах по сравнению с 1909/10-1913/14 годами увеличился на 30% - больше, чем в среднем по Европейской России. Увеличение потребления на Черноземье произошло, в основном, за счет сокращения вывоза из района зерна, а вывоз зерна сократился в результате раздела помещичьих земель. Центральное Черноземье было регионом развитого помещичьего землевладения, поэтому эффект земельного передела здесь был более сильным, чем в целом по России и крестьяне должны были получить от революции большие выгоды, чем в других регионах. Что касается Урала, то уральские крестьяне и до революции имели большие наделы, и их землепользование существенно не увеличилось. Однако предвоенное пятилетие на Урале было неурожайным из-за климатических условий, и по сравнению с этим неудачным периодом времена нэпа ознаменовались ростом урожайности и потребления.

Рост потребления, однако, не означал отсутствия серьезных экономических проблем. Эти проблемы были обусловлены сохранением архаичной агротехники. Раздел помещичьих экономий уничтожил наиболее передовые в агротехническом смысле хозяйства, и в результате урожайность не могла подняться выше довоенного уровня. Другой комплекс проблем был связан с продолжавшейся демографической модернизацией, которая привела к распаду больших семей и породила миллионы мелких parcelлярных хозяйств, плохо обеспеченных рабочим скотом и инвентарем. С другой стороны, нарастающий демографический взрыв вновь ставил страну перед лицом «мальтузианской угрозы». Подтверждалось пророчество П. А. Столыпина о том, что темпы роста населения настолько велики, что если даже отдать крестьянам всю землю, то и тогда едва ли можно было бы удовлетворить земельный голод. После 1925 года с ростом населения душевое производство и потребление стали постепенно уменьшаться – обозначилась четкая картина раскрывающихся все шире «мальтузианских ножиц». С 1927/28 году сокращение душевого производства вызвало перманентный хлебозаготовительный кризис и нехватку продовольствия в городах. Эти явления показывали, что революция – при всей ее масштабности и трагизме - лишь временно отсрочила кризис перенаселения, что

Россия стояла перед перспективой нового социального и экономического кризиса.

Сравнивая наблюдаемые явления с прогнозом демографически-структурной теории можно констатировать, что в российском случае этот прогноз оказывается достаточно точным: мы действительно наблюдаем рост потребления, уменьшение ренты и налогов, быстрый рост населения, миграции из городов на село и т. д. Но в тоже время нужно отметить, что в рассматриваемой теории классическом случае падение численности населения и рост потребления обычно имеют большие масштабы - например, в Англии после экосоциального кризиса XIV века население уменьшилось вдвое, потребление возросло примерно вдвое, а для восстановления численности населения потребовалось полтора столетия. В России численность населения уменьшилась на 9%, потребление возросло на 20%, а для демографического восстановления потребовалось только десять лет. С точки зрения теории это означает, что революция не решила проблемы перенаселения, что события 1914-1922 годов были лишь *первым этапом* экосоциального кризиса, за которым должен последовать следующий этап – события 1930-х годов.

Примечания

¹ Подробнее см.: Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 6-22.

² Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения//Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 22. Выделено Мальтусом.

³ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения //Риккардо. Д. Сочинения. Т. I. М., 1955.

⁴ Abel W. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung //Schmollers Jahrbücher. 58. Jahrgang, 1934; Idem. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.

⁵ Postan M. M. The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100-1500. Berkeley, Los Angeles, 1972; Ibid. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973; Mousnier R. Les XVIe et XVIIe siècles. Les progrès de la civilisation européenne et la déclin de l'Orient (1492-1715). Paris, 1953; Slicher van Bath B. H. The Agrarian History of Western Europe F. D. 500-1850. – London, 1963. ; Glass D. V., Everley D. E. Population in History. London, 1965. Cippolla C. M. Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000-1700. London, 1976 (итальянское издание вышло в 1969 г.)

⁶ Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle. 2 vols., Paris, 1960; Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1966. Т. 1-2; Meuvret J. Les Crises de subsistances et la démographie d'Ancien Régime//Population. 1946. # 4. P. 643-650; Duby G. L'Economie rurale et la vie des campagnes de l'Occident médiéval. 2 vol. Paris, 1962; Meuvret J. Etudes d'histoire économique. Paris, 1971; Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1984. Русский перевод: Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.

⁷ Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. Т. 1. Paris, 1967. Русский перевод: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т. I. М., 1986.

⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т. I. Структуры повседневности. М., 1986. С. 42-44.

⁹ Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980.

¹⁰ См., например: Коротяев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005.

¹¹ Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991. See also: Goldstone J. East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China// Comparative Studies in Society and History. 1988. Vol. 30. N. 1. P. 103-143

¹² Маслов П. Перенаселение русской деревни. М.-Л., 1930. С. 12-28.

¹³ См.: Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005

¹⁴ Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 99-101.

¹⁵ Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003.

¹⁶ Dunning, Ch. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia?//Comparative Studies in Society and History. 1997. Vol. 39. N. 3. P. 572-592

¹⁷ Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.

¹⁸ Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006.

¹⁹ Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N. Y. 1966. P. 7.

²⁰ Black C. E. The Dynamics of Modernization... P. 9-25.

²¹ Wallerstein I. The Modern World-System. 2 vols. New York, 1974, 1989.

- ²² Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг. 1916.
- ²³ Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926-1927 гг.: Таблицы смертности. М.-Л., 1930.
- ²⁴ Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904.
- ²⁵ См., например, Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг.//Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 63.
- ²⁶ См. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811-1913).. Статистические очерки. М.,
- ²⁷ Рашин А. Г. Указ. соч.
- ²⁸ Волков Е. З. Динамика населения СССР за 80 лет. М.-Л., 1930. С. 96, 131.
- ²⁹ Гапоненко Л. С., Кабузан В. М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. как источник для определения населения России накануне Октябрьской революции// История СССР. 1961. № 6. С. 97-115; Кабузан В. М. О достоверности учета населения России (1858-1917 гг.)//Источниковедение отечественной истории.1981. М., 1981. С. 100-117.
- ³⁰ Киселев И. Н. Численность населения СССР в 1923 г. (источниковедческий анализ)// Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С. 102-104.
- ³¹ Волков Е. З. Указ соч.
- ³² Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С.
- ³³ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковова Т. Л. Население Советского Союза. 1922-1991. М., 1993. С. 7.
- ³⁴ Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917-1929 гг.// Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1970. С. 242-253.
- ³⁵ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковова Т. Л. Указ. соч.; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковова Т. Л. Демографическая история Российской Федерации, 1927-1959. М. 1998.
- ³⁶ Viraben J.-N. Naissaces et repartion par age dans L'Empire Russe et en Union Sovjttique// Population. 1976. N. 2. P. 441-471.
- ³⁷ Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении населения России и СССР в 1915-1923 гг.// Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М., 1975. С. 225-239.
- ³⁸ Максудов С. Потери населения СССР. Benson, Vermont, 1989.
- ³⁹ Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986; Поляков Ю. А., Киселев И. Н., Устинов В. А. К вопросу о методике определения численности и национального состава населения СССР в 1917-1926 гг.//История СССР, 1981, №1. – С. 99-109; Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 году// Вопросы истории, 1980. № 6. С. 39-49.
- ⁴⁰ Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996.
- ⁴¹ Там же. С. 27. Табл. 2.
- ⁴² Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923-1927 гг. М., 1930. С. 3.
- ⁴³ Естественное движение населения Союза ССР. 1923-1925. М., 1928; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929.
- ⁴⁴ Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926-1927 гг.: Таблицы смертности. М.-Л., 1930.
- ⁴⁵ Лебедев Ф. Н. Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области. Таблицы смертности по округам и поселениям области. Свердловск, 1929.
- ⁴⁶ Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы советской власти// Брачность, рождаемость и смертность в России и СССР. М., 1977. С. 28-48.
- ⁴⁷ Там же. С. 31.
- ⁴⁸ Там же. С. 32.
- ⁴⁹ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковова Т. Л. Население Советского Союза... С. 15-19; Они же. Демографическая история Российской Федерации. 1927-1959. М, 1998.

- ⁵⁰ Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917-1929 гг.// Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 242-253.
- ⁵¹ Подсчитано по: Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 120.
- ⁵² Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 9-10.
- ⁵³ Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 117.
- ⁵⁴ Население России в XX веке. Т. 1. / Отв. Ред. Ю. А. Поляков. М., 2000. С. 209.
- ⁵⁵ См., например: Население России в XX веке. Т. 1. / Отв. Ред. Ю. А. Поляков. М., 2000.
- ⁵⁶ Естественное движение населения Союза ССР. 1923-1925. М., 1928.
- ⁵⁷ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 17.
- ⁵⁸ Там же. С. 18.
- ⁵⁹ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история Российской Федерации... С. 51.
- ⁶⁰ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г... С. 5.
- ⁶¹ Песчанский В. Предварительные итоги естественного движения населения за первое полугодие 1927 года по Европейской части РСФСР //Статистическое обозрение. 1928. № 2. - С. 88.
- ⁶² Паевский В.В. Методика измерения детской смертности в возрасте от 0 до 1 года //Антонов А. Н. Смертность грудных детей, е причины и меры борьбы. М.-Л., 1931. С. 207.
- ⁶³ Песчанский В. Указ. соч. С. 88.
- ⁶⁴ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история Российской Федерации... Приложение 2.
- ⁶⁵ Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении... С. 229.
- ⁶⁶ Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг.//Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. – М.-Л., 1927. – С. 1-160.
- ⁶⁷ Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М., 1973.
- ⁶⁸ Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2. – С. 30-43.
- ⁶⁹ Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.
- ⁷⁰ Abel W. Crises agraires en Europe (XIIIe –XXe siecle). Paris: Flammarion, 1973. P. 21.
- ⁷¹ Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX-начало XX в.). М., 1973. С. 25-38.
- ⁷² Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М, 1960; Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900-1914 г. Л. , 1976.
- ⁷³ Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920.
- ⁷⁴ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. I. СПб., 1902. С. 81.
- ⁷⁵ Фортунатов А. Ф. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М. , 1893. С. 6.
- ⁷⁶ Там же. С. 63.
- ⁷⁷ Иванцов Д. И. 1915. К критике русской урожайной статистики. Пг., С. 26.
- ⁷⁸ Там же. С. 129.
- ⁷⁹ Там же. С. 26.
- ⁸⁰ Струмилин С. Г. К реформе урожайной статистики// Плановое хозяйство. 1924. № 4-5. С. 58-65.
- ⁸¹ Там же. С. 61.

- ⁸² Виноградова Н. Русская урожайная статистика//Вестник статистики. 1926. Кн. XXIII, XXIV.
- ⁸³ Там же. С. 88-89.
- ⁸⁴ Там же. С. 90.
- ⁸⁵ Ковальченко И. Д. Аграрный строй России... С. 48.
- ⁸⁶ Там же. С. 44.
- ⁸⁷ См. например: Jasny N. Soviet Economists of the Twenties. Cambridge, 1972.
- ⁸⁸ Wheatcroft, S. The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics // Soviet Studies. 1974. Vol. 26. P.157-180.
- ⁸⁹ Аделунг Н. Довоенная сельскохозяйственная продукция. Плановое хозяйство 1925. № 11. С. 309-340.
- ⁹⁰ Wheatcroft, S. Op. cit. P. 167.
- ⁹¹ Ibid. P. 167-168.
- ⁹² Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
- ⁹³ Wheatcroft S. G., Davies R. W. Op. cit. P. 25.
- ⁹⁴ Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. М., 2003; Давыдов М. А. К вопросу о "голодном экспорте" хлеба из России//Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004.
- ⁹⁵ Миронов Б. Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? //Уральский исторический вестник 2008. № 3. С. 81-95.
- ⁹⁶ Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»...
- ⁹⁷ Миронов Б. Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов... С. 91.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Давыдов М. А. Очерки аграрной истории... С. 67.
- ¹⁰⁰ Ковальченко И. Д. Аграрный строй России... С. 48.
- ¹⁰¹ Там же. С. 49.
- ¹⁰² Базилевский Б. П. Очерк эволюции и современное состояние сельского хозяйства Центрально-Черноземного района //Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Воронеж, 1926. С. 81.
- ¹⁰³ Урожай хлебов в России в 1917 г. М., 1918. С. 24-27. 76-77.
- ¹⁰⁴ Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 1. Петроград, 1916; Выпуск 2, Петроград, 1917.
- ¹⁰⁵ Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Петроград, 1916.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 13.
- ¹⁰⁷ Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988. С. 29-40.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 31.
- ¹⁰⁹ Корневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1953
- ¹¹⁰ Там же. С. 29-41.
- ¹¹¹ Кочетков И. В. Зерновое производство в годы НЭПа: действительность и возможности// Экономическая история России XIX-XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 83-85.
- ¹¹² Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года // Труды ЦСУ. 1926. Т 29. С. 116.
- ¹¹³ Крестьянское хозяйство, колхозы и совхозы СССР в 1924/25 – 1927/28 гг. По данным сводок наркомфина СССР/ сост. В. П. Данилов, Т. И. Славко. Вып. I – III. М., 1977.
- ¹¹⁴ ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 1640. Л. 17.
- ¹¹⁵ Струмилин С. К реформе урожайной статистики //Экономическое обозрение. 1924. № 10. С. 45; Струмилин С. Г. К хозяйственному плану на 1921/22 г // Струмилин С. Г. На плановом фронте. 1920-1940. М. 1958. С. 27; Огановский Н. Ближе к истине

- //Экономическое обозрение. 1924. № 3. С. 38-46; Вишнеvский Н. М. Статистика и сельскохозяйственная действительность. М., 1922.
- ¹¹⁶ Дубенецкий Н. Хлебофуражная продукция СССР за 1925 и 1926 гг.// Статистическое обозрение. 1928. № 1. С. 21, 25; Обухов В. М. Поправки к посевным площадям 1925 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 5. С. 8.
- ¹¹⁷ Кочетков И. В. Динамика зернового производства в СССР (1923-1926 гг.)// Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., Волгоград, 1997. С. 166.
- ¹¹⁸ О бюджетных обследованиях см.: Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981.
- ¹¹⁹ Струмилин С. Г. К хозяйственному плану на 1921/22 г.// На плановом фронте. 1920-1930. М., 1958. С. 26.
- ¹²⁰ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала // Труды Уральского областного статистического управления. Сер. V. Т. 6. 1928. С. 9.
- ¹²¹ Лосицкий А. Обследования питания и их последние результаты // Экономическое обозрение. 1924. № 1. С. 45; Лосицкий А. Нормы потребления хлебных продуктов в СССР // Статистическое обозрение. 1927. № 8. С. 5.
- ¹²² Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 // Труды ЦСУ. 1928. Т. 30. Вып. 2. С. 39.
- ¹²³ Лосицкий А. Нормы потребления хлебных продуктов в СССР // Статистическое обозрение. 1927. № 8. С. 5.
- ¹²⁴ Дубенецкий Н. Указ. соч. С. 20; Шорнель В. Весенний опрос и налоговые списки// Вестник статистики. 1929. № 3-4. С. 231-239; Основные элементы и продукция сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. С. 125.
- ¹²⁵ Обухов В. М. Поправки к посевным площадям... С. 16.
- ¹²⁶ Там же. С. 17.
- ¹²⁷ Дубенецкий Н. Хлебофуражная продукция... С. 20.
- ¹²⁸ Дубенецкий Н. Продукция зерновых культур СССР в 1927 году// Статистическое обозрение. 1928. № 5. 2. С. 17; Обухов В. М. Поправки к посевным площадям... С. 8; Основные элементы и продукция сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. С. 125.
- ¹²⁹ Юрцевский М. Предварительные итоги контрольных нажимов и обмолотов в 1929 г.// Статистическое обозрение. 1930. № 3-4. С. 101.
- ¹³⁰ Там же. С. 103.
- ¹³¹ Вишнеvский Н. М. Статистика и сельскохозяйственная действительность.... С. 4.
- ¹³² Нифонтов В. Мясной баланс СССР в 1925/26 и 1926/27 годах// Статистическое обозрение. 1928 № 9. С. 10.
- ¹³³ Лосицкий А. Нормы потребления хлебных продуктов в СССР // Статистическое обозрение. 1927. № 8. С. 13-14.
- ¹³⁴ Нифонтов В. Мясной баланс СССР в 1925/26 и 1926/27 годах// Статистическое обозрение. 1928. № 9. С. 29; Статистический справочник СССР 1927. М., 1928. С. 178.
- ¹³⁵ Дубенецкий Н. Хлебофуражный баланс СССР 1925/26 и 1926/27 с.-х. годов// Статистическое обозрение. 1927. № 4. С. 25; Дубенецкий Н. Состояние животноводства к осени 1927 г. и условия стойлового содержания в 1926/27 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 4. С. 16.
- ¹³⁶ См. подробнее: Михайловский А. Хлебооборот по районам СССР// Статистическое обозрение. 1929. № 6. С. 69.
- ¹³⁷ Пример нескольких уточняющих версий предположительного баланса на 1927/28 год см.: Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 1. М., 2000. Дополнение 1. С. 343-344.
- ¹³⁸ Мерхалев Д. Н. Хлебо-фуражный баланс Уральской области на 1926-27 г. //Сборник статей по статистике Урала. Вып. 1. Свердловск, 1927. С. 108.
- ¹³⁹ Совещание по методологии и технике хлебофуражного баланса // Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. 1929. Вып. 7. С. 153.

¹⁴⁰ Ср.: Как ломали нэп... С. 343-344; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 2.

¹⁴¹ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 279.

¹⁴² Уральское хозяйство в цифрах. 1928. Свердловск, 1928. С. 582.

¹⁴³ Ср.: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 4. Свердловск, 1930. С. 22-23, 600-601;

Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 160, 178-179.

¹⁴⁴ Собрал данные балансов УралСУ, опубликованных в источниках, отмеченных выше, мы получим таблицу

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
сельское население	5215,0	5291,0	5499,0	5816,0
Сбор	247,0	260,9	268,8	289,9
Посев	46,7	48,3	47,3	47,4
Продовольствие	94,2	94,5	95,7	100,2
Фураж	68,6	72,8	84,1	93,3
Самогон	1,6	2,0	3,9	2,9
приращение запасов	-1,8	11,8	11,6	11,7
Душевой расход на продовольствие, фураж, самогон	31,5	32,0	33,4	34,4

(последняя строка этой таблицы рассчитана нами). Среднее потребление на продовольствие, фураж и самогон 1925/26 -1928/29 годах равно 32,8 пуда, что соответствует среднему потреблению балансов РГАЭ (см. пункт 3.8).

¹⁴⁵ Совещание по методологии и технике хлебофуражного баланса... С. 152-158.

¹⁴⁶ Ср.: Ц. Ч. О. Статистический справочник. 1930. Воронеж, 1930. С. 280-281; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 26;

¹⁴⁷ Кудюкина М. М. Основные социально-экономические факторы роста населения СССР в 1920-е годы// Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984. С. 34-37.

¹⁴⁸ Кочетков И. В. К вопросу о продовольственном положении российского крестьянства в 1920-х гг.// История крестьянства в России. СПб., 2000. С. 118-122.

¹⁴⁹ Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. Кн. 2. М., 2000. С. 400.

¹⁵⁰ Привалова Т. В. Быт российской деревни. 60-е годы XIX - 20-е годы XX в. М., 2000. С. 56.

¹⁵¹ Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 // Труды ЦСУ. 1928. Т. 30. Вып. 2. С. 53.

¹⁵² Телицын В. А. Новая экономическая политика: взгляд из русского зарубежья // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 30-41.

¹⁵³ Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М.: Прогресс, 1988, С. 335-336.

¹⁵⁴ История советского крестьянства. Т. 1. М., 1986.

¹⁵⁵ Рогалина Н. Л. Аграрная реформа в России 1910-1920-х годов: 80 лет введения НЭ-ПА// Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 134, 140.

¹⁵⁶ Хрящева А. Групповой состав населения крестьянских хозяйств до и после революции//Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. Труды ЦСУ. Т VII. Вып. 3. М., 1922. С. 5-24.

¹⁵⁷ Поляков Ю. А. Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции (1917-1920 гг.) М., 1961.

¹⁵⁸ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

- ¹⁵⁹ Логунов В. И. КПСС - организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья. Воронеж, 1970.
- ¹⁶⁰ Мамонтова Э. А. Социально-экономические аспекты новой экономической политики в деревне Тамбовской губернии. 1921-1929. Дисс... канд. ист. н. Тамбов, 2003.
- ¹⁶¹ Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы НЭПа. Тамбов, 2004.
- ¹⁶² Есикова М. М. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1918-1928). Дисс... канд. ист. н. Тамбов, 2003.
- ¹⁶³ См.: Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 2. Петроград, 1917.
- ¹⁶⁴ Безгин В. Б. Традиции сельской повседневности конца XIX начала XX века (на материалах губерний Центрального Черноземья). Дисс... докт. ист. н. М., 2006.
- ¹⁶⁵ Демидов Р. Г. Народное хозяйство Центрально-Черноземной области накануне первой пятилетки// Известия Воронежского пединститута. Т. 63. С. 87-116.
- ¹⁶⁶ Земцов Л. И. Крестьянское хозяйство Центрально-Черноземного района на рубеже XIX-XX веков//Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991.
- ¹⁶⁷ Иванов А. А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1998.
- ¹⁶⁸ Кононов Н. Г. Земельные отношения в деревне черноземного центра в годы Нэпа (1921-1927 гг.)// Сельский мир. Альманах. 1994. Вып.1 М., 1994. С. 117-125.
- ¹⁶⁹ Мигушенко О. Н. Социально-экономические и политические отношения в деревне ЦЧО. 1928-1934. Дисс... канд. ист. н. Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 1994.
- ¹⁷⁰ Литвак К. Б. Социально-экономическая структура деревни Черноземного центра России начала XX в. (Опыт количественного анализа). Автореф... дисс. канд. ист. н. М., 1983.
- ¹⁷¹ Никулин В. В. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Центральном Черноземье. 1921-1929. Автореф... д-ра ист. н. СПб, 1998.
- ¹⁷² Пащенко М. Я Крестьянское семейное хозяйство Центрального Черноземья в годы новой экономической политики (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний). Автореф... канд. ист. н. Воронеж, 1998.
- ¹⁷³ Рянский Л. М., Бочаров Л. Н., Травина А. С. Курская деревня в 1920-30-х годах. Коллективизация. Курск, 1993.
- ¹⁷⁴ Сазонов К. Н. Землепользование и землеустройство в Центрально-Черноземной области после революции// Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Вып. 1 Воронеж, 1926. С. 107-158.
- ¹⁷⁵ Сергеев В. Восстановление и реконструкция сельского хозяйства Центрально-черноземной области // Пути сельского хозяйства. 1929. № 5. С. 116-124.
- ¹⁷⁶ Скрыпников А. В. Взаимодействие города и деревни в 1921-1927 годах (на материалах ЦЧО). Автореф... канд. ист. н. М., 1993; Скрыпников А. В., Черных В. М. Особенности хозяйственного развития Центрального Черноземья в годы нэпа // Актуальные проблемы отечественной истории / отв. ред. Н. А. Душкова. Воронеж: ВГТУ, 1995. С. 82-90.
- ¹⁷⁷ Фулин Ю. А. Осуществление декрета о земле в Центрально-земледельческом районе// Ленинский декрет в действии. М., 1979.
- ¹⁷⁸ Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж., 1991; Фурсов В. Н. Землевладение и землепользование крестьян Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в.//Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991.
- ¹⁷⁹ Чвикалов И. М. Деревня накануне и в ходе коллективизации // Историка в раздумьях о судьбах России (страницы истории Отечества). Курск, 1999. С. 187-202.
- ¹⁸⁰ Канищев В. В. Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX – начале XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2002. С. 513-530; Дьячков В. А. Деревня, город, государство и российские рево-

люции//Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. –Тамбов, 2007. – С. 43-51; Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX в. (1900-1921). Тамбов, 1998.

¹⁸¹ Роголина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство// НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 139-149)

¹⁸² См.: Морозов С. О. Центральная Россия в 1897-1917 гг.: проблемы демографического развития. Пенза, 2001.

¹⁸³ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 1. 1900-1928 гг. Документы и материалы/ ред. Г. Г. Корнилов. Екатеринбург, 2000.

¹⁸⁴ Балюк Н. А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI – начале XX века. Автореф. дисс... докт. Ист. н. Тюмень, 2003.

¹⁸⁵ Вакитова Л. П. Сельское хозяйство и столыпинская аграрная реформа в Пермской губернии (1907-1914 гг.). Автореферат дисс... канд. Ист. наук. Пермь, 1968.

¹⁸⁶ Еремин А. С. Ирбитская деревня в конце XIX – начале XX века. Екатеринбург, 1997.

¹⁸⁷ Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертышный А. Т. Урал накануне великих потрясений (историографический очерк). Тюмень, 1997.

¹⁸⁸ Цыпина Е. А. Промышленное и аграрное развитие Урала в годы нэпа. Историография проблемы. Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

¹⁸⁹ Там же. С. 101.

¹⁹⁰ Шеврин И. Л. Крестьянство Урала в 20-е годы. Дисс... канд. ист. н. Свердловск, 1989. С. 190.

¹⁹¹ Боярских А. С., Куликов В. М. Материальное положение уральского крестьянства в период подготовки массовой коллективизации // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917-1985 гг.). Сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 33-40.

¹⁹² Гуров В. П. Социально-экономические отношения и классовая борьба в уральской доколхозной деревне в условиях новой экономической политики (1921-1927) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходную эпоху: история, историография. Свердловск, 1990. С. 88-108.

¹⁹³ Ефременков Н. В. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Урала. Вып. 4. Свердловск, 1963. С. 123-158; Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале 1917-1930 гг.// Ученые записки Уральского государственного университета. 1966. № 41. Сер. Ист. Вып. 1. С. 3-102.

¹⁹⁴ Еремин А. С. Ирбитская деревня в конце XIX – начале XX века. Екатеринбург, 1997.

¹⁹⁵ Боярских А. С., Куликов В. М. Материальное положение уральского крестьянства в период подготовки массовой коллективизации // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917-1985 гг.). Сб. науч. тр. Свердловск, 1988.

¹⁹⁶ Лабузов В. А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ. Дисс... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

¹⁹⁷ Муравьев В. Г. Состояние сельского хозяйства Урала к началу реконструктивного периода // Ученые записки Уральского государственного университета. 1966. № 41. Сер. Ист. Вып. 1. С. 132-146; Муравьев В. Е. Социально-экономическое развитие Уральской деревни накануне массовой коллективизации (1926-1929 гг.). Дисс... канд. ист. н. Свердловск: УрГУ, 1968.

¹⁹⁸ Обожда В. А. Выборочные обследования крестьянских хозяйств на Урале в 20-е годы и публикация их материалов //Проблемы истории СССР. Вып. 4. М., 1974. С. 288-304.

¹⁹⁹ Плотников И. Е. Роль советов Урала в развитии сельского хозяйства в 1924-1927 гг.// Осуществление аграрной политики КПСС на Урале и в Южном Зауралье. Челябинск, 1978.

²⁰⁰ Пересторонина Л. И. Историческая динамика крестьянских хозяйств на Урале в годы НЭПа (к вопросу о методологии и итогах изучения) //Уральское село в XX веке. Екатеринбург., 1994. С. 25-34.

- ²⁰¹ Толмачева Р. П. Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства на Среднем Урале в 1919 -1925 гг. Дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1967.
- ²⁰² Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880-1960 // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. No. 1. P. 27-60; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII- начало XX в). СПб., 2000. С. 342-343.
- ²⁰³ Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России. М., 1981. С. 102.
- ²⁰⁴ Курцев А. Н. Социально-классовая структура и воспроизводство сельского населения Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века// Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР. М., 1990. С. 166.
- ²⁰⁵ Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 92.
- ²⁰⁶ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 20.
- ²⁰⁷ Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 175, 274-285; Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии/ сост. Ф. А. Щербина. Воронеж, 1897. С. 252-254.
- ²⁰⁸ Демографические показатели и грамотность см.: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 167-168, 187-188, 217-218; обеспеченность врачами см.: Управление главного врачебного инспектора МВД. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1911 г. СПб, 1913. С.65-66.
- ²⁰⁹ Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Петроград, 1916. С. 13. Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 1. Петроград, 1916. С. III-XV.
- ²¹⁰ Демографические показатели см.: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 155-156.
- ²¹¹ Омран А. П. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения: о демографических проблемах стран Запада. М., 1977; Демографическая модернизация России. 1900-2000. М., 2006. С. 257.
- ²¹² Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941. С. 225, 245; Демографическая модернизация России... С. 18-19.
- ²¹³ Wrigley E. A., Schofield R. S. The Population History of England, 1541-1571: A Reconstruction. Cambridge (Mass.), 1981. P. 446-478; Schofield R. S. Through a Glass Darkly: *The Population History of England as an Experiment in History*// Population and History. From the Traditional to the Modern World. Cambridge, 1986. P. 11-34.
- ²¹⁴ Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 57, 86.
- ²¹⁵ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С.
- ²¹⁶ Там же. С. 159.
- ²¹⁷ Там же. С. 179.
- ²¹⁸ Там же. С. 182, 184.
- ²¹⁹ Демографическая модернизация России... С. 24.
- ²²⁰ Подсчитано по: С. Рашин А. Г. Указ. соч. С. 167-168, 187-188, 217-218;
- ²²¹ Вишнеvский А. Г. Серп и рубль... С. 113-114.
- ²²² Томилиn С. А. Демография и социальная гигиена. М., 1973. С. 135. О распространении гигиены и санитарии в России и СССР см.: Хлопин Г., Эрисман Ф. Современное санитарное состояние России// Российский энциклопедический словарь. СПб., 1898. С. 224-227; Венгрова И. В., Шилипис Ю. А. Социальная гигиена в СССР. М, 1976.
- ²²³ Подсчитано по: С. Рашин А. Г. Указ. соч. С. 187-188.
- ²²⁴ Там же. О демографическом переходе в Прибалтике см.: Круминьш Ю. К. Социально-демографическая дифференциация смертности и продолжительности жизни населения Латвии в условиях демографического перехода// Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР. М., 1990. С. 184.
- ²²⁵ С. Рашин А. Г. Указ. соч. С. 187-188.
- ²²⁶ Крестьянские бюджеты 1922/23 и 1923/24 г.//Труды ЦСУ. 1926. Т. 31. Вып. 1. С. 346.

- ²²⁷ Демографические показатели см.: Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. ... С. 9-10; грамотность см.: Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 858. Табл. 21.
- ²²⁸ Воспроизводство населения СССР... С. 127-128.
- ²²⁹ Там же.
- ²³⁰ Подсчитано по: С. Рашин А. Г. Указ. соч. С. 167-168, 187-188.
- ²³¹ На отсутствие в России связи между уровнем смертности и уровнем потребления (но без подробного обоснования) указывает также Стефен Уиткрофт. См.: Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880-1960 // Slavic Review. 1999. Vol. 58. No. 1. P. 51.
- ²³² Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917-1929 гг.// Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1970. С. 242-253.
- ²³³ Квиткин О. Население СССР в 1926 г.//Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. III. Население СССР. М., 1927. С. IX.
- ²³⁴ Данилов В. П. Динамика населения СССР ... С. 246.
- ²³⁵ Киселев И. Н. Численность населения СССР в 1923 г. (источниковедческий анализ)// Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С. 104.
- ²³⁶ Данилов В. П. Динамика населения СССР ... С. 245-251; Поляков Ю. А. Советская страна... С. 94; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза... Табл. 3; Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006. С. 97. Табл. 9.1; Волков Е. З. Указ. соч. С. 270. Так как Е.З. Волков приводит численность населения без учета Бухары и Хивы, то для сопоставимости мы добавили к данным Е. З. Волкова население этого района (3 млн. чел).
- ²³⁷ Волков Е. З. Указ. соч. 185, 190.
- ²³⁸ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 63. См. также: Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза... С. 10.
- ²³⁹ Там же. Табл. 3.
- ²⁴⁰ Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 году// Вопросы истории, 1980. № 6. С. 46.
- ²⁴¹ Уральский статистический ежегодник на 1923 год. Свердловск, 1923, С. 82. Табл. 26
- ²⁴² Уральский статистический ежегодник. 1923-24. Свердловск, 1924. С. 242. Табл. 113.
- ²⁴³ Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1926 г. и 1 июля 1926 г. в сопоставлении с довоенным делением России. М., 1926. С. 66-70, 90-91, 178; Административно-территориальный состав Союза СССР и список важнейших населенных пунктов с хронологическим перечнем об изменении границ губерний, областей и республик с 1917 по 1929 г. М., 1929.
- ²⁴⁴ Гапоненко Л. С., Кабузан В. М. Указ. соч. С. 102-103. Табл. 1.
- ²⁴⁵ Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг.// Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 5. М., 1924. С. 2 и далее. Табл. 1-Б.
- ²⁴⁶ Лубны-Герцык Л. И. Указ. соч. С. 44-45, 51-52.
- ²⁴⁷ Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1926 г. и 1 июля 1926 г. в сопоставлении с довоенным делением России. М., 1926. С. 90-91.
- ²⁴⁸ Статистический справочник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екатеринбург, 1923. С. 24.
- ²⁴⁹ Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг.... С. 2 и далее. Табл. 1-Б.
- ²⁵⁰ Естественное движение населения Союза СССР. 1923-1925... С. XVI-XVII; Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 20. Табл. 2.
- ²⁵¹ Рашин А. Г. Указ. соч. С. 53, Кабузан В. М. О достоверности... С. 116.
- ²⁵² Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг.... С. 54.
- ²⁵³ Там же.

- ²⁵⁴ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 11. Табл. 1, 2.
- ²⁵⁵ Естественное движение населения Союза ССР. 1923-1925. Т. I. Вып. 2. М., 1928. С. 7, 10.
- ²⁵⁶ Уральское хозяйство в цифрах. 1927. Свердловск, 1927. С. 4.
- ²⁵⁷ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 4-5. Табл. 2; Ц. Ч. О. Статистический справочник. 1930. Воронеж, 1930. С. 60-61. Табл. 10; Естественное движение населения Союза ССР. 1923-1925... С. XXI; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г... С. 21-22; Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 93; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 20, 21. * 1909-1910 гг.
- ²⁵⁸ Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Указ. соч. С. 32.
- ²⁵⁹ См.: Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти. 1917-1924. М., 1966. С. 44, 390-392, 400 и др.
- ²⁶⁰ Вишневский А. Г. Серп и рубль... С. 117.
- ²⁶¹ Демографическая модернизация России. 1900-2000. М., 2006. С. 261.
- ²⁶² Вишневский А. Г. Серп и рубль... С. 113.
- ²⁶³ Там же. М., 2006. С. 262. Табл. 15.2.
- ²⁶⁴ Песчанский В., Каплун М. Детская смертность // Статистическое обозрение. 1929. № 2. С. 91; Головтеев В. В. Корчагин В. П., Шиленко Ю. В. Основные показатели развития здравоохранения за 60 лет Советской власти. М., 1977. С. 39. Табл. 15.
- ²⁶⁵ Вишневский А. Г. Серп и рубль... С. 117.
- ²⁶⁶ Демографическая модернизация России в XX веке // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 132.
- ²⁶⁷ Vague D. Principles of demography. N. Y. 1968. P. 36.
- ²⁶⁸ Построено по: Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926-1927 гг.: Таблицы смертности. М.-Л., 1930; Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость и смертность в России и СССР. М., 1977. С. 28-48.
- ²⁶⁹ Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Указ. соч.
- ²⁷⁰ Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926-1927 гг.: Таблицы смертности. М.-Л., 1930.
- ²⁷¹ Построено по: там же; Население Урала, XX век... С. 104. Табл. 22.
- ²⁷² Статистический ежегодник 1918-1920 гг. // Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 1. М., 1921. С. 66-67.
- ²⁷³ Построено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XVII. М., 1928. С. 46-48. Табл. XII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод сведений по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. I. СПб, 1905. С. 56-58. Нами устранена аккумуляция возрастов путем сглаживания данных по трем точкам.
- ²⁷⁴ Построено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III. М., 1928. С. 38-39. Табл. 9; Первая всеобщая перепись населения... С. 130-131. Нами устранена аккумуляция возрастов путем сглаживания данных по трем точкам.
- ²⁷⁵ Построено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. М., 1928. С. 160-161. Табл. 9; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Вып. XXXI. Пермская губерния. СПб, 1904. С. 12-13. Нами устранена аккумуляция возрастов путем сглаживания данных по трем точкам.
- ²⁷⁶ Голикова С. В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 108.
- ²⁷⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXI. Пермская губерния. СПб, 1904. С. 10-11.
- ²⁷⁸ Лубны-Герцык Л. И. Указ. соч. С. 71.

- ²⁷⁹ Подсчитано по: Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг.... С. 2. Табл. 1-Б; Рашин А. Г. Указ. соч. С. 101. Табл. 57.
- ²⁸⁰ Лубны-Герцык Л. И. Указ. соч. С. 68.
- ²⁸¹ Лубны-Герцык Л. И. Механическое движение населения в городах СССР в летнее полугодие 1927 года//Статистическое обозрение. 1928. № 6. С. 95; см. также: Филимонов В. Я. Город и деревня в 1921-1925 гг. (по материалам Европейской России). Л., 1984. С. 38-39.
- ²⁸² Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 21-22; Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг.... С. 2. Табл. 1-Б.
- ²⁸³ Жиромская В. Б. Советский город в 1921-1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 78; Красильников М. Связь населения города Москвы с надельной землей // Статистическое обозрение. 1928. № 6. С. 103-107.
- ²⁸⁴ Минц Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.-Л., 1929. С. 292; Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж, 1991. С. 20.
- ²⁸⁵ Минц Л. Е. Указ. соч. С. 301.
- ²⁸⁶ Там же. С. 302.
- ²⁸⁷ Тутыхин Б. А. Центрально-Черноземная область. М., 1929. С. 90.
- ²⁸⁸ Красильников М. Аграрное переселение в 192//29 г.// Статистическое обозрение. 1930. № 5. С. 85-90; Иванов А. А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны. Дисс... канд. ист. н. Москва, 1998. С. 44.
- ²⁸⁹ Минц Л. Е. Указ. соч. С. 301.
- ²⁹⁰ Вишневский А. Г. Серп и рубль... С. 132-134; Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904. М.: Наука, 1980. С. 90, 91; Кабанов В. В. Крестьянство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 223.
- ²⁹¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1569. Л. 230.
- ²⁹² Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. М., 1922. С. 8-9.
- ²⁹³ Крестьянское хозяйство, колхозы и совхозы СССР в 1924/25 – 1927/28 гг. По данным сводок наркомфина СССР/ сост. В. П. Данилов, Т. И. Славко. Вып. I - . М., 1977. С. 30.
- ²⁹⁴ Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 250. Табл. 10.
- ²⁹⁵ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала // Труды Уральского областного статистического управления. 1928. Сер. V. Т. 6. С. 19.
- ²⁹⁶ ГАТО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 319. Л. 2; ГАТО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 337. Л. 1.
- ²⁹⁷ Ц. Ч. О. Статистический справочник. 1930. Воронеж, 1930. С. 60.
- ²⁹⁸ Безгин В. Б. Традиции сельской повседневности конца XIX начала XX века (на материалах губерний Центрального Черноземья). Дисс... докт. ист. н. М., 2006. С. 313.
- ²⁹⁹ Каплун М. Брачность населения РСФСР// Статистическое обозрение. 1929. № 7. С. 90-95; Лубны-Герцык Л. Естественное движение населения за 1926 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 8. С. 89.
- ³⁰⁰ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 213. Табл. 21; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. I. СПб., 1902. С. 4-5.
- ³⁰¹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. (Письмо седьмое) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 177.
- ³⁰² Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2. С. 37.
- ³⁰³ Подсчитано по: чистый остаток за вычетом посева: справочники «Урожай... года»; данные о винокурении и вывозе: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Петроград, 1915; Год девятый. Петроград, 1916.
- ³⁰⁴ Лосицкий А. Е. Перспективы потребления продовольственных продуктов в Союзе// Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 83.

- ³⁰⁵ Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2. С. 30-43; Кочетков И. В. К вопросу о продовольственном положении... С. 120; Урожай хлебов в России в 1917 г. М., 1918.
- ³⁰⁶ Материалы по вопросам разработки продовольственного плана. Вып. 1. Нормы продовольствия населения России по данным бюджетных исследований. М., 1916. С. 47. Табл. 16; Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920. С. 27.
- ³⁰⁷ Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатырь... С. 35,38.
- ³⁰⁸ Урожай хлебов в России в 1917 г... С. 17
- ³⁰⁹ Robinson G. T. Op. cit. P. 251; Корневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1953. С. 29-41.
- ³¹⁰ Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. I. М., 1966. С. 48.
- ³¹¹ Бюджеты крестьянских хозяйств на Урале за 1925-26 год//Груды Уральского областного статистического управления. 1928. Сер. 5. Т. 6. С. 12.
- ³¹² Крестовников А. Н. Питание крестьян Костромской губернии по бюджетным исследованиям 1908-09 гг. Кострома, 1912. С. 32; Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»... С. 30-43.
- ³¹³ Состояние питания сельского населения... С. 50.
- ³¹⁴ Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатырь... С. 32.
- ³¹⁵ Лосицкий А. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания// Статистическое обозрение. 1927. № 12. С. 18.
- ³¹⁶ Подсчитано по: Бехтеев С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. М., 1902. С. 88.
- ³¹⁷ Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана //Экономическое обозрение. 1927, июнь. С. 29
- ³¹⁸ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России//Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 190; Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. 91901-1912 гг.)//ЕАИВЕ. 1962. С. 502.
- ³¹⁹ См., например: Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 51.
- ³²⁰ Подсчитано по: Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 190.
- ³²¹ Подсчитано по: Ежегодник России 1909 г. СПб, 1910. С. 191-193; Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 383; Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М., 1960. С. 86.
- ³²² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т. 3. М., 1992. С. 257.
- ³²³ Black C. E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.Y. 1966. P. 73-74.
- ³²⁴ Для зарубежных стран: Лохтин П. Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. СПб, 1901. С. 216-217. Для России см. предыдущую таблицу; для сопоставимости с данными П. Лохтина произведен пересчет картофеля в зерно в соотношении 1:4.
- ³²⁵ Чернышев И. В. Сельское хозяйство довоенной России и СССР. М.-Л., 1926. С. 38.
- ³²⁶ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... Табл. 18
- ³²⁷ Подсчитано по: данные о перевозках: Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 1. Петроград, 1916; Выпуск 2, Петроград, 1917; Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Петроград, 1916; чистый остаток за вычетом посева: справочники «Урожай... года»; данные о винокурении: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Петроград, 1915; Год девятый. Петроград, 1916.

- ³²⁸ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С. 35.
- ³²⁹ Рынзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 41, 48; Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Часть. I. СПб. 1903. С. 36; Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. М.: Наука, 1984. С. 42; Пешехонов А. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях//Русское богатство. 1896. № 8. Отд. I. С. 191.
- ³³⁰ Статистическое описание Калужской губернии. Т. I. Вып. 2. Калуга, 1898. С. 653. Анфимов А. М. Экономическое положение... С. 42, 163.
- ³³¹ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С. С. 35.
- ³³² Привалова Т. В. Питание русского крестьянства на рубеже веков//Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 145.
- ³³³ Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. Самара, 1994. С. 255, 302, 304.
- ³³⁴ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 185.
- ³³⁵ Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 54; Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С. 47.
- ³³⁶ Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918). Документы и материалы. М., 2003. С. 5.
- ³³⁷ Центрально-Черноземная область. Справочная книга. Воронеж, 1931. С. 309.
- ³³⁸ Покшишевский В. В. Центрально-Черноземная область. М.-Л., 1929. С. 34.
- ³³⁹ Цит. по: Фурсов В. Н. Землевладение и землепользование крестьян Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в.//Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 23.
- ³⁴⁰ Шахназаров А. И. Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии. СПб, 1910. С. 22, 27.
- ³⁴¹ Там же. С. 22.
- ³⁴² Огановский Н. П. Популярные очерки экономической географии СССР в связи с мировой. М., 1925. С. 113.
- ³⁴³ Подсчитано по: Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг.//Влияние неурожая на народное хозяйство России. М., 1927. С. 78-79, 103-107. Посев: Материалы Комиссии 1901 года... Табл. 15. Население: Рашин А. Г. Население России... Табл. 19.
- ³⁴⁴ Подсчитано по: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 43-44.
- ³⁴⁵ Подсчитано по: Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг.//Влияние неурожая на народное хозяйство России. М., 1927. С. 78-79, 103-107. Посев: Материалы Комиссии 1901 года... Табл. 15. Население: Рашин А. Г. Население России... Табл. 19.
- ³⁴⁶ Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж, 1991. С. 20.
- ³⁴⁷ Книга М. Д. История голода 1891-1892 гг. в России. Дисс... к. и. н. Воронеж, 1997. С. 163-164.
- ³⁴⁸ Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года... Табл. VIII.
- ³⁴⁹ Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 164. Даны цифры по Северо-Черноземному району, заключающему в себе семь губерний: Тамбовскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую, Пензенскую, Тульскую и Рязанскую.
- ³⁵⁰ Платежи за десятину наделной земли составляли на Черноземье 1 руб. 80 коп для бывших помещичьих крестьян и 82 коп. бывших государственных крестьян сравнительно с 12 рублями арендной платы. См.: Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 141, 260, 262.

- ³⁵¹ Чернышев Н. В. Аграрный вопрос в России (от реформы до революции). Курск, 1927. С. 81-82.
- ³⁵² Volin L. A Century of Russian Agriculture. From Alexander II to Kruchev. Cambridge (Mass.). 1970. P. 69.
- ³⁵³ Подсчитано по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Петроград, 1915; Год девятый. Петроград, 1916; Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России//Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 193-194.
- ³⁵⁴ Рассчитано по: Егизарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 163.
- ³⁵⁵ См.: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России//Проблемы социально-экономической истории России. М.,: Наука, 1971. С.193.
- ³⁵⁶ Подсчитано по: Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года... Табл. XV.
- ³⁵⁷ Материалы Комиссии 1901 года... Табл. 24.
- ³⁵⁸ Цит. по: Фурсов В. Н. Классовая борьба... С. 49.
- ³⁵⁹ Там же. С. 47.
- ³⁶⁰ Статистика Российской империи. Т. 83. Военно-конская перепись 1912 года. Петроград, 1914. С. 4, табл. II, с. 72, табл. V; Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб, 1906. С. 24-25.
- ³⁶¹ Бржеский Н. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. СПб., 1908. С. 4-5.
- ³⁶² Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.
- ³⁶³ Чернышев Н. В. Аграрный вопрос в России... С. 27-28; Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб, 1907. С. 121-125; Статистика землевладения 1905 г. Вып. 45. Оренбургская губерния. СПб, 1906. С. 40-41; Статистика землевладения 1905 г. Вып. 40 Пермская губерния. С. 57.
- ³⁶⁴ Иванов А. А. Указ. соч. С. 53.
- ³⁶⁵ Цит. по: там же. С. 107.
- ³⁶⁶ Сельскохозяйственный обзор Уральской области за 1922-23 – 1926-27 гг. Итоги разработок годового цикла и осеннего опроса// Труды Уральского областного статистического управления. Сер V. Т. 5. Свердловск, 1928. С. 96.
- ³⁶⁷ Еремин А. С. Ирбитская деревня в конце XIX – начале XX века. Екатеринбург, 1997. С. 21.
- ³⁶⁸ Подсчитано по: Ежегодник России 1904 г. СПб, 1905. С. 236-240; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916. С. 82.
- ³⁶⁹ Запарий В. В. Черная металлургия Урала. XVIII-XX века. Екатеринбург, 2001. С. 186.
- ³⁷⁰ Подсчитано по: Цифровой материал о положении сельского хозяйства крестьян Пермской губернии за восьмилетний период – с 1905 по 1912 г. включительно. Пермь, 1913. С. 14-15.
- ³⁷¹ Статистика Российской империи. Т. 83. С. 4. Табл. II.
- ³⁷² Волгирева Г. П. Проблемы аграрных отношений начала XX века по материалам «Пермских губернских новостей» - <http://www.nlr.ru/tus/300505/volgireva.pdf>
- ³⁷³ Цифровой материал... С. 14-15.
- ³⁷⁴ Там же; Еремин А. С. Ирбитская деревня в конце XIX – начале XX века. Екатеринбург, 1997. С. 31; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1904 года. Пермь, 1905. С. 48.
- ³⁷⁵ Казанский Ф. О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале// Уральский коммунист. 1928. № 26-27. С. 5-6.
- ³⁷⁶ Николаев В. Краткий очерк условий сельскохозяйственной деятельности в Кунгурском уезде//Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

- Т. XXX. Пермская губерния. СПб, 1903. С. 346-347; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении... С. 48.
- ³⁷⁷ Урожай хлебов и трав в Тобольской губернии в 1915 году. Тобольск, 1915. С. 12-13.
- ³⁷⁸ Подсчитано по: Статистика землевладения 1905 г. Вып. 45. Оренбургская губерния. СПб, 1906. С. 40, 44; Краткий обзор сельскохозяйственной промышленности в Оренбургской губернии. Оренбург, 1902. С. 8, 12.
- ³⁷⁹ Краткий обзор сельскохозяйственной промышленности в Оренбургской губернии // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 27. Оренбургская губерния. СПб., 1903. С. 114; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956. С. 65. В «Истории Урала в период капитализма» (с. 251) утверждается, что недоимка в 450% оклада имела место в 1905 году, причем приводится ссылка на работу П. И. Лященко (см. выше), из которой видно, что речь идет о 1891-1895 годах.
- ³⁸⁰ Бюджеты крестьянских хозяйств на Урале за 1925-26 год//Труды Уральского областного статистического управления. 1928. Сер. 5. Т. 6. С. 12
- ³⁸¹ Граудин Ф. X. Записка Секретаря Шадринской Земельной Управы Ф. X. Граудина о нуждах крестьянского хозяйства в Шадринском уезде и мерах к их удовлетворению // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 30. Пермская губерния. СПб, 1903. С. 537-543; Краткий обзор сельскохозяйственной промышленности в Оренбургской губернии // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 27. Оренбургская губерния. СПб., 1903. С. 114-115; Воробьев А. Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1926. С. 103-104.
- ³⁸² Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств... Табл. VII. 2а, 4а, IX.
- ³⁸³ Чайнов А. В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР в сравнении его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 212.
- ³⁸⁴ Бруцкус Б. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петроград, 1922. С. 71.
- ³⁸⁵ Симонова М. С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX-начала XX в.//Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 236-237.
- ³⁸⁶ Материалы Комиссии 1901 года....
- ³⁸⁷ Там же. Вып. III. С. 234.
- ³⁸⁸ Там же. Вып. III. С. 234
- ³⁸⁹ Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство... С. 330. Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960. С.
- ³⁹⁰ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... С. 229.
- ³⁹¹ Цит. по: Яцунский В. К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVIII века до 1917 года//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. – С. 61. См. также: Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР//Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 352.
- ³⁹² Островский А. В. О Региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России (1862-1914)//Проблемы исторической географии России. Вып. II, М., 1982. С. 181.
- ³⁹³ Рындзюнский П. Г. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX-XX вв. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 155-172.
- ³⁹⁴ Рындзюнский П. Г. Указ. соч. С. 163. Табл. 1. Земельная обеспеченность при норме в 9 дес. на двор подсчитана нами.
- ³⁹⁵ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. 69.
- ³⁹⁶ Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб. 1881. С. 71.
- ³⁹⁷ Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж, 1991. С. 23.
- ³⁹⁸ Тюкавкин В. Г. Указ. соч. С. 79.

- ³⁹⁹ Янсон Ю. Указ. соч. С. 70.
- ⁴⁰⁰ Воронцов В. Судьбы капиталистической России. СПб, 1907. С. 186.
- ⁴⁰¹ Там же. С. 187-188.
- ⁴⁰² Нефедов Г. Ф. Аграрный вопрос и закон народонаселения. Моршанск, 1906. С. 24.
- ⁴⁰³ Нефедов Г. Ф. Закон народонаселения и Россия. Моршанск, 1910.
- ⁴⁰³ Огановский Н. Закономерности аграрной эволюции. Т. III. Вып. 1. М., 1914. С. 19-20.
- ⁴⁰⁴ Кагоровский К. Р. Русская община. М., 1906. С. 24.
- ⁴⁰⁵ Канищев В. В. Экономика, демография, экология в контексте модернизации... С. 523, 526.
- ⁴⁰⁶ Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах. СПб, 1907. С. 26; Гохленер В.М. Указ соч. С. 233.
- ⁴⁰⁷ Цит. по: Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 29.
- ⁴⁰⁸ Там же. С. 37.
- ⁴⁰⁹ Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство... С. 132.
- ⁴¹⁰ Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 260, 262.
- ⁴¹¹ Пересчет сделан по средним ценам за 1899-1901 и 1910-1912 года по средним ценам 18 губерний Центрально-промышленного и Центрально-Черноземного района, см.: Миرون Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л., 1985. Приложение. Табл. 11, 14; налоги: Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи... С. 502.
- ⁴¹² См.: Кофод А. А. Хуторское расселение. СПб., 1907. С. 3-4.
- ⁴¹³ Кнапп Г. Ф. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. СПб, 1900. С.118, 170-171; Кампфмейстер П. Юнкеры и крестьяне в Пруссии. Одесса, 1905. С. 27.
- ⁴¹⁴ Цит. по: Граудзин Ф. Х. Записка Секретаря Шадринской Земельной Управы Ф. Х. Граудзина о нуждах крестьянского хозяйства в Шадринском уезде и мерах к их удовлетворению // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 30. Пермская губерния. СПб, 1903. С. 544.
- ⁴¹⁵ Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых в России до войны и перспективы ее развития в будущем// Вайнштейн А. Л. Избранные труды. Кн.1 М., 2000. С. 305-320; Кудрявцев Н. К вопросу о поднятии урожайности на Урале//Хозяйство Урала. 1928. № 10. С. 59-60.
- ⁴¹⁶ Огановский Н. П. Перспективный план развития посевных площадей и урожаев по регионам// Плановое хозяйство. 1927. № 6. С. 105.
- ⁴¹⁷ Вавилов Н. И. Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера// Пути сельского хозяйства . 1928. №7 . С. 256.
- ⁴¹⁸ Лабузов В. А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ. Дисс... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 305-308.
- ⁴¹⁹ Там же. С. 306.
- ⁴²⁰ Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. I. Сельское хозяйство. М., 1923. С. 105.
- ⁴²¹ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 133.
- ⁴²² Там же. С. 134.
- ⁴²³ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство... С. 370, 371.
- ⁴²⁴ Посчитано по: Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство... С. 370, 371.
- ⁴²⁵ Там же. С. 371.
- ⁴²⁶ Иванов А. А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра... С. 46-47, 83.
- ⁴²⁷ Анфимов А. М. Земельная аренда в России... С.164.
- ⁴²⁸ Подсчитано по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств... Табл. А.1.
- ⁴²⁹ Ковальченко И. Д. Аграрное развитие России... С. 256.
- ⁴³⁰ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время революции и гражданской войны. М., 1991. С. 116; Gattrell P. The Tsarist Economy... P. 123; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 415.

- ⁴³¹ Подсчитано по: там же; Дубровский С. М. Указ. соч. Приложение 1-5.
- ⁴³² Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России//Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 28.
- ⁴³³ Вакитова Л. П. Сельское хозяйство и столыпинская аграрная реформа в Пермской губернии (1907-1914 гг.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. Пермь, 1968. С. 11,13.
- ⁴³⁴ Фигуровская Н. К., Симонов В. В. Н. Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени // Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 34, 36.
- ⁴³⁵ Данилов В. П. О характере аграрной эволюции России после 1861 года//Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 60.
- ⁴³⁶ Цит. по: Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 172.
- ⁴³⁷ Подсчитано по: Статистический сборник за 1913-1917 гг.//Труды ЦСУ. Т. 7. Вып. 1. М., 1921. С. 184; Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 38-39; Ежегодник России 1904 г. СПб, 1905. С. 236-240.
- ⁴³⁸ В отличие от таблицы 3.11 здесь в составе крестьянского населения учтены казаки и башкиры.
- ⁴³⁹ Хрящева А. Групповой состав населения крестьянских хозяйств до и после революции//Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. Труды ЦСУ. Т VII. Вып. 3. М., 1922. С. 12
- ⁴⁴⁰ Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 71.
- ⁴⁴¹ Там же. С. 46.
- ⁴⁴² Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. М., 1922. С. 8-9.
- ⁴⁴³ Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 35.
- ⁴⁴⁴ Сазонов К. Н. Землепользование и землеустройство в Центрально-Черноземной области после революции// Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Воронеж, 1926. С. 107-158; Фулин Ю. А. Осуществление декрета о земле в Центрально-земледельческом районе// Ленинский декрет в действии. М., 1979. С. 72-103.
- ⁴⁴⁵ Число наличных дворов и количество наделной земли: Статистический справочник за 1913-1917 гг. //Труды ЦСУ. 1921. Т. VII. Вып. 1. С. 178, 188. Размеры крестьянских земель после революции: Данилов В. П. Перераспределение земельного фонда в результате Великой Октябрьской революции// Ленинский декрет о земле в действии. М., 1979. С. 284-285.
- ⁴⁴⁶ ГАТО. Ф. Р-761. Оп. 2. Д. 304. Л. 2-3.
- ⁴⁴⁷ Сазонов К. Н. Указ. соч. С. 142.
- ⁴⁴⁸ Подсчитано по: Третьяков В. В. Изменение в материальном положении уральского крестьянства в результате осуществления Декрета о земле (1917-1920)// Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917-1986). Свердловск, 1988. С. 15; Статистический сборник за 1913-1917 гг.... С. 184.
- ⁴⁴⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 2. М., 2003. С. 489.
- ⁴⁵⁰ Посчитано по: Экономическое расслоение крестьянства... С. 12-13.
- ⁴⁵¹ В границах 1917 г.
- ⁴⁵² Посчитано по: Экономическое расслоение крестьянства... С. 18.
- ⁴⁵³ Фулин Ю. В. Осуществление Декрета о земле в Центрально-земледельческом районе//Ленинский декрет в действии. М., 1979. С. 86.
- ⁴⁵⁴ Поляков Ю. А. Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции (1917-1920 гг.). М., 1961. С. 30.
- ⁴⁵⁵ ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 13. Л. 110.
- ⁴⁵⁶ ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 13. Л. 109.

- ⁴⁵⁷ ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 13. Л. 109.
- ⁴⁵⁸ ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 13. Л. 111.
- ⁴⁵⁹ Чайнов А. В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР... С. 213.
- ⁴⁶⁰ Кабанов В. В. Крестьянство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 51-56.
- ⁴⁶¹ Сюда входят четыре центрально-черноземные губернии и полосу к тому, губернии Тульская, Рязанская, Пензенская, Симбирская, Вятская, Казанская, Саратовская и Нижегородская). А. М. Большаков свидетельствует, что потребление крестьян Тверской губернии было также «не хуже довоенного»: Большаков А. М. Деревня 1917-1927. М., 1927. С. 169.
- ⁴⁶² Лосицкий А. Потребление хлеба и мяса сельским населением в 1918-19 году //Бюллетень Центрального Статистического управления. 1920. № 19-20. С. 4.
- ⁴⁶³ Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 64,297.
- ⁴⁶⁴ Подсчитано по: Статистический ежегодник 1921. Вып. 2 //Труды ЦСУ. 1922. Т.8. Вып. 4. С. 226; Статистический ежегодник 1918-1920 гг.// Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 1. М., 1921. С. 4.
- ⁴⁶⁵ Попов П. Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с ней республиках. М., 1921. С. 22-24.
- ⁴⁶⁶ Вишневицкий Н. К вопросу о характере современного сельскохозяйственного кризиса // Сельское и лесное хозяйство. 1922. № 7-8. С. 86-92. См. также: Струмилин С. Динамика крестьянского хозяйства// Крестьянское хозяйство за время революции. М., 1923. С. 103.
- ⁴⁶⁷ Лосицкий А. Состояние питания сельского населения //Бюллетень ЦСУ. 1920. № 1. С. 1. Заметим, что Л. Н. Литошенко (Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 434) приводит цифру потребления хлебных продуктов по названным «5 губерниям» в 1919 году в 11,36 пуда, ссылаясь при этом на «Статистический ежегодник. 1918-1920». Однако, как справедливо указывает редактор А. Д. Журавлева, такой цифры в указанном ежегоднике нет. И в любом случае, аргументировать падение потребления уже в 1919 году, сравнивая довоенное потребление в 15 губерниях с потреблением в 5 губерниях, некорректно.
- ⁴⁶⁸ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 440.
- ⁴⁶⁹ Попов П. Указ. Соч. С. 25.
- ⁴⁷⁰ Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы НЭПА (1921-1928 гг.). Тамбов, 2004. С. 33-35; Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 332-335.
- ⁴⁷¹ Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 // Труды ЦСУ. 1928. Т. 30. Вып. 2. С. 8, 26-27, 43-44,62-63,80-81, 108-109, 126-127, 144-145. Мы перевели муку и крупу в зерно, исходя из 6% потерь.
- ⁴⁷² Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 95. Табл. 16; Статистический сборник Челябинской губернии за 1920-1923 г. Челябинск, 1923. С. 66, 136.
- ⁴⁷³ Состояние питания сельского населения СССР... С. 8, 26-27, 43-44,62-63,80-81, 108-109, 126-127, 144-145. Мы перевели муку и крупу в зерно, исходя из 6% потерь.
- ⁴⁷⁴ Состояние питания сельского населения СССР... С. 8, 26-27, 43-44,62-63,80-81, 108-109, 126-127, 144-145. Мы перевели муку и крупу в зерно, исходя из 6% потерь.
- ⁴⁷⁵ Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 228-235; см также: Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. С.32-35.
- ⁴⁷⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 2; Д. 32а, Л. 43. В РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 30. Д. 881. Л. 9. имеется также баланс за 1928 календарный год.
- ⁴⁷⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 2. Численность населения: Данилов В. П. Динамика населения СССР ... С. 251.
- ⁴⁷⁸ Струмилин С. Г. К хозяйственному плану... С. 27

- ⁴⁷⁹ Данные о зерновых см. Табл. 3.25. Данные о картофеле: Миялевский И. Балансы специальных культур // Статистическое обозрение. 1928. № 12. С.34; Сельское хозяйство СССР. 1925-1928. М., 1929. С. 220-221.
- ⁴⁸⁰ Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М., 1966. С. 20.
- ⁴⁸¹ Данные для послекризисного периода см. Табл. 3.25. Для докризисного периода: Мошков Ю. А. Указ. соч. С. 20; Социалистическое строительство Союза ССР (1933-1938). М., 1939. С. 97.
- ⁴⁸² Для 1916 года: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923-1927 гг. М., 1930. С. 3, 14, 90. Для 1927 года: Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. С. 24-25, 36-37, 55-56.
- ⁴⁸³ Дубенецкий Н. Хлебофуражный баланс СССР 1925/26 и 1926/27 с.-х. годов // Статистическое обозрение. 1927. № 4. С. 65.
- ⁴⁸⁴ Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 // Труды ЦСУ. 1928. Т. 30. Вып. 2. С. 53.
- ⁴⁸⁵ Конохов Г. А. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928-1929). М., 1960. С. 56.
- ⁴⁸⁶ Пластунов Н. И. О так называемом «аграрном перенаселении» и социально-экономических предпосылках переселенческого движения в СССР накануне сплошной коллективизации // Труды Томского гос. университета. 1967. Т. 190. С. 252.
- ⁴⁸⁷ Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 725; Виноградский Н. Н. Болезни хлебного рынка // Плановое хозяйство. 1927. № 4. - С. 93.
- ⁴⁸⁸ Кондратьев Н. Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 191.
- ⁴⁸⁹ Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 804, 812.
- ⁴⁹⁰ Мы берем среднюю между заготовительной ценой ржи и пшеницы, см.: Виноградский Н. Н. Указ. соч. С. 93.
- ⁴⁹¹ Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 283-285.
- ⁴⁹² Там же. С. 559.
- ⁴⁹³ Там же. С. 546.
- ⁴⁹⁴ Литвак К. Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 194.
- ⁴⁹⁵ Там же.
- ⁴⁹⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 2. Д. 83. Л. 77.
- ⁴⁹⁷ ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 101.
- ⁴⁹⁸ Маслов П. П. Развитие сельского хозяйства до и после революции // Известия ЦК КПСС, 1989. № 10. С. 195.
- ⁴⁹⁹ Статистический справочник СССР 1927. М., 1928. С. 160; Нифонтов В. Мясной баланс СССР в 1925/26 и 1926/27 годах // Статистическое обозрение. 1928. № 9. С. 19.
- ⁵⁰⁰ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб, 1995. С. 313.
- ⁵⁰¹ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 546.
- ⁵⁰² Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880-1960 // Slavic Review. 1999. Vol. 58. No. 1. P. 40.
- ⁵⁰³ Op. cit. P. 40.
- ⁵⁰⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII- начало XX в). Т. 2. СПб, 2000. С. 345.
- ⁵⁰⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 26; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 32а. Л. 43.
- ⁵⁰⁶ Маслов П. П. Развитие сельского хозяйства до и после революции // Известия ЦК КПСС, 1989. № 10. С. 210.
- ⁵⁰⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 26; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 32а. Л. 43.

- ⁵⁰⁸ Данные о зерновых см. Табл. 3.32. Данные о картофеле: Миялевский И. Балансы специальных культур // Статистическое обозрение. 1928. № 12. С.34; Сельское хозяйство СССР. 1925-1928. М., 1929. С. 220-221.
- ⁵⁰⁹ Подсчитано по: Алкоголизм в современной деревне. М., 1929. С. 38.
- ⁵¹⁰ Там же. С. 16, 20, 36.
- ⁵¹¹ Скрышников А. В., Черных В. М. Особенности хозяйственного развития Центрального Черноземья в годы нэпа // Актуальные проблемы отечественной истории. Воронеж: ВГТУ, 1995. С. 84.
- ⁵¹² Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии, Тамбов, 1927. С. 98-99.
- ⁵¹³ Есиков С. А. Зерновое производство крестьянских хозяйств Тамбовской губернии (конец XIX – конец 1920-х гг.) // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Л. В. Милов. – Орел, 2006. С. 287.
- ⁵¹⁴ Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии... С. 98-99.
- ⁵¹⁵ Статистический сборник по Тамбовской губернии за 1926 год. Тамбов, 1926. С. 149, 152; Население и хозяйство Воронежской губернии. Вып. 2. Воронеж, 1927. С. 383. Рянский Л. М., Бочаров Л. Н., Травина А. С. Курская деревня в 1920-30-х годах. Коллективизация. Курск, 1993. С. 5.
- ⁵¹⁶ Сергеев В. Восстановление и реконструкция сельского хозяйства Центрально-черноземной области // Пути сельского хозяйства. 1929. № 5. С. 117.
- ⁵¹⁷ Там же. С. 117.
- ⁵¹⁸ Центрально-Черноземная область. Справочная книга. Воронеж, 1931. С. 309; Покшишевский В. В. Указ. соч. С. 35.
- ⁵¹⁹ Логунов В. И. КПСС - организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья. Воронеж, 1970. С. 244.
- ⁵²⁰ ЦЧО: для 1916 года: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923-1927 гг. М., 1930. С. 3, 14, 90. Для 1928 года: Центрально-Черноземная область. Справочная книга. Воронеж, 1931. С. 309, 312; Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. С. 25. Данные для Урала подсчитаны по: Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала // Труды Уральского областного статистического управления. Сер. V. Т. 6. 1928. Приложение. С. 2, 7, 14, 36. Для численности населения УрО на 1916 год нами сделана поправка, так как перепись 1916 года учитывала только наличное население, и размер дворов был меньше, чем в 1920 году. Чтобы учесть отсутствующих (мобилизованных в армию) мы приняли для 1916 года тот же размер дворов, что и в 1920 году.
- ⁵²¹ Для ЦЧО: Центрально-Черноземная область. Статистический справочник. Воронеж: Облстатотдел, 1929. С. 175; Статистика Российской империи. Т. 83. Военно-конская перепись 1912 года. Петроград, 1914. С. 4, табл. II, с. 72, табл. V. Для Урала: ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 13. Л. 111; ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 797. Л. 14.
- ⁵²² ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 444. Л. 10об.
- ⁵²³ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 721. Оп. 3. Д. 2. Л. 66.
- ⁵²⁴ Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы НЭПа. Тамбов, 2004. С. 48, 62.
- ⁵²⁵ Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии... С. 60.
- ⁵²⁶ Тоцкий Н. Центрально-Черноземная область в системе народного хозяйства СССР // Хозяйство ЦЧО. 1928. № 2. С. 21.
- ⁵²⁷ Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г. // Вестник статистики. Кн. XIII. № 1. С. 146-147.
- ⁵²⁸ Покшишевский В. В. Указ. соч. С. 61.
- ⁵²⁹ Тутьхин Б. . Указ. соч. С. 20.
- ⁵³⁰ Цит. по: Ремейко А. На путях восстановления хозяйства ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1928. № 2. С. 11; данные для Урала подсчитаны по: Материалы по сельскохозяйственной ста-

тистике Урала // Труды Уральского областного статистического управления. Сер. V. Т. 6. 1928. С. 4.

⁵³¹ Логунов В.И. Значение исторического опыта восстановления сельского хозяйства Центрального Черноземья (1921-1927гг.)

//http://rushist.narod.ru/files/saint_works/art_16.htm

⁵³² Сергеев В. Указ. соч. С. 117.

⁵³³ ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 2919. Л. 9; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2228. Л. 3.

⁵³⁴ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 444. Л. 10об.

⁵³⁵ Роголина Н. Аграрные реформы в России... С. 131.

⁵³⁶ Сергеев В. Указ. соч. С. 117.

⁵³⁷ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1657. Л. 3, 44; Д. 1684. Л. 1. 13.

⁵³⁸ Цит. по: Роголина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство... С. 145.

⁵³⁹ Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР... С. 128.

⁵⁴⁰ Урожай хлебов в России в 1917 г... С. 17.

⁵⁴¹ Чайнов А. В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР... С. 215.

⁵⁴² Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 432.

⁵⁴³ Субботин С. Социально-гигиеническая оценка современного села в Центрально-Черноземной области // Хозяйство ЦЧО. 1928. №2. С. 105.

⁵⁴⁴ Сергеев В. Указ. соч. С. 118.

⁵⁴⁵ Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР... С. 128.

⁵⁴⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 26; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 32а. Л. 43.

⁵⁴⁷ Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Свердловск, 1929. С. 7.

⁵⁴⁸ Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia// Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton, 1991. P. 134, 172.

⁵⁴⁹ Данные о зерновых см. табл. 3.36. Данные о картофеле: Мильявский И. Балансы специальных культур // Статистическое обозрение. 1928. № 12. С.34; Сельское хозяйство СССР. 1925-1928. М., 1929. С. 220-221. Данные о вывозе для 1913 года: География избытков и недостатков сельскохозяйственных продуктов. М., 1930. С. 13.

⁵⁵⁰ Сельскохозяйственный обзор Уральской области за 1922-23 – 1926-27 гг. Итоги работ годового цикла и осеннего опроса// Труды Уральского областного статистического управления. 1928. Сер V. Т. 5. С. 92.

⁵⁵¹ Там же. С. 91.

⁵⁵² Там же. С.86, 97.

⁵⁵³ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала... С. 30, 93.

⁵⁵⁴ Гуров В. П. Структура и динамика крестьянских хозяйств на Урале в годы восстановительного периода (1921-1925 гг.) // Уральский гос. университет. Научные труды кафедр истории КПСС, философии и научного коммунизма. Вып.2. Свердловск, 1969. С. 116.

⁵⁵⁵ Там же. С. 25, 40.

⁵⁵⁶ Авилов Б. К вопросу об аграрном перенаселении // Экономическое обозрение. 1929. № 2. С. 87.

⁵⁵⁷ Подсчитано по: Крестьянские бюджеты 1925-26 гг. Основные материалы. М., 1929. С. 6-8; Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 552.

⁵⁵⁸ Лейрих Э. Влияние агромероприятий на поднятие урожайности // Хозяйство Урала. 1929. № 8-9. С. 113; Лейрих Э. Соха и плуг на Урале// Хозяйство Урала. 1928. № 3. С. 94; Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале... С. 20.

⁵⁵⁹ Затеищиков Л. Сельскохозяйственные районы Уральской области // Хозяйство Урала. 1928. № 4. С. 92-93.

⁵⁶⁰ Там же; Лацис М. Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним. М.-Л., 1929. С. 82-83; Казанский Ф. Указ. соч. С. 6.

⁵⁶¹ Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале... С. 18,20.

⁵⁶² Еремин А. С. Ирбитская доколхозная деревня. Екатеринбург, 1998. С. 57.

⁵⁶³ Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала // Труды Уральского областного статистического управления. Сер. V. Т. 6. 1928. Приложение. С. 7,14.

- ⁵⁶⁴ Дроздов И. Г. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л., 1930. С. 74.
- ⁵⁶⁵ См.: Уральское хозяйство в цифрах. 1926 г. ... С. 144.
- ⁵⁶⁶ Подсчитано по: Князев А. Поденные цены на рабочие руки в сельском хозяйстве // Статистическое обозрение. 1927. № 5. С. 51; Сельскохозяйственный обзор Уральской области за 1922-23 – 1926-27 гг. ... С. 118; Материалы по статистике цен. Вып. 1. М., 1928. С. 18-19, 48.
- ⁵⁶⁷ Литвак К. Б. Жизнь крестьянина 20-х годов. ... С. 188.
- ⁵⁶⁸ Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 433.
- ⁵⁶⁹ Немчинов В. С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории // Немчинов В. С. Избранные произведения. Т. 2. М., 1967. С. 107.
- ⁵⁷⁰ Сталин И. В. На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 // "Правда" № 127, 2 июня 1928 г.
- ⁵⁷¹ История советского крестьянства. Т. 1. М., 1986. С. 342.
- ⁵⁷² Там же.
- ⁵⁷³ Там же.
- ⁵⁷⁴ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 190.
- ⁵⁷⁵ Статистический справочник СССР за 1928 г. ... С. 621.
- ⁵⁷⁶ Там же. С. 280.
- ⁵⁷⁷ Там же. С. 848.
- ⁵⁷⁸ Там же. С. 848.
- ⁵⁷⁹ Статистический справочник СССР 1927. М., 1928. С. 160, 178; Нифонтов В. Мясной баланс СССР в 1925/26 и 1926/27 годах // Статистическое обозрение. 1928. № 9. С. 19.
- ⁵⁸⁰ Мы берем среднюю между заготовительной ценой ржи и пшеницы, см.: Виноградский Н. Н. Болезни хлебного рынка // Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 93.
- ⁵⁸¹ Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // Экономическое обозрение. 1927, июнь. С. 29
- ⁵⁸² Статистический справочник СССР за 1928 г. ... С. 804, 812.
- ⁵⁸³ Мы берем среднюю между заготовительной ценой ржи и пшеницы, см.: Виноградский Н. Н. Указ. соч. С. 93.
- ⁵⁸⁴ Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921-1928 гг. М., 1972. С. 110.
- ⁵⁸⁵ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 2. М., 2000. С. 448.
- ⁵⁸⁶ Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование. ... С. 149-150.
- ⁵⁸⁷ Ильиных В. А. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях Нэпа (1921-1927) // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 169-170.
- ⁵⁸⁸ Сталин И. В. Из речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 4-12 июля 1928 г. "Об индустриализации и хлебной проблеме". // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 159.
- ⁵⁸⁹ Фрумкин М. И. Из доклада заместителя наркома финансов СССР М. И. Фрумкина в ЦК ВКП(б) о его поездке на Урал по вопросу хлебозаготовок. 19 января 1928г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1931. Т. 1. М., 1999. С. 163; Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М., 1966. С. 29; Конохов Г. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928-1929). М., 1960. С. 72.
- ⁵⁹⁰ Фрумкин М. И. Указ. соч. С. 165.
- ⁵⁹¹ Конохов Г. Указ. соч. С. 68.
- ⁵⁹² ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3933. Л. 2-3.
- ⁵⁹³ Мигушенко О. Н. Социально-экономические и политические отношения в деревне ЦЧО. 1928-1934. Дисс. ... канд. ист. н. Воронеж, 1994. С. 31.

- ⁵⁹⁴ Там же. С. 65-66, 159-160.; Данилов В. П., Ватлин А. Ю., Хлевнюк О. В. Введение// Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 2. М., 2000. С. 6.
- ⁵⁹⁵ Конохов Г. Указ. соч. С. 99-100, 154; Роголина Н. А. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989. С. 89, 90; Прозоровский К. Хлебные цены и хлебный рынок в третьем квартале 1927/28 сельскохозяйственного года// Статистическое обозрение. 1928. № 6. С. 55-61.
- ⁵⁹⁶ Как ломали нэп... Т. 1. С. 45.
- ⁵⁹⁷ Мошков Ю. А. Указ. соч. С. 51-52; Антошин И. Снабжение крупнейших экономических центров потребляющей полосы в первой половине 1928/1929 хозяйственного года// Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. 1929. Вып. 8. С. 112.
- ⁵⁹⁸ Там же. Т. 2. С. 187; Данилов В. П., Ватлин А. Ю., Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 7.
- ⁵⁹⁹ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 2. М., 2000. С. 187.
- ⁶⁰⁰ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 848-851; Состояние питания сельского населения СССР... С. 62-63, 80-81, 108-109, 126-127, 144-145. В этих источниках мука и крупа переведены в зерно с учетом 6% потерь. Для каждого сельскохозяйственного года нами подсчитаны средние по результатам произведенных в этом году обследований. Кроме того, в соответствии с методикой Экспертного совета, сделана скидка в 5% на дефекты выборки. Душевое потребление для всего населения подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 2.
- ⁶⁰¹ История советского крестьянства. Т. 1. М., 1986. С. 342; Лосицкий А. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания// Статистическое обозрение. 1927. № 12. С. 22-23.
- ⁶⁰² Потребление посчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 2. Численность населения: Данилов В. П. Динамика населения СССР... С. 251.
- ⁶⁰³ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911. М., 1991. С. 47, 49, 53.
- ⁶⁰⁴ Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб. 1894. С. 284.
- ⁶⁰⁵ Чаянов А. В. Технично-экономические вопросы строительства социалистического земледелия// Научное слово. 1930. № 4.
- ⁶⁰⁶ Пластунов Н. И. О так называемом «аграрном перенаселении» и социально-экономических предпосылках переселенческого движения в СССР накануне сплошной коллективизации// Труды Томского гос. университета. 1967. Т. 190. С. 242-243.
- ⁶⁰⁷ Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР// Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 52-78.
- ⁶⁰⁸ Маслов П. Перенаселение русской деревни. М.-Л., 1930. С. 14, 35.
- ⁶⁰⁹ Подсчитано по: Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде... С. 352.
- ⁶¹⁰ Лубны-Герцык Л. И. Аграрное перенаселение и аграрный строй// Сельское и лесное хозяйство. 1923. № 10. С. 14.
- ⁶¹¹ Лацис М. Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним. М.-Л., 1929. С. 50.
- ⁶¹² РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Л. 26, 27.
- ⁶¹³ Минц Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.-Л., 1929. С. 22, 37.
- ⁶¹⁴ Алкоголизм в современной деревне... С. 49.
- ⁶¹⁵ Маслов П. Указ. соч. С. 31.
- ⁶¹⁶ Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства. М., 1928. С. 13.
- ⁶¹⁷ Татарчуков А. Н. Об «избыточном» населении Центрально-Черноземной области// Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Т. 1. Воронеж, 1926. С. 36-37. А. Н. Сахаров определял долю «излишнего» сельского населения в Тамбовской губернии в 26%. См.: Сахаров А. Н. Сельскохозяйственные районы Тамбовской губернии. Тамбов, 1928. С. 17-19.
- ⁶¹⁸ Огановский Н. Сельское хозяйство Союза ССР в 1924/25 г. М., 1925.

- ⁶¹⁹ Там же. С. XXX.
- ⁶²⁰ Минц Л. Е. Указ. соч. С. 114.
- ⁶²¹ Лацис М. Указ. соч. С. 40.
- ⁶²² Кондратьев Н.Д., Огановский Н. П. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. Вып. 1. М., 1924. С. 11, 38.
- ⁶²³ Авилов Б. К вопросу об аграрном перенаселении // Экономическое обозрение. 1929. № 2. С. 81-93.
- ⁶²⁴ Там же. С. 84.
- ⁶²⁵ Лацис М. Указ. соч. С. 60.
- ⁶²⁶ Маслов П. Указ. соч. С. 12-13.
- ⁶²⁷ Данилов В. П., Ватлин А. Ю., Хлевнюк О. В. Введение... С. 6.
- ⁶²⁸ Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. М.: ОГИЗ, 1949. С. 314.
- ⁶²⁹ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988 С. 135.
- ⁶³⁰ Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 405.
- ⁶³¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. II. М., 1954. С. 474.
- ⁶³² Роголина Н. Л. Проблемы аграрного перенаселения в экономической литературе 10-20-х годов XX в. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения в X-XX вв. М., 1998. С. 107.
- ⁶³³ Лацис М. Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним. М.-Л., 1929.
- ⁶³⁴ Там же. С. 73.
- ⁶³⁵ Там же. С. 73-90.
- ⁶³⁶ Кондратьев Н. Д. Аграрное перенаселение и уровень развития производительных сил сельского хозяйства СССР// Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2 кн. Кн. 2. М., 1993. С. 350-351.
- ⁶³⁷ Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М.: Прогресс, 1988, С. 336.
- ⁶³⁸ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: ОГИЗ, 1949. С. 39.
- ⁶³⁹ Данилов В. П., Дмитриенко В. П. Лельчук В. С. Нэп и его судьба.// Историки спорят /ред. В. С. Лельчук. М., 1988. С. 178.
- ⁶⁴⁰ Там же.
- ⁶⁴¹ Горинов М. М. Нэп: поиски путей развития. М., 1990. С. 42.
- ⁶⁴² Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. М., 2001. С. 44.

Литература и источники

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилов Б. К вопросу об аграрном перенаселении // Экономическое обозрение. 1929. № 2. - С. 81-93.
2. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV-начало XVI века/ отв. ред. А. Л. Шапиро – Л.: Наука, Ленингр. отд, 1971. – 402 с.
3. Административно-территориальный состав Союза СССР и список важнейших населенных пунктов с хронологическим перечнем об изменении границ губерний, областей и республик с 1917 по 1929 г. - М.: Изд. НКВД, 1929. – 317 с.
4. Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925 г. и 1 июля 1926 г. в сопоставлении с довоенным делением России. - М.: Изд. ЦСУ СССР, 1926. – 213 с.
5. Алкоголизм в современной деревне. - М.: Издание ЦСУ, 1929. – 55 с.
6. Аделунг Н. Довоенная сельскохозяйственная продукция // Плановое хозяйство. 1925. № 11. С. 309-340.

7. Андреев А. Сельское хозяйство ЦЧО и итоги мероприятий по восстановлению // Хозяйство ЦЧО. 1928. № 2. – С. 25-35.
8. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история Российской Федерации, 1927-1959. - М. 1998. – 226 с.
9. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза. 1922-1991. - М.: Наука, 1993. – 143 с.
10. Антошин И. Снабжение крупнейших экономических центров потребляющей полосы в первой половине 1928/1929 хозяйственного года// Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. 1929. Вып. 8. - С. 110-124.
11. Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. – М.: Изд. АН СССР, 1961. – 207с.
12. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904. - М.: Наука, 1980. – 237 с.
13. Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901-1912 гг.)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1962 г. – Минск, 1964. – С. 489-505.
14. Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. – М.: Ин-т рос. ист., 2002. – 299с.
15. Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. – М.: Соц-этиз, 1962. – 383 с.
16. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. – М.: Наука, 1984. – 230 с.
17. Арсеньев А. Центрально-Черноземный район. –М.: Плановое хозяйство, 1927. – 124 с.
18. Базилевский Б. П. Очерк эволюции и современное состояние сельского хозяйства Центрально-Черноземного района //Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Т. 1– Воронеж, 1926. – С. 41-94.
19. Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. - М.: Наука, 1969. – 167 с.
20. Баткис Г. А., Политов Л. Г. Сдвиги в питании населения // Баткис Г. А. Вопросы санитарной и демографической статистики. – М.: Статистика, 1964. – С. 260-271.
21. Белоцерцев А. Г. Зерновое хозяйство России (1865-1997). Историко-экономический очерк. - М., 1998. – 224 с.
22. Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. Кн. 2. - М.: ИздАТ, 2000. – 424 с.
23. Бехтеев С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятiletия и меры к хозяйственному подъему. Т. I. - М., 1902. – 368
24. Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г.// Вестник статистики. Кн. XIII. № 1. - С. 131-153.
25. Бокарев Ю. А. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. - М.: Наука, 1989. – 310 с.
26. Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. - М.: Наука, 1981. – 310 с.
27. Большаков А. М. Деревня 1917-1927. - М.: Просвещение, 1927. – 471 с. .
28. Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении населения России и СССР в 1915-1923 гг.// Боярский А. Я. Население и методы его изучения. - М.: Статистика, 1975. - С. 225-239.
29. Боярских А. С., Куликов В. М. Материальное положение уральского крестьянства в период подготовки массовой коллективизации // Материальное благо-

-
- состояние тружеников уральской советской деревни (1917-1985 гг.). Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1988. – С. 33-40.
30. Бржеский Н. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. - СПб., 1908. – 100 с.
  31. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т. 1-3. – М.: Прогресс, 1986, 1992.
  32. Бруцкус Б. Аграрное перенаселение и аграрный строй //Сельское и лесное хозяйство. 1922. № 7-8. – С. 13-40.
  33. Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. – Пг: Право. 1922. – 236с.
  34. Вавилов Н. И. Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера// Пути сельского хозяйства . 1928. №7 .
  35. Вайнштейн А. Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время // Вайнштейн А. Л. Избранные труды. Кн.1. - М.: Наука, 2000. - С. 35-222.
  36. Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921-1928 гг. - М.: Наука, 1972. – 190 с.
  37. Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых в России до войны и перспективы ее развития в будущем// Вайнштейн А. Л. Избранные труды. Кн.1. - М.: Наука, 2000. - С. 275-330.
  38. Венгрова И. В., Шилипис Ю. А. Социальная гигиена в СССР. – М: Медицина, 1976. – 213 с.
  39. Вербицкая О. М. Семейное положение сельского населения России в 1920-1930 гг. //Летопись уральских деревень. – Екатеринбург, 1995. – С. 89-92.
  40. Вербовский Б. Динамика урожайности и плановые задачи. I // Плановое хозяйство. 1930. № 3. – С. 311-324.
  41. Виноградова Н. Русская урожайная статистика//Вестник статистики. 1926. Кн. XXIII, XXIV.
  42. Виноградский Н. Н. Болезни хлебного рынка// Плановое хозяйство. 1927. № 4. - С. 92-107.
  43. Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. - М.: ОГИ, 1998. - 432с.
  44. Вишневецкий Н. К вопросу о характере современного сельскохозяйственного кризиса // Сельское и лесное хозяйство. - 1922. № 7-8. - С. 84-102.
  45. Вишневецкий Н. М. О посевной площади республики // Сельское и лесное хозяйство. 1922. Январь-февраль. – С. 55-81.
  46. Вишневецкий Н. М. Статистика и сельскохозяйственная действительность. - М.: б. и., 1922. – 95 с.
  47. Вишневецкий Н. Новая статистическая литература по сельскому и крестьянскому хозяйству// На аграрном фронте. 1925. № 4. – С. 41-50.
  48. Волгирева Г. П. Проблемы аграрных отношений начала XX века по материалам «Пермских губернских новостей» - <http://www.nlr.ru/tus/300505/volgireva.pdf>
  49. Волков Е. З. Динамика населения СССР за 80 лет. - М.-Л.: Госиздат, 1930. – 271 с.
  50. Вопросы районной конъюнктуры. Вып. 1 / ред. П. П. Дьконов, Е. С. Полота. – Воронеж, 1926. – 253 с.
  51. Воробьев А. Сельское хозяйство Урала. – Свердловск: Уралкнига, 1926. – 120 с.
  52. Воронов И. Динамика урожая в ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. № 7-8. – С. 40-73.
  53. Воронов И. Наемный труд в сельском хозяйстве ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. № 2. – С. 137-151.
  54. Воронцов В. Судьба капиталистической России. – СПб: тип. М. М. Стасюлевича, 1907. – 220 с.

-
55. Воспроизводство населения СССР/ под. ред. А. Г. Вишневого и А. Г. Волкова. - М.: Финансы и статистика, 1983. – 303 с.
  56. Гапоненко Л. С., Кабузан В. М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. как источник для определения численности населения России накануне Октябрьской революции// История СССР. 1961. № 6. - С. 97-115;
  57. География избытков и недостатков сельскохозяйственных продуктов. - М.: Плановое хозяйство, 1930. – 146 с.
  58. Герасимюк В. Р. Уравнительное распределение земель в Европейской части Российской Федерации в 1918 г. //История СССР. 1965. № 1. – С. 94-103.
  59. Голикова С. В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия// Документ. Архив. История. Современность. Вып. 5. – Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2005. - С. 99-110.
  60. Головтеев В. В. Корчагин В. П., Шиленко Ю. В. Основные показатели развития здравоохранения за 60 лет Советской власти. - М.: Медицина, 1977. –345 с.
  61. Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. – Пермь: Типография Губернского земства, 1904. – 155 с.
  62. Горинев М. М. НЭп: поиски путей развития. – М: Знание, 1990. – 63 с.
  63. Горинев М. М. Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов //Вопросы истории. 1990. № 11. – С. 31-47.
  64. Гражданская война и социалистическое строительство в Черноземном Центре. Сб. ст. Тамбов, 1976. – 76 с.
  65. Граудин Ф. Х. Записка Секретаря Шадринской Земельной Управы Ф. Х. Граудина о нуждах крестьянского хозяйства в Шадринском уезде и мерах к их удовлетворению // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 30. Пермская губерния. – СПб: Тип. И. Голдберга, 1903. - С. 537-550.
  66. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. - М.: РОССПЭН, 2001. – 96 с.
  67. Грегори П. НЭП: кризисы, которых не было. Взгляд американского ученого // Знание-сила. 1990. № 10. – С. 40-44.
  68. Гуржабидзе В. В. Пространственно-временная диффузия демографического перехода и прогнозирование естественного движения населения // Проблемы регионального демографического прогнозирования в системе народнохозяйственного планирования. – Душанбе, 1979. – С. 94-101.
  69. Гуров В. П. Социально-экономические отношения и классовая борьба в уральской доколхозной деревне в условиях новой экономической политики (1921-1927) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходную эпоху: история, историография. – Свердловск, 1990. – С. 88-108.
  70. Гуров В. П. Структура и динамика крестьянских хозяйств на Урале в годы восстановительного периода (1921-1925 гг.) // Уральский гос. университет. Научные труды кафедр истории КПСС, философии и научного коммунизма. Вып.2. Свердловск, 1969. С. 114-126.
  71. Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. - М.: Издат. центр РГГУ, 2003. – 565 с.
  72. Давыдов М. А. К вопросу о "голодном экспорте" хлеба из России// Экономическая история. Ежегодник. 2004. – М: РОССПЭН, 2004. – С. 243- 286.
  73. Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917-1929 гг.// Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. - С. 242-253.
  74. Данилов В. П. О характере аграрной эволюции России после 1861 года//Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. – Вологда, 1992. – С. 53-64.

75. Данилов В. П. Перераспределение земельного фонда в результате Великой Октябрьской революции// Ленинский декрет о земле в действии. - М.: Наука, 1979. - С. 261-310.
76. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. - М.: Наука, 1977. - 316 с.
77. Данилов В. П., Ватлин А. Ю., Хлевнюк О. В. Введение// Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 2. - М.: МДФ, 2000. - С. 5-25.
78. Данилов В. П., Дмитриенко В. П., Лельчук В. С. Нэп и его судьба// Историки спорят /ред. В. С. Лельчук. - М.: Политиздат, 1988. - 122-196.
79. Демидов Р. Г. Народное хозяйство Центрально-Черноземной области накануне первой пятилетки// Известия Воронежского пединститута. Т. 63. - С. 87-116.
80. Демографическая модернизация России. 1900-2000/ под. ред. А. Г. Вишневского. - М.: Новое издательство, 2006. - 608 с.
81. Демографическая модернизация России в XX веке («круглый стол»)//Общественные науки и современность. 2007. № 3. - С. 128-140.
82. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 2. - М.: Айрис-пресс, 2003. - 736 с.
83. Диков А. И. Крестьянское хозяйство после пяти лет НЭПа. Вып. 1. - Воронеж, 1928. - 173 с.
84. Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы советской власти// Брачность, рождаемость и смертность в России и СССР/ ред. А. Г. Вишневский. - М.: Статистика, 1977. - С. 28-48.
85. Дроздов И. Г. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. - Л.: Прибой, 1930. - 128 с.
86. Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. - М.: Наука, 1978. - 287с
87. Дубенецкий Н. Хлебофуражный баланс республики на 1923/24 с.-х. год //Экономическое обозрение. 1924. № 2. - С. 36-46.
88. Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. I. Сельское хозяйство. - М.: Новая деревня, 1923. - 404 с.
89. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. - М.: Наука, 1975. - 395с.
90. Дьячков В. А., Есиков С. А., Канищев В. В. Крестьянская революция 1902-1922 гг. в Тамбовской губернии// Россия в XX веке. Реформы и революция Т. 1. - М., 2002.
91. Дьячков В. А. Деревня, город, государство и российские революции//Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: сб. науч. ст./отв. ред. В.В. Канищев. - Тамбов: Изд. ТГУ, 2007. - С. 43-51.
92. Дэвис Р. У., Гатрелл П. От царизма к нэпу//Вопросы истории. 1992. №8-9 - С. 30-51
93. Егиазарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. - М.: Изд. АН СССР 1959. - 191 с.
94. Еремин А. С. Ирбитская деревня в конце XIX – начале XX века. - Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. - 98 с.
95. Еремин А. С. Ирбитская доколхозная деревня. - Екатеринбург: УрГПУ, 1998. - 176 с.
96. Есиков С. А. Зерновое производство крестьянских хозяйств Тамбовской губернии (конец XIX – конец 1920-х гг.)// Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX симпозиума по аграрной истории Восточной Европы /отв. ред. Л. В. Миров. - Орел: ОГУ, 2006. - 282-290.
97. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа. - Тамбов: Изд. Тамб. Ун-та, 2004. - 118 с.

-
98. Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале 1917-1930 гг.// Ученые записки Уральского государственного университета. 1966. № 41. Сер. Ист. Вып. 1. – С. 3-102.
  99. Ефременков Н. В. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Урала. Вып. 4. – Свердловск, 1963. – С. 123-158.
  100. Жиромская В. Б. Городское население советской страны в первые годы нэпа: изменение численности, возрастно-полового состава //Проблемы исторической демографии СССР. Сб. науч. тр. /отв. ред. Ю. А. Поляков. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 96-101.
  101. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. - М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.
  102. Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. - М.: Наука, 1996. – 157 с.
  103. Жиромская В. Б. Советский город в 1921-1925 гг.: проблемы социальной структуры. - М.: Наука, 1988. – 167 с.
  104. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тertyшный А. Т. Урал накануне великих потрясений (историографический очерк). – Тюмень: Изд. Тюменского ун-та, 1997. – 192 с.
  105. Зайцев Д. Основные задачи землеустройства// На аграрном фронте. 1925. № 4. – С. 41-50.
  106. Залесский М. Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. - М.: Госфиниздат, 1940. – 140 с.
  107. Запарий В. В. Черная металлургия Урала. XVIII-XX века. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 496 с.
  108. Затейщиков Л. Сельскохозяйственные районы Уральской области // Хозяйство Урала. 1928. № 4. - С. 75-102.
  109. Земцов Л. И. Крестьянское хозяйство Центрально-Черноземного района на рубеже XIX-XX веков//Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. - Липецк, 1991. - С. 48-57.
  110. Иванцов Д. И. К критике русской урожайной статистики. Пг: Тип.Ф. И. Киршбаума, 1915. – 178с.
  111. Ильиных В. А. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях Нэпа (1921-1927) // Нэп: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. – С. 165-175.
  112. Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте: государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921-1927. – Новосибирск: Наука, 1992. – 222 с.
  113. Историография и источники по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Тезисы и доклады I Межвузовской конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Курск, 16-17 ноября 1989 г. /отв. ред. А. Н. Курцев. – Курск: Курск. педиститут, 1989. – 63 с.
  114. Историография крестьянства Центрального Черноземья (1917-1980)/ред. А. В. Лосев. – Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1980. – 181 с.
  115. История народного хозяйства Урала (1917-1945). Часть I/ отв. ред. М. А. Сергеев. – Свердловск: Издат. Уральского ун-та, 1988. – 256 с.
  116. История советского крестьянства. Т. 1. - М.: Наука, 1986. – 455 с.
  117. История советского крестьянства. Т. 3. – М.: Наука, 1986. – 448 с.
  118. История Тамбовского края: век XX-й. /ред. Слезин А. А. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. – 92 с.
  119. История Урала в период капитализма / отв. ред. Д. В. Гаврилов. – М.: Наука, 1990. – 500 с.

120. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 244 с.
121. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 244 с.
122. Исупов Г. Динамика цен на Урале в 1928-1929 году // Хозяйство Урала. 1929. № 4-5. – С. 86-93.
123. Кабанов В. В. Крестьянство в условиях «военного коммунизма». – М.: Наука, 1988. – 303 с.
124. Кабанов В. В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. 1984. Т. 111. – С. 100-150.
125. Кабузан В. М. О достоверности учета населения России (1858-1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1981. – С. 100-117.
126. Кагоровский К. Р. Русская община. М., 1906.
127. Казанский Ф. Наемный труд в уральской деревне. Статистико-экономический очерк. Свердловск, 1928. – 96 с.
128. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 2. М.: МФД, 2000. – 719 с.
129. Кампфмейстер П. Юнкеры и крестьяне в Пруссии. - Одесса, 1905. – 31 с.
130. Канищев В. В. Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX – начале XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2002.- С. 513-530.
131. Карро И. Некоторые основные моменты пятилетнего плана развития ЦЧО// Хозяйство ЦЧО. 1929. № 1. – С. 1-19.
132. Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. – М: Моск. науч. изд., 1918. – 267с.
133. Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли // Плановое хозяйство. 1929. №4.
134. Квиткин О. Население СССР в 1926 г. // Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. III. Население СССР. - М.: Изд. ЦСУ СССР, 1927. - С. IX – XX.
135. Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX-начало XX в.). - М., 1973. С. 25-38.
136. Киселев И. Н. Численность населения СССР в 1923 г. (источниковедческий анализ) // Проблемы исторической демографии СССР. Сб. науч. тр. /отв. ред. Ю. А. Поляков. – Киев: Наукова думка, 1988. - С. 102-104.
137. Киселев И. Н. Численность населения СССР в 1923-1926 гг. по данным ЦСУ СССР. (Анализ методики исчисления) // Комплексные методы изучения исторических процессов. - М., 1987. – С. 71-79.
138. Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главных пищевых продуктов. -М., 1920. – 52 с.
139. Климмин И.И. К вопросу о восстановлении крестьянского хозяйства в годы нэпа / Редкол. журн.: Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер.: Философия. Политология. Психология. Право. - СПб., 1993. - 30 с. Рукопись деп. в ИНИОН РАН N 47928 от 19.04.93.
140. Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX- начала XX в. - М.: РОССПЭН, 2004. – 502 с.
141. Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. – М.,: Наука, 1971. – С. 171-195.
142. Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. – М.,: Наука, 1971. – С. 171-195.

-
143. Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России//Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. – М.: Наука, 1991. – С. 18-47.
  144. Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Наука, 1988. – 223 с.
  145. Ковальченко М. Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX - начале XX в. (по бюджетным данным среднечерноземных губерний)// История СССР. 1983. № 5. – С. 50-81.
  146. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. Сб. ст. – Воронеж: Центрально-Черноземное изд., 1978. – 320 с.
  147. Кондратьев Н. Д. Аграрное перенаселение и уровень развития производительных сил сельского хозяйства СССР// Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2 кн. Кн. 2. - М.: Наука, 1993. - С. 330-351.
  148. Кондратьев Н. Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. - С. 187-210.
  149. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М: Наука, 1991. – 487 с.
  150. Кондратьев Н. Д. Сельское хозяйство СССР. М., 1928.
  151. Кондратьев Н.Д., Огановский Н.П. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. - М.: Новая деревня, 1924. – 172 с.
  152. Кононов Н. Г. Земельные отношения в деревне черноземного центра в годы НЭпа (1921-1927 гг.) // Сельский мир. Альманах. 1994. Вып.1 – М., 1994. – С. 117-125.
  153. Коныхов Г. А. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928-1929). - М.: Соцгиз, 1960. – 243 с.
  154. Кореневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. – М.: Госстатиздат, 1954. – 155 с.
  155. Корнилов Г. Е. Источники по аграрной истории Урала. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1996. – 86 с.
  156. Коротгаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. - М: КомКнига, 2005. – 344с.
  157. Кофод А. А. Хуторское расселение. - СПб.: Сельский вестник, 1907. – 66 с.
  158. Кочетков И. В. Динамика зернового производства в СССР (1923-1926 гг.)// Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. - М., Волгоград, 1997. - С. 160-180.
  159. Кочетков И. В. Зерновое производство в годы НЭПа: действительность и возможности// Экономическая история России XIX-XX вв.: современный взгляд. - М.: РОССПЭН, 2000. - С. 80-92.
  160. Кочетков И. В. К вопросу о продовольственном положении российского крестьянства в 1920-х гг.// История крестьянства в России. Материалы 16-и Всероссийской заочной конференции/ науч. ред. С. Н. Полторака. - СПб.: Нестор, 2000. - С. 118-122.
  161. Кочнев В. А. Объективная необходимость коллективизации // Диалог. 2001. № 7. - С. 18-29
  162. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М.: Прогресс, 1988. – 570 с.
  163. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. II. М., 1954.
  164. Крицман Л. Пролетарская революция и деревня. – М.-Л.: Госиздат, 1926. – 576 с.
  165. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900-1914 г. – Л.: Наука, 1976. – 299 с.

166. Круминьш Ю. К. Социально-демографическая дифференциация смертности и продолжительности жизни населения Латвии в условиях демографического перехода// Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР. - М.: Ин-т Истории СССР, 1990. - С. 183-191.
167. Кудрявцев Н. К вопросу о поднятии урожайности на Урале//Хозяйство Урала. 1928. № 10. - С. 57-79.
168. Кудюкина М. М. Основные социально-экономические факторы роста населения СССР в 1920-е годы// Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984. С. 34-37.
169. Кудюкина М. М. Хлебозаготовки в 1927-1929 годах // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20-40-е гг.). Сб. стат. /ред. В. П. Дмитренко. - М.: Ин-т рос. истории, 1999. - С. 215-236.
170. Курандин Н. Итоги восстановления и причины медленного развития с.-х. производства ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. № 10-11. - С. 14-25.
171. Курцев А. Н. Социально-классовая структура и воспроизводство сельского населения Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века// Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР. - М.: Ин-т истории СССР, 1990. - С. 165-168.
172. Лабузов В. А. Аграрные отношения на Южном Урале в первое десятилетие Советской власти (1917-1932). Оренбург, 2004.
173. Лабузов В. А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917-1932). - Оренбург: Орлит-А, 2004. – 692 с.
174. Лацис М. Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним. - М.-Л.: Госуд. издат., 1929. – 142 с.
175. Лейрих Э. Влияние агромероприятий на поднятие урожайности // Хозяйство Урала. 1929. № 8-9. - С. 104-120.
176. Лейрих Э. Соха и плуг на Урале// Хозяйство Урала. 1928. № 3. - С. 94 – 97.
177. Либкинд А. Аграрное перенаселение и коллективизация деревни. –М.: Изд. Комакадемии, 1931. – 195 с.
178. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. – М.: Изд. полит. лит., 1991. – 301 с.
179. Литвак К. Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии// НЭП: приобретения и потери. - М.: Наука, 1994. – С. 186-202.
180. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 536с.
181. Литошенко Л. Сельскохозяйственный кризис // Сельское и лесное хозяйство. 1922. Сентябрь- октябрь. – С. 6-18.
182. Логунов В. И. Значение исторического опыта восстановления сельского хозяйства Центрального Черноземья (1921-1927гг.)
[//http://rushist.narod.ru/files/saint_works/art_16.htm](http://rushist.narod.ru/files/saint_works/art_16.htm)
183. Логунов В. И. КПСС - организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья. – Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1970. – 344 с.
184. Лосицкий А. Е. Перспективы потребления продовольственных продуктов в Союзе// Плановое хозяйство. 1927. № 4. - С. 79-91.
185. Лосицкий А. Обследования питания и их последние результаты // Экономическое обозрение. 1924. № 1. - С. 36-46.
186. Лохтин П. Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. – СПб, 1901. – 309 с.
187. Лубны-Герцык Л. Густота сети ЗАГС в сельских местностях// Статистическое обозрение. 1927. № 6. – С. 90-91.
188. Лубны-Герцык Л. И. Аграрное перенаселение и аграрный строй// Сельское и лесное хозяйство. 1923. № 10.

-
189. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. - М.: Плановое хозяйство, 1926. – 124 с.
  190. Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР//Сельское хозяйство на путях восстановления. - М.: Госиздат, 1925. – С. 52-78.
  191. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. - М.: Госполитиздат, 1956. – 725 с.
  192. Магидович И. Тяжесть обложения населения в 1924/25 году // Статистическое обозрение. 1927. № 6. – С. 75-87.
  193. Максудов С. Потери населения СССР. Benson, Vermont, 1989. – 322 с.
  194. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения//Антология экономической классики. Т. 2. – М.: «Эконом», 1993. С. 22. – С. 5-136.
  195. Маслов П. П. Развитие сельского хозяйства до и после революции // Известия ЦК КПСС, 1989. № 10. – С. 192-219.
  196. Маслов П. Перенаселение русской деревни. - М.-Л.: Госиздат, 1930. – 142 с.
  197. Матюхин Л. П., Платунов Н. И. Трудовые миграции сельского населения Центрально-Черноземного и Западного районов РСФСР в 1920-е годы// Проблемы исторической географии и исторической демографии Центрального Черноземья. - Курск, 1994. – С. 209-214.
  198. Мендкович Н. Народное питание и революция 1917 года //http://mendkovich.narod.ru/pitan.doc
  199. Минц Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. - М.-Л.: Госиздат, 1929. – 467 с. .
  200. Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2. – С. 30-43.
  201. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII- начало XX в). Т. 2. – СПб: Дмитрий Буланин, 2000. – 567 с.
  202. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). – Л.: Наука, 1985. – 301 с.
  203. Миронов, Б. Недостаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 81-95.
  204. Михайлевский Л. Н. Крестьянское хозяйство СССР. - Л, 1926. – 62 с.
  205. Морозов С. Д. Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (кон. XIX в. – 1917 г.) // Крестьяноведение: Теория, История, Современность. Вып. 3. - М., 1999. — С. 95-114.
  206. Морозов С. О. Центральная Россия в 1897-1917 гг.: проблемы демографического развития. – Пенза: ПГАСА, 2001. – 227с.
  207. Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. - М.: Изд. Моск. ун-та, 1966. – 229 с.
  208. Муравьев В. Г. Применение наемного труда в сельском хозяйстве Урала (1926-1929) // Ученые записки Уральского государственного университета. 1967. 1967. № 42. Сер. Ист. Вып. 2. – С. 149-164.
  209. Муравьев В. Г. Состояние сельского хозяйства Урала к началу реконструктивного периода // Ученые записки Уральского государственного университета. 1966. № 41. Сер. Ист. Вып. 1. – С. 132-146.
  210. На пути к восстановлению крестьянского хозяйства (Мероприятия Советской власти по восстановлению и развитию Центрально-Черноземной области). – Воронеж: Обл. Плановая комиссия, 1926. – 130 с.
  211. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. - М.: РОССПЭН, 2001. – 632 с.
  212. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. / Отв. Ред. Ю. А. Поляков. - М.: РОССПЭН, 2000. – 462 с.

-
213. Население Урала. XX век. История демографического развития/ отв. ред. В. В. Алексеев. - Екатеринбург: Изд. «Екатеринбург», 1996. – 212 с.
  214. Немчинов В. С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории // Немчинов В. С. Избранные произведения. Т. 2. - М.: Наука, 1967. – 498 с.
  215. Нефедов Г. Ф. Аграрный вопрос и закон народонаселения. (К вопросу об аграрной реформе) Моршанск: тип. М. Прокофьева, 1906. – 32 с.
  216. Нефедов Г. Ф. Закон народонаселения и Россия. - Моршанск: б.и., 1910. – 179 с.
  217. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. – Екатеринбург: Изд. УГГУ, 2005. – 539 с.
  218. Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. – Екатеринбург: УГГУ, 2007. – 146 с.
  219. Никишин И. И. Динамика сельскохозяйственного производства и социально-экономические процессы в деревне. – М.-Л.: Печатный двор, 1930. – 143 с.
  220. Николаев В. Краткий очерк условий сельскохозяйственной деятельности в Кунгурском уезде//Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXX. Пермская губерния. - СПб: тип. Гольдберга, 1903. - С. 342-358.
  221. Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М., 1973.
  222. Новосельский С. А. Демография и статистика. – М.: Статистика, 1978. – 320 с.
  223. Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. - Пг.: Тип. Мин. Внутр. Дел, 1916. – 207 с.
  224. НЭП: взгляд со стороны. Сборник/сост. В. В. Кудрявцев. - М.: Московский рабочий, 1991. – 302 с.
  225. Обожди В. А. Выборочные обследования крестьянских хозяйств на Урале в 20-е годы и публикации их материалов //Проблемы истории СССР. Вып. 4. – М., 1974. – С. 288-304.
  226. Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг.//Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. – М.-Л., 1927. – С. 1-160.
  227. Обухов В. М. Поправки к посевным площадям 1925 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 5. - С. 8-17.
  228. Огановский Н. Ближе к истине //Экономическое обозрение. 1924. № 3. С. 38-46;
  229. Огановский Н. Закономерности аграрной эволюции. Т. III. Вып. 1. М.: Задруга, 1914. – 335 с.
  230. Огановский Н. П. Популярные очерки экономической географии СССР в связи с мировой. - М.: Экономическая жизнь, 1925. – 372 с.
  231. Огановский Н. Перспективный план развития посевных площадей и урожаев по регионам// Плановое хозяйство. 1927. № 6. - С. 90-108.
  232. Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана //Экономическое обозрение. 1927, июнь. – С. 21-42.
  233. Огановский Н. Сельское хозяйство Союза ССР в 1924/25 г. - М., 1925.
  234. Омран А. П. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения: о демографических проблемах стран Запада. Сб. пер. ст./сост. А. П. Судоплатов. - М.: Прогресс, 1977. - С. 65-87.
  235. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. - М.: Стрелец, 2001. – 397 с.
  236. Островский А. В. О Региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России (1862-1914)//Проблемы исторической географии России. Вып. II. – М., 1982. – С. 171-188.

-
237. Паевский В.В. Методика измерения детской смертности в возрасте от 0 до 1 года // Антонов А. Н. Смертность грудных детей, е причины и меры борьбы. М.-Л., 1931. - С. 197-241.
  238. Пересторонина Л. И. Историческая динамика крестьянских хозяйств на Урале в годы НЭПа (к вопросу о методологии и итогах изучения) // Уральское село в XX веке /отв. ред. Г. Е. Корнилов. – Екатеринбург: УрСХИ, 1994. – С. 25-34.
  239. Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. I. – М.: Наука, 1966. – 489 с.
  240. Пешехонов А. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях// Русское богатство. 1896. № 8. Отд. I. – С. 173-195.
  241. Пластунов Н. И. О так называемом «аграрном перенаселении» и социально-экономических предпосылках переселенческого движения в СССР накануне сплошной коллективизации// Труды Томского гос. университета. 1967. Т. 190. - С. 241-254.
  242. Платунов Н. И. О так называемом «аграрном перенаселении» и социально-экономических предпосылках переселенческого движения в СССР накануне сплошной коллективизации //Труды Томского гос. университета. 1967. Т. 190. – С. 241-254.
  243. Плотников И. Е. Роль советов Урала в развитии сельского хозяйства в 1924-1927 гг.// Осуществление аграрной политики КПСС на Урале и в Южном Зауралье. – Челябинск: Челябинский пединститут, 1978. – С. 49-59.
  244. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. - М.: РОССПЭН, 2006. – 237 с.
  245. Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. – М.: «Международная книга», 1947. – 403 с.
  246. Покшишевский В. В. Центрально-Черноземная область. - М.-Л., Госиздат, 1929. – 132с.
  247. Польский М. П. Базовая человеческая потребность (о продовольственной проблеме в СССР)// История СССР. 1991. №4. - С. 182-197
  248. Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. - М.: Наука 1967. – 511 с.
  249. Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. - М.: Наука, 1986. – 271 с.
  250. Поляков Ю. А. Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции (1917-1920 гг.) - М.: Ин-т истории АН СССР, 1961. – 71 с.
  251. Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 году// Вопросы истории. 1980. № 6. - С. 39-49.
  252. Поляков Ю. А., Киселев И. Н., Устинов В. А. К вопросу о методике определения численности и национального состава населения СССР в 1917-1926 гг.//История СССР. 1981. №1. – С. 99-109;
  253. Попов И. П. Тверское выступление 1862 года и его место в событиях революционной ситуации//Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. – М.: Наука, 1974. – С. 262-264
  254. Попов П. Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с ней республиках. - М.: Госиздат, 1921. -56 с.
  255. Посевные площади СССР (динамика за 1928, 1932-1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.). Статистический справочник. М.-Л., 1939.
  256. Привалова Т. В. Быт российской деревни. 60-е годы XIX - 20-е годы XX в. - М.: Ин-т российской истории, 2000. – 200 с.
  257. Привалова Т. В. Питание русского крестьянства на рубеже веков// Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. – М., 1997. – С. 128-146.
  258. Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах. - СПб, 1907. – 102 с.

-
259. Прохоров Б.Б. Здоровье населения России в XX веке. - М.: Междунар. независимый экол.-политол. ун-т., 2001. - 275 с.
260. Рашин А. Г. Население России за 100 лет. – М.: Госстатиздат, 1956. – 351 с.
261. Ремейко А. На путях восстановления хозяйства ЦЧО// Хозяйство ЦЧО. 1928. № 2. - С. 3-13.
262. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения //Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М., 1955.
263. Роголина Н. Л. Крестьянская экономика в годы нэпа: (Проблемы историографии и методологии) // НЭП: завершающая стадия: Соотношение экономики и политики. - М., 1998. - С. 185-195
264. Роголина Н. Л. Аграрная реформа в России 1910-1920-х годов: 80 лет введения НЭПА// Вопросы экономики. 2001. № 8. – 130-141.
265. Роголина Н. Л. Актуальные проблемы изучения российского крестьянства 1920-1930-х гг. в свете новейших документальных публикаций // Вестник архивиста. 2004. № 3-4. - С. 79-87
266. Роголина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. - М.: Издат. Моск. ун-та, 1989. – 223с.
267. Роголина Н. Л. Крестьянская экономика в годы нэпа: проблемы историографии и идеологии// Нэп: завершающая стадия: соотношение экономики и политики. / отв. ред. В. П. Дмитренко - М.: Ин-т российской истории, 1998. - С. 185-195.
268. Роголина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство// НЭП: приобретения и потери. М., 1994. - С. 139-149.
269. Роголина Н. Л. Проблемы аграрного перенаселения в экономической литературе 10-20-х годов XX в. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения в X-XX вв. - М., 1998. - С. 105-108.
270. Россия нэповская / С.А. Павлюченков и др. - М.: Новый хронограф , 2002 - 468 с.
271. Рыков А. И. Избранные произведения. - М.: Экономика, 1990. – 495 с.
272. Рындзюнский П. Г. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX-XX вв. // Социально-экономическое развитие России. – М., 1986. – С. 155-172.
273. Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. – М.: Наука, 1983. – 109 с.
274. Рянский Л. М., Бочаров Л. Н., Травина А. С. Курская деревня в 1920-30-х годах. Коллективизация. – Курск: КГПИ, 1993. – 51 с.
275. Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. – Самара: Издат. Самарск. ун-та , 1994. – 360с.
276. Сазонов К. Н. Землепользование и землеустройство в Центрально-Черноземной области после революции// Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Вып. 1 - Воронеж, 1926. - С. 107-158.
277. Сафонова Е. Ю. Советская историография 70-80-х годов о развитии деревни накануне коллективизации (1926-1929 гг.) // Идеи и реальности 1920-1930-х годов в советской исторической науке. – Иваново, 1993. – С. 41-58.
278. Сахаров А. Н. Сельскохозяйственные районы Тамбовской губернии. - Тамбов, 1928.
279. Сергеев В. Восстановление и реконструкция сельского хозяйства Центрально-черноземной области // Пути сельского хозяйства. 1929. № 5. - С. 116-124.
280. Серпинский В. В. Нэп: практика налогообложения крестьянства // Вестник Московского ун-та. Сер. 6 Экономика. 1993. № 5. - С. 39-49

281. Симонова М. С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX-начала XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. – М.: Наука, 1971. – С. 236-263.
282. Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. – М.: Наука, 2006. – 586 с.
283. Симчера В. М., Соколин В. Л., Машихин Е. А., Шевлюков А. Ю. Энциклопедия статистических публикаций. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 992 с.
284. Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. – М.: Статистика, 1977. – С. 62-82.
285. Скляр Л. Великая Октябрьская социалистическая революция и ликвидация аграрного перенаселения в СССР // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1958. Т. 158. – С. 133-188.
286. Скрыпников А. В. Кризис советской системы в 20-е годы и крестьянство // Актуальные проблемы преподавания и изучения социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: опыт и новации. – Воронеж, 1994. – С. 23-32.
287. Скрыпников А. В., Черных В. М. Особенности хозяйственного развития Центрального Черноземья в годы нэпа // Актуальные проблемы отечественной истории / отв. ред. Н. А. Душкова. – Воронеж: ВГТУ, 1995. – С. 82-90.
288. Совещание по методологии и технике хлебофуражного баланса // Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. 1929. Вып. 7. – С. 152-58.
289. СССР за 15 лет. М., 1932.
290. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова., 1894. – 291 с.
291. Струмилин С. Г. К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4-5. С. 58-65.
292. Струмилин С. Г. К хозяйственному плану на 1921/22 г. // На плановом фронте. 1920-1930. – М.: Госплан, 1958. – С. 20-50.
293. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. – М.: Изд. Соц-экон. лит., 1960. – 548 с.
294. Струмилин С. Г. Социальные проблемы пятилетки // На плановом фронте. 1920-1930. – М.: Госплан, 1958. – С. 448-502.
295. Струмилин С. Динамика крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство за время революции. – М.: Красная новь, 1923. – С. 97-126.
296. Струмилин С. К реформе урожайной статистики // Экономическое обозрение. 1924. № 10. – С. 44-50.
297. Студенский Г. А. Опыт исследования организации крестьянского хозяйства Центрально-Черноземной области. Вып. 1. – М.: Книгосоюз, 1926. – 130 с.
298. Субботин С. Социально-гигиеническая оценка современного села в Центрально-Черноземной области // Хозяйство ЦЧО. 1928. №2. – С. 105-114.
299. Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России. – М.: Наука, 1981. – 128 с.
300. Татарчуков А. И. ЦЧО в хозяйственном отношении. – Воронеж: Облплан, 1925.
301. Татарчуков А. Н. Об «избыточном» населении Центрально-Черноземной области // Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Т. 1. – Воронеж, 1926. – С. 15-40.
302. Телицын В. А. Новая экономическая политика: взгляд из русского зарубежья // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 30-41.
303. Телицын В. А. Сквозь тернии военного коммунизма: крестьянское хозяйство Урала в 1917-1921 гг. – М.: Ин-т рос. истории, 1998. – 214 с.

-
304. Томилин С. А. Демография и социальная гигиена. - М.: Статистика, 1973. – 311 с.
  305. Тоцкий Н. Центрально-Черноземная область в системе народного хозяйства СССР // Хозяйство ЦЧО. 1928. № 2. - С. 14-24.
  306. Третьяков В. В. Изменения в материальном положении уральского крестьянства в результате осуществления Декрета о земле // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917-1985 гг.). Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1988. – С. 14-21.
  307. Тутьхин Б. А. Центрально-Черноземная область. - М.: Изд. Комм. Ун-та, 1929. 285 с.
  308. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и сталинская аграрная реформа. – М.: «Памятники исторической мысли», 2001. – 304 с.
  309. Урланис Б. Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. - М.: Статистика, 1977. – С. 8-26.
  310. Урланис Б. Ц. Динамика, география и факторы рождаемости народов СССР. – М.: Наука, 1964. – 11 с.
  311. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. - М.: Госстатиздат, 1963. – 136 с.
  312. Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). - М.: Госполитиздат, 1941. – 433 с.
  313. Филатов В. В. Уральское село. 1927-1941. Динамика и темпы развития земледелия. – Магнитогорск: ГОУВПО «МГТУ», 2006. – 260 с.
  314. Филимонов В. Я. Город и деревня в 1921-1925 гг. (по материалам Европейской России). – Л. 1984. – 86 с.
  315. Фортунатов А. Ф. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. Москва : типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1893. – 246с.
  316. Фулин Ю. А. Осуществление декрета о земле в Центрально-земледельческом районе// Ленинский декрет в действии. - М.: Наука, 1979. – С. 72-103.
  317. Фурсов В. Н. Землевладение и землепользование крестьян Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в.//Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. – С. 21-31.
  318. Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-черноземных губерний пореформенной России. – Воронеж: Издат. Воронежского ун-та, 1991. – 197 с.
  319. Фурсов В. Н. Крестьянское землевладение и землепользование в центрально-черноземных губерниях в пореформенный период // Формы сельскохозяйственного производства и государственного регулирования. – М., 1995. – С. 178-183.
  320. Ханин Г. И. Этапы экономического развития СССР. – Новосибирск: Наука, 1991. –267 с.
  321. Хлопин Г., Эрисман Ф. Современное санитарное состояние России// Российский энциклопедический словарь. - СПб., 1898. - С. 224-227.
  322. Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. - М.: Наука, 1960. – 430 с.
  323. Хрящева А. Групповой состав населения крестьянских хозяйств до и после революции//Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. Труды ЦСУ. Т VII. Вып. 3. - М., 1922. - С. 5-24.
  324. Хрящева А. Крестьянство в войне и революции. – М.: б.и., 1921. – 41 с.
  325. Чайнов А. В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР в сравнении его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. - С. 211-219.
  326. Чайнов А. В. О бюджетных исследованиях.- М: Тончу, 2006. – 446 с.

-
327. Чвикалов И. М. Деревня накануне и в ходе коллективизации // Историки в раздумьях о судьбах России (страницы истории Отечества). – Курск, 1999. – С. 187-202.
  328. Челинцев А. И. Животноводство и кормовой вопрос // Пути сельского хозяйства. 1929. № 2. – С. 35-55.
  329. Чернышев И. В. Сельское хозяйство довоенной России и СССР. – М.-Л.: Госиздат, 1926. –199 с.
  330. Четыркин В. М. Тайное винокурение в деревне //Плановое хозяйство. 1924. № 4-5. – С. 77-90.
  331. Шахназаров А. И. Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии. - СПб, 1910. – 354 с.
  332. Шеврин И. Л. Всесоюзная перепись населения 1926 г. как исторический источник по изучению доколхозного крестьянства Урала // Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1987. – С. 16-23.
  333. Шеврин И. Л. Улучшение материального благосостояния крестьянства Урала в 20-е годы// Октябрь на Урале: история и современность. Социалистическое преобразование сельского хозяйства. Формирование аграрно-промышленного комплекса (информационные материалы). – Свердловск: УрО АН СССР, 1988. – С. 42-45.
  334. Шеврин И.Л. Данные бюджетных обследований материального положения крестьянства Урала в восстановительный период (1921-1925 гг.) // Материальное благосостояние тружеников Уральской советской деревни (1917-1985 гг.) – Свердловск: УрО АН СССР 1988. - С. 22-32
  335. Шереметье В. И., Печенов А. Ф. Состояние деревни Воронежской губернии весной 1926 г. - Воронеж: Изд. Воронежского Губстатотдела, 1927. – 224с.
  336. 60 лет советского здравоохранения. – М.: Медицина, 1977. – 414 с.
  337. Шоню П. Цивилизация классической Европы. - Екатеринбург: У-фактория, 2005. – 605 с.
  338. Шорнель В. Весенний опрос и налоговые списки// Вестник статистики. 1929. № 3-4. - С. 231-239;
  339. Экономические нужды Центрально-Черноземной области. Материалы по вопросу о хозяйственном и культурном восстановлении области. – Воронеж, 1925. – 148 с.
  340. Юрков И. А. Экономическая политика партии в деревне. 1917-1920. – М: Мысль, 19020. – 222 с.
  341. Яковцевский В. Н. Аграрные отношения в период строительства социализма. - М.: Наука, 1964. – 343 с.
  342. Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб: Тип. М. Стасюлевича, 1881. – 166 с.
  343. Яцунский В. К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVIII века до 1917 года//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. – С. 44-64.
  344. Abel W. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung // Schmollers Jahrbücher. 1934. Bd. 58. - S. 54-112.
  345. Abel W. Crises agraires en Europe (XIIIe –XXe siecle). Paris: Flammarion, 1973. – 454 p.
  346. Biraben J.-N. Naissaces et repartion par age dans L'Empire Russe et en Union Sovjtique// Population. 1976. N. 2. - P. 441-471.
  347. Black C. E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. – N.Y. 1966. – 200 p.
  348. Bogue D. Principles of demography. - N. Y. 1968. – 359 p..

-
349. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIII siècle*. T.1-3, *Le temps du monde*. – Paris: Colin, 1967-1979.
350. Chaunu P. *La civilisation de L'Europe classique*. – Paris: Arthaud, 1970. – 706 p.
351. Cippolla C. M. *Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000-1700*. – London, 1976. – 337 p.
352. Duby G. *Rural economy and country life in the medieval West*. – London: Edward Arnold, 1968. – 600 p.
353. Dunning Ch. *Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia?/Ch. Dunning//Comparative Studies in Society and History*. - 1997. - Vol. 39. - N. 3. – P. 572-592.
354. Gattrell P. *The Tsarist Economy. 1850-1917*. – N. Y., 1986. – 290 p.
355. Glass D. V., Eversley D. E. (ed.) *Population in History: essays in historical demography*. – London: Edward Arnold, 1965. – 692 p.
356. Goldstone J. *East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China// Comparative Studies in Society and History*. 1988. Vol. 30. N. 1. – P. 103-143.
357. Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. – London: University of California Press, 1991. – 608p.
358. Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730: contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle*. – Paris : S.E.V.P.E.N., 1960. – 653p.
359. Grigg D. *Population Growth and Agrarian Change*. – Cambridge, 1980. – 333 p.
360. Jasny N. *Soviet Economists of the Twenties*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – 217p.
361. Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc*. Vol.1. - Paris : S.E.V.P.E.N., 1966. – 745 p.
362. Meuvret J. *Études d'histoire économique : recueil d'articles*. – Paris : A. Colin, 1971. – 344 p.
363. Mousnier R. *Les XVIe et XVIIe siècles. Les progrès de la civilisation européenne et la déclin de l'Orient (1492-1715)*. – Paris, 1953. – 506 p.
364. Postan M. *Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy*. London: Cambridge University Press, 1973. – 302 p.
365. Postan M. *The medieval economy and society: an economic history of Britain in the Middle Ages*. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1972. – 261 p.
366. Robinson G. T. *Rural Russia Under the Old Regime*. – N. Y. – L., 1967. – 327 p.
367. Schofield R. S. *Through a Glass Darkly: The Population History of England as an Experiment in History// Population and History. From the Traditional to the Modern World*. – Cambridge, 1986. – P. 11-34.
368. Slicher van Bath B. H. *The Agrarian History of Western Europe F. D. 500-1850*. – L: Edward Arnold., 1963. – 360 p.
369. *The economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945/ editors R.W Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. - 374p.
370. Turchin P. *Historical Dynamics. Why States Rise and Fall*. – Princeton and Oxford: Princeton university press, 2003. – 245 p.
371. Volin L. *A Century of Russian Agriculture. From Alexander II to Kruchev*. – Cambridge (Mass.). 1970. – 650 p.
372. Wallerstein I. *The Modern World-System*. 2 vols. New York, 1974, 1989.
373. Wheatcroft, S. *The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics // Soviet Studies* 1974. Vol. 26. P. 157-180.
374. Wheatcroft S. *Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia// Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia*. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – P. 128-172.
375. Wheatcroft S. *The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of*

Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880-1960 // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. No. 1. P. 27-60.

376. Wheatcroft S. G., Davies R. W. The crooked mirror of Soviet economic statistics// *The economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945/* editors R.W Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. - P. 24-37.
377. Wrigley E. A., Schofield R. S. *The Population History of England, 1541-1571: A Reconstruction*. - London: Edward Arnold, 1981. - 757 p.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

378. Бабынин Б. Сила смертности в РСФСР и рост населения// *Статистическое обозрение*. 1929. № 1. - С. 98-105.
379. Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923/24 года// *Труды ЦСУ*. Т. 29. - М., 1926. - 345 с.
380. Боголюбовский Д. Размеры семьи крестьянского хозяйства и прирост числа хозяйств за 1916-1927 гг. // *Статистическое обозрение*. 1929. № 9. - С. 31-36.
381. Бюджеты крестьянских хозяйств на Урале за 1925-26 год//*Труды Уральского областного статистического управления*. 1928. Сер. 5. Т. 6. - 273 с.
382. Вайнштейн А. Численность и динамика наличных крестьянских дворов в предвоенной России // *Статистическое обозрение*. 1929. № 7. - С. 9-19.
383. Васильев Г. Хлебные перевозки (1922/23-1927/28 и 1913 г.)// *Статистическое обозрение*. 1929. № 8. - С. 62-74.
384. Васильев Г. Хлебные перевозки в 1928/29 году// *Статистическое обозрение*. 1929. № 8. - С. 82-88.
385. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III, IV, XVII. М.: Издат. ЦСУ СССР, 1928.
386. Громан В. Г. Кон'юнктура 1925/26 хозяйственного года // *Статистическое обозрение*. 1927. № 1. - С. 5-12.
387. Дубенецкий Н. Продукция зерновых культур СССР в 1927 году// *Статистическое обозрение*. 1928. № 5. - С. 16-25.
388. Дубенецкий Н. Состояние животноводства к осени 1927 г. и условия стойлового содержания в 1926/27 г.// *Статистическое обозрение*. 1928. № 4. - С. 16-22.
389. Дубенецкий Н. Хлебофуражная продукция СССР за 1925 и 1926 гг.// *Статистическое обозрение*. 1928. № 1. - С. 20-31.
390. Дубенецкий Н. Хлебофуражный баланс СССР 1925/26 и 1926/27 с.-х. годов // *Статистическое обозрение*. 1927. № 4. С. 23-85.
391. Ежегодник России 1904 г. - СПб: ЦСК МВД, 1905. - 657 с.
392. Ежегодник России 1906 г. - СПб: ЦСК МВД, 1907. - 370 с.
393. Ежегодник России 1907г. - СПб: ЦСК МВД, 1908. - 422 с.
394. Ежегодник России 1909 г. - СПб: ЦСК МВД, 1910. - 476 с.
395. Ежегодник России 1913 г. - СПб: ЦСК МВД, 1914. - 498 с.
396. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. - М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. - 174 с.
397. Естественное движение населения Союза ССР. 1923-1925. - М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. - 111 с.
398. Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. - Петроград, 1916. - 39 с.
399. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Часть I//*Труды ЦСУ*. Т. XX. Вып. 1. - М., 1924. - 90с.
400. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 1-2. - М.: МДФ, 2000.

-
401. Каплун М. Брачность населения РСФСР// Статистическое обозрение. 1929. № 7. - С. 90-95;
  402. Князев А. Поденные цены на рабочие руки в сельском хозяйстве //Статистическое обозрение. 1927. № 5. – 46-51.
  403. Кокшайский И. Организованное снабжение населения РСФСР мясом // Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. 1929. Вып. 4. – С. 103-108.
  404. Количество скота в единоличных крестьянских хозяйствах ЦЧО в 1929 г. // Статистический бюллетень Ц.Ч.О. 1929. № 9. – С. 22-23.
  405. Красильников М. Аграрное переселение в 1928/29 г.// Статистическое обозрение. 1930. № 5. - С. 84-92.
  406. Красильников М. Связь населения города Москвы с надельной землей // Статистическое обозрение. 1928. № 6. - С. 103-107.
  407. Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии. 1912 г. – Пермь: Электротипография губерн. земства., 1912. – 158 с.
  408. Краткий обзор сельскохозяйственной промышленности в Оренбургской губернии. – Оренбург: Типолитография губернского правления, 1902. – 59 с.
  409. Краткий обзор сельскохозяйственной промышленности в Оренбургской губернии // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 27. Оренбургская губерния. – СПб: Тип. штаба корп. погр. стражи, 1903. – С. 104-131.
  410. Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов: Тамбовский губстатотдел, 1927.
  411. Крестовников А. Н. Питание крестьян Костромской губернии по бюджетным исследованиям 1908-09 гг. Кострома: Костромское губернское земство, 1912. – 48+17 с.
  412. Крестьянские бюджеты 1922/23 и 1923/24 г. //Труды ЦСУ. 1926. Т. 31. Вып. 1. – 416 с.
  413. Крестьянские бюджеты 1925-26 гг. Основные материалы. - М.: Изд. ЦСУ РСФСР, 1929. – 349 с.
  414. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918). Документы и материалы. – М.:Наука,2003.–478с.
  415. Крестьянское хозяйство, колхозы и совхозы СССР в 1924/25 – 1927/28 гг. По данным сводок наркомфина СССР/ сост. В. П. Данилов, Т. И. Славко. Вып. I – III. М., 1977.
  416. Лебедев Ф. Н. Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области. Таблицы смертности по округам и поселениям области. - Свердловск, 1929. -51 с.
  417. Лосицкий А. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания// Статистическое обозрение . 1927. № 12. С. 17-25.
  418. Лосицкий А. Нормы потребления хлебных продуктов в СССР //Статистическое обозрение. 1927. № 8. С. 13-14.
  419. Лосицкий А. Потребление хлеба и мяса сельским населением в 1918-19 году //Бюллетень Центрального Статистического управления. 1920. № 19-20. –С. 1-7.
  420. Лосицкий А. Состояние питания сельского населения //Бюллетень ЦСУ. 1920. № 1. - С. 1-4.
  421. Лубны-Герцык Л. И. Естественное движение населения за 1926 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 8. - С. 85-90.
  422. Лубны-Герцык Л. И. Механическое движение населения в городах СССР в летнее полугодие 1927 года//Статистическое обозрение. 1928 . № 6. – С. 95-103.
  423. Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского

-
- населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Часть. I-III. СПб. 1903.
424. Материалы по бюджетам крестьянских хозяйств Урала //Труды Уральского областного статистического управления. Сер. V. Т. II. – Свердловск, 1927. – 310 с.
425. Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1-2. М., 1916, 1917.
426. Материалы по вопросам разработки продовольственного плана. Вып.1. Нормы продовольствия населения России по данным бюджетных исследований. М., 1916. – 123 с.
427. Материалы по истории аграрной революции в России. Т. 1. – М.: Изд. Коммунистической Академии, 1928. – 795 с.
428. Материалы по основным разделам сводного годового хозяйственного плана Урала за 1925-26 год. Свердловск, 1926.
429. Материалы по оценке земель Пермской губернии. – Пермь: Типография Губернской земской управы, 1903. – 144 с.
430. Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства/ ред. И. А. Теодорович. - М.: Новая деревня, 1928.
431. Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала. Итоги с.-х. переписей и выборочных обследований на Урале за 1916-1926 гг. // Труды Уральского областного статистического управления. Сер. V. Т. 6. 1928. – Свердловск, 1928. – 244. с.
432. Материалы по статистике цен. Вып. 1. - М.: ЦСУ РСФСР, 1928. – 56 с.
433. Мерхалев Д. Н. Хлебо-фуражный баланс Уральской области на 1926-27 г. //Сборник статей по статистике Урала. Вып. 1. – Свердловск: Издание Уральского областного статистического управления, 1927. – С. 95-161.
434. Милявский И. Балансы специальных культур //Статистическое обозрение. 1928. № 12. - С. 13-34.
435. Михайловский А. Хлебооборот по районам СССР// Статистическое обозрение. 1929. № 6. - С. 66-76.
436. Нарбеков В. Потребление хлебных продуктов сельским населением зимой 1920 года// Бюллетень Центрального Статистического управления. 1920. № 34. – С. 1-2.
437. Народное хозяйство СССР в 1924-1925 г. Обзор Бюро Кон'юнктурного Совета Госплана СССР. – М.: Изд. Госплана СССР, 1926. – 229 с.
438. Население и хозяйство Воронежской губернии. Вып. 2. – Воронеж: Губстатбюро, 1927. – 557 с.
439. Население и хозяйство Воронежской губернии. Статистический сводный сборник Выпуск второй. Воронеж: Изд. Воронежского Губстатотдела, 1927. - 389 с.
440. Нифонтов В. Мясной баланс СССР в 1925/26 и 1926/27 годах// Статистическое обозрение. 1928. № 9. – С. 10-29.
441. Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов // Труды ЦСУ. Т. 22. вып.1 – М., 1925. – 162 с.
442. Ольховский Б. Г. Опыт контрольного обмера посевных площадей по культурам // Статистическое обозрение. 1928. № 2. – С. 101-108.
443. Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. – 522 с.
444. Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923-1927 гг. - М.: Статиздат, 1930. – 169 с.
445. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Население империи по переписи 28-го января 1897 года по уездам. – СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1898. – 29 с.

-
446. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод сведений по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. I. СПб, 1905. – 143 с.
  447. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXI. Пермская губерния. СПб, 1904. – 56 с.
  448. Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1904 года. – Пермь: тип. Губернской земской управы, 1905. – 155+120 с.
  449. Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1908 года. – Пермь: Электротипография губернского земства, 1909. – 121 с.
  450. Пермское губернское статистическое бюро. Статистический сборник за 1923 г. – Оханск: тип. УОНО, 1923. – 262 с.
  451. Песчанский В. Основные показатели естественного движения населения Европейской части РСФСР в 1927 г. // Статистическое обозрение. 1928. № 10. – С. 89-92
  452. Песчанский В., Каплун М. Детская смертность // Статистическое обозрение. 1929. № 2. – С. 91-96.
  453. Песчанский В. Предварительные итоги естественного движения населения за первое полугодие 1927 года по Европейской части РСФСР // Статистическое обозрение. 1928. № 2. – С. 87-95.
  454. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. – М, 1921. – 450 с.
  455. Позняков Н. Материалы к характеристике питания населения Тамбовской губернии // Бюллетень Тамбовского Губернского Статистического Бюро. 1923. № 1. – С. 53-58.
  456. Полляк Г. С. Динамика рабочего бюджета (ноябрь 1926- ноябрь 1927 г.) // Статистическое обозрение. 1928. № 5. – С. 44-57.
  457. Полляк Г. Труд в 1926/27 г. // Статистическое обозрение. 1928. № 1. – С. 50-64.
  458. Потребление продуктов питания сельским населением по округам ЦЧО по расчету на одну душу в 1928 г. // Статистический бюллетень Ц.Ч.О. 1929. № 4. – С. 12-13.
  459. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. // Труды ЦСУ. Т. I. Вып. 3. – М., 1921. – 21 с.
  460. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 1. 1900-1928 гг. Документы и материалы/ ред. Г. Г. Корнилов. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 552 с.
  461. Прозоровский К. Хлебные цены и хлебный рынок в третьем квартале 1927/28 сельскохозяйственного года // Статистическое обозрение. 1928. № 6. С. 55-61.
  462. Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 1. Петроград, 1916; Выпуск 2, Петроград, 1917.
  463. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет в 2-х томах. – М., 1961.
  464. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб: Блиц, 1995. – 415 с.
  465. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Петроград, 1915; Год девятый. Петроград, 1916.
  466. Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. I. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1902. – 525 с.
  467. Сельское хозяйство СССР. 1925-1928. – М.: Стат. Изд. ЦСУ, 1929. – 503 с.
  468. Сельскохозяйственный обзор Уральской области за 1922-23 – 1926-27 гг. Итоги разработок годового цикла и осеннего опроса // Труды Уральского областного статистического управления. Сер V. Т. 5. Свердловск, 1928. – 218 с.

-
469. Семашко Н. А. Десятилетие Октябрьской революции и охрана здоровья крестьян. – М.: Изд. Наркомздрава РСФСР, 1927. – 40 с.
  470. Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926-1927 гг.: Таблицы смертности. М.-Л., 1930
  471. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР за 1925г. № 65. Организация и современное состояние Центрально-Черноземной области. Воронеж, 1928.
  472. Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 // Труды ЦСУ. Т. 30. Вып. 2. - М. 1928. – 172 с.
  473. Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. – Свердловск: Изд. Уралобкома, 1929. – 93 с. .
  474. Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР. – М.-Л.: Госпланиздат, 1939. – 128 с.
  475. Социалистическое строительство Союза ССР (1933-1938). – М.: Госполитиздат, 1939. – 207 с.
  476. Социалистическое строительство СССР. - М.: Союзоргучет, 1934. – 496 с.
  477. Социалистическое строительство Урала за 15 лет /Основные показатели/. Свердловск, 1932.
  478. Сталин И. В. Из речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 4-12 июля 1928 г. “Об индустриализации и хлебной проблеме”// Сталин И. В. Сочинения. Т.11. - М.: ОГИЗ, 1949. - С. 157–187.
  479. Сталин И. В. На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 // “Правда” № 127, 2 июня 1928 г.
  480. Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. М.: ОГИЗ, 1949. – 400 с.
  481. Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти. 1917-1924. Сборник документов и материалов. - М.: Медицина, 1966. – 544 с.
  482. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 40. Пермская губерния. - СПб: Типография М. Я. Минкова, 1906. – 52 с.
  483. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 45. Оренбургская губерния. – СПб: Типография М. Я. Минкова, 1906. – 45 с.
  484. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 5. Воронежская губерния. – СПб.: Типография Н. Я. Стойковой, 1906. – 57 с.
  485. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб: Типолитография М. Я. Минкова, 1907. -199 с.
  486. Статистика Российской империи. Т. 83. Военно-конская перепись 1912 года. Петроград, 1914. – 439 с.
  487. Статистический ежегодник 1921. Вып. 2 //Труды ЦСУ. 1922. Т.8. Вып. 4. –
  488. Статистический ежегодник за 1913 год / под ред. В. И. Шераго. – СПб: б.и., 1913. – 737 с.
  489. Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. – СПб: тип. А. Ф. Киршбаума, 1906. – 249 с.
  490. Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. – СПб: Тип. Киршбаума, 1906. – 249 с.
  491. Цены и индексы. 1925/26-1928/29. Ц.Ч.О. - Воронеж: Экономикостатистический сектор Облплана, 1930. – 222 с.
  492. Статистический ежегодник 1918-1920 гг.// Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 1. М., 1921. – 357+172 с.
  493. Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1.// Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 5. М., 1924. – 240 с.
  494. Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 2.// Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 6. М., 1924. – 352 с.

-
495. Статистический ежегодник 1924 г. Вып.1 //Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 7. М. 1926. – 334 с.
  496. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1902 год. – Оренбург: Типо-литография Губернского правления, 1903 – 45 с.
  497. Статистический сборник за 1913-1917 гг. // Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 1. М. 1921. – 275 с.
  498. Статистический сборник по Тамбовской губернии за 1926 год. - Тамбов, 1926.
  499. Статистический сборник Челябинской губернии за 1920-1923 г. – Челябинск: Челябинское стат. бюро, 1923. – 395 с.
  500. Статистический справочник Екатеринбургской губернии за 1922 г. – Екате-ринбург: Издат. Екатеринбургского губернского стат. бюро, 1923. – 223 с.
  501. Статистический справочник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екате-ринбург, 1923.
  502. Статистический справочник СССР 1927. - М.: Изд. ЦСУ, 1928. – 506 с.
  503. Статистический справочник СССР за 1928 г. - М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. – 926 с.
  504. Статистическое описание Калужской губернии. Т. I. Вып. 2. – Калуга, 1898. – 744 с.
  505. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государ-ственной думе и Государственном совете. 1906-1911. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 411 с.
  506. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 27. Оренбургская губерния. – СПб: Типография Штаба Корпуса Погранич-ной Стражи, 1903. – 196 с.
  507. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 30. Пермская губерния. – СПб: Типография Гольдберга, 1903. – 551 с.
  508. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. IX. Воронежская губерния. – СПб, 1903. – 156 с.
  509. Управление главного врачебного инспектора МВД. Отчет о состоянии народ-ного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1911 г. – СПб.: Тип. МВД, 1913. – 337 с.
  510. Уральский статистический ежегодник на 1923 год. Свердловск: Издат. Ура-лоблисполкома, 1923. – 497 с.
  511. Уральский статистический ежегодник. 1923-24. – Свердловск: Издат. Уралоб-лисполкома, 1924. - 611 с.
  512. Уральское хозяйство в цифрах. 1927. – Свердловск: Изд. Уралоблстатуправле-ния, 1927. – 513 с.
  513. Уральское хозяйство в цифрах. 1928. - Свердловск: Изд. Уралоблстатуправле-ния, 1928. – 571 с.
  514. Уральское хозяйство в цифрах. 1929. – Свердловск: Уралоблстатотдел, 1929. – 587 с.
  515. Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. Свердловск: Издат. Статсектора Уралплана, 1930. – 223 с.
  516. Урожай хлебов в России в 1917 г./ под. ред. А. Е. Лосицкого. - М.: Изд. Моск. обл. прод. комитета, 1918. – 220 с.
  517. Урожай хлебов и трав в Тобольской губернии в 1915 году. – Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1915. – 64 с.
  518. Фигуровская Н. К., Симонов В. В. Н. Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени //Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. – С. 3-84.
  519. Фрумкин М. И. Из доклада заместителя наркома финансов СССР М. И. Фрум-кина в ЦК ВКП(б) о его поездке на Урал по вопросу хлебозаготовок. 19 января 1928г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. До-кументы и материалы. 1927-1931. Т. 1. - М.: РОССПЭН, 1999. – С. 16-167.

-
520. Ц. Ч. О. Статистический справочник. 1930. – Воронеж: Коммуна, 1930. – 520 с.
  521. Центрально-Черноземная область. Справочная книга. – Воронеж: Коммуна, 1931. – 456 с.
  522. Центрально-Черноземная область. Статистический справочник. – Воронеж: Облстатотдел, 1929. – 464 с.
  523. Цифровой материал о положении сельского хозяйства крестьян Пермской губернии за восьмилетний период – с 1905 по 1912 г. включительно. - Пермь, 1913. – 230 с. С. 14-15.
  524. Чернышев И. В. Аграрный вопрос в России (от реформы до революции). Материалы и комментарии. – Курск: «Советская деревня», 1927. – 232 с.
  525. Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. - Воронеж, 1900. – 340 с.
  526. Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г.//Труды ЦСУ. Т. VI. Вып. 9. - М., 1922. – 181 с.
  527. Юрцевский М. Предварительные итоги контрольных нажимов и обмолов в 1929 г.// Статистическое обозрение. 1930. № 3-4. - С. 96-103.
  528. Яковлев В. Цены сельскохозяйственных продуктов в 1928/29 с/х году //Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. 1929. Вып. 8. – С. 92-109.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

529. Баллок Н. А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI – начале XX века. Автореф. дисс... докт. ист. наук. – Тюмень: Тюменск. госуниверситет, 2003. – 52 с.
530. Безгин В. Б. Традиции сельской повседневности конца XIX начала XX века (на материалах губерний Центрального Черноземья). Дисс... докт. ист. наук. - М., 2006. – 461 с.
531. Вакитова Л. П. Сельское хозяйство и столыпинская аграрная реформа в Пермской губернии (1907-1914 гг.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. - Пермь, 1968. – 26 с.
532. Газалова К. М. Дробление крестьянских хозяйств в Европейской России в 1921-1928 гг. Автореф. дисс... канд. ист. н. - М.: МГИАИ, 1976. – 19 с.
533. Есикова М. М. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1918-1928). Дисс... канд. ист. наук. – Тамбов: ТГПУ, 2003. – 213 с.
534. Иванов А. А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны. Дисс... канд. ист. наук. - Москва, 1998. – 250 с.
535. Киселев И. Н. Население СССР в 1920-1926 гг.: методические проблемы определения численности и национального состава. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - М., 1988. – 18 с.
536. Книга М. Д. История голода 1891-1892 гг. в России. Дисс... к. и. н. Воронеж, 1997. – 223 с.
537. Кознова И. Е. Крестьянская община в 1921-1929 годах. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1982. – 18 с.
538. Лабузов В. А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ. Дисс... докт. ист. наук. - Екатеринбург, 2005. – 671 с.
539. Литвак К. Б. Социально-экономическая структура деревни Черноземного центра России начала XX в. (Опыт количественного анализа). Автореф... дисс. канд. ист. наук. - М., 1983. – 16 с.
540. Мамонтова Э. А. Социально-экономические аспекты новой экономической политики в деревне Тамбовской губернии. 1921-1929. Дисс... канд. ист. наук. – Тамбов: ТГПУ, 2003. – 248 с.

-
541. Мигушенко О. Н. Социально-экономические и политические отношения в деревне ЦЧО. 1928-1934. Дисс... канд. ист. наук. – Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 1994. – 285 с.
  542. Муравьев В. Е. Социально-экономическое развитие Уральской деревни накануне массовой коллективизации (1926-1929 гг.). Дисс... канд. ист. наук. – Свердловск: УрГУ, 1968. – 421 с.
  543. Никулин В. В. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Центральном Черноземье. 1921-1929. Автореф... д-ра ист. наук. - СПб, 1998. – 52 с.
  544. Пашенко М. Я Крестьянское семейное хозяйство Центрального Черноземья в годы новой экономической политики (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний). Автореф... канд. ист. наук. – Воронеж, 1998. – 24 с.
  545. Скрыпников А. В. Взаимодействие города и деревни в 1921-1927 годах (на материалах ЦЧО). Автореф... канд. ист. наук. – М., 1993. – 17 с.
  546. Толмачева Р. П. Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства на Среднем Урале в 1919 -1925 гг. Дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1967. – 280 с.
  547. Цыпина Е. А. Промышленное и аграрное развитие Урала в годы нэпа. Историография проблемы. Дисс... канд. ист. наук. - Екатеринбург, 2000. – 212 с.
  548. Шалькова В. А. Зерновая проблема в 1920-е годы (по материалам европейской России). Автореф. дисс... канд. сит. наук. – М.: МГУ, 1997. -24 с.
  549. Шеврин И. Л. Крестьянство Урала в 20-е годы . Дисс... канд. ист. наук. – Свердловск: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1989. – 245 с.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

- Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф. Р-239. Уральское областное земельное управление.
- ГАСО. Ф. Р.- 1812. Уральское областное статистическое управление. Уральское областное управление народнохозяйственного учета.
- ГАСО. Ф. 241-р. Уральская областная плановая комиссия.
- Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Тамбовский губисполком.
- ГАТО. Ф. Р-761. Статистическое бюро Тамбовской губернии.
- ГАТО. Ф. Р-946. Тамбовский губземотдел.
- Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Тамбовский губком РКП(б)- ВКП(б).
- ЦДНИТО. Ф. 834. Козловский уездный комитет РКП(б).
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 279. Наркомпрод РСФСР
- РГАЭ. Ф. 478. Наркомат землепользования.
- РГАЭ. Ф. 1562. ЦСУ СССР.
- Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 4. Уральский областной комитет КПСС.